

**Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)**

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1989 год в российской и мировой истории

**Первый съезд народных депутатов СССР:
20 лет спустя**

1989–2009: Пути Европы

Москва 2010

УДК 94(47+57)

Г 67

Горбачевские чтения. Вып. 7. **1989 год в российской и мировой истории / Первый съезд народных депутатов СССР: 20 лет спустя / 1989–2009: Пути Европы** / Междунар. Фонд соц.-экон. и политол. исслед. (Горбачев–Фонд). — М.: Горбачев–Фонд, 2010. — С. 234.

*Под редакцией О.М. Здравомысловой
Компьютерный набор И.Г. Вагина*

ISBN 978-5-86493-145-5

© Горбачев-Фонд, 2010

© Оформление И.П. Матушкина И.И., 2010

Сдано в набор 17.02.2010. Подписано к печати 09.03.2010.

Формат 60x90/16. Объем 15 п.л. Тираж 700 экз.

Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)

Отпечатано в ООО «Радио-Связь»

От редактора

Седьмой выпуск «Горбачевских чтений» посвящен 89-му году в российской и мировой истории. В докладе Горбачев-Фонда, который открывает этот выпуск, подчеркивается, что 1989 г. был «рубежом, от которого пошло иное время».

Одним из самых значимых событий 89-го и ключевым пунктом демократизации СССР, начатой в Перестройку, стал Первый съезд народных депутатов СССР (май-июнь), состоявшийся вскоре после свободных, альтернативных выборов в высшие органы власти (26 марта) и заложивший основы парламентаризма в нашей стране. Во второй части сборника опубликованы выступления на Круглом столе, организованном Горбачев-Фондом и посвященном 20-летию Первого съезда народных депутатов.

Бурные изменения переживала в 89-м Европа. «Бархатные революции» прокатились по ее центральным и восточным странам, Берлинская стена пала — объединение Германии стало символом объединения Европы. Высказывание Михаила Горбачева «наш общий дом Европа» давало повод для самых смелых фантазий — в 1989 году почти всё казалось возможным. С 1989 г. страны, расположенные между ЕС и Россией, ищут собственный путь. Путь этот европейский, иногда с акцентом на отрыв от России, но очевидно, что без России эти страны не могут. В то же время в самой России обостряется спор о ее «особости» versus о России как части европейской цивилизации. Заключительная часть сборника — обсуждение «уроков» 1989 года для Европы и России и ключевых проблем современной и будущей Европы. Это обсуждение было организовано Горбачев-Фондом совместно с Международным обществом «Мемориал» и Фондом имени Генриха Бёлля.

Содержание

От редактора3

1989 ГОД В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Аналитический доклад 6

Вместо введения 6

Глава 1. СССР – в центре всемирного
разворота истории8

Глава 2. 1968 год – предшественник 1989-го29

Глава 3. Консервативная «реверсия»40

Глава 4. Спустя 20 лет: прежние проблемы
на новом витке истории45

Заключение51

Хроника 1989 года55

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Выступления на Круглом столе 21 мая 2009 г.

М.С. Горбачев79

Р.А. Медведев83

Ф.М. Бурлацкий89

А.Н. Афанасьев91

К.А. Страхов94

О.Г. Румянцев102

В.А. Лисицкий105

М.А. Бочаров106

А.В. Шубин108

Н.П. Шмелев113

Е.Н. Струкова117

В.А. Медведев120

А.В. Яблоков125

Т.Е. Ворожейкина128

М.С. Горбачев134

В.Л. Шейнис136

Н.Б. Иванова147

<i>А.Г. Левинсон</i>	154
<i>Д.С. Секиринский</i>	158
<i>С.А. Ковалев</i>	164
<i>В.Б. Кувалдин</i>	166
<i>В.В. Игрунов</i>	170
<i>А.В. Рябов</i>	174

1989–2009: ПУТИ ЕВРОПЫ

Круглый стол 5 ноября 2009 г.

Вступление

<i>О.М. Здравомыслова,</i> <i>А.Ю. Даниэль</i>	181
---	-----

Дискуссия

<i>М.С. Горбачев</i>	182
<i>Р. Фюкс</i>	188
<i>А. Михник</i>	190
<i>В. Шульц</i>	192
<i>А.К. Симонов</i>	194
<i>В. Айхведе</i>	195
<i>И.М. Бусыгина</i>	197
<i>В.Б. Кувалдин</i>	199
<i>М. Ферретти</i>	201
<i>Р. Фюкс</i>	202
<i>М.С. Горбачев</i>	207
<i>А.А. Аузан</i>	208
<i>М. Липман</i>	212
<i>А.Ю. Даниэль</i>	218

Тезисы доклада «Европа и Россия. Вопрос о колонизации»

<i>В.А. Подорога</i>	219
----------------------------	-----

Ответы М.С. Горбачева на вопросы участников

Круглого стола	230
-----------------------------	-----

1989 ГОД В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД*

Вместо введения

В 1989 году сошлись и скрутились в один клубок крупнейшие проблемы и противоречия расколотого холодной войной мира. До того нечто подобное дважды в том веке «развязывалось» в мировых войнах, а также в войнах «локального» порядка, но тоже разрушительных и кровопролитных. На этот раз мир вышел на новую, уже глобальную широту развития **без всемирного побоища**, хотя и в состоянии сумбура, неопределенности — что и куда дальше.

Год **1989** — хронологический и смысловой пик горбачевской перестройки. 12 месяцев, 365 дней¹.

Перестройка относится к таким периодам, когда историческое время будто «спрессовывается». События вдруг начинают набегать друг на друга, смешиваются, провоцируют быстрые решения и неординарные действия.

«Спрессованное время» во второй половине 80-х — начале 90-х годов характерно и для ряда других стран. 1989 год сигнализировал о приближении больших перемен в социально-политических условиях всего человеческого бытия.

В Докладе сделана попытка разобраться в том, что же произошло в 1989 году, и дать ответ на три вопроса: 1) почему

* Аналитический доклад «1989 год в российской и мировой истории» подготовлен по инициативе М.С. Горбачева в рамках проекта Горбачев-Фонда «Документальная история Перестройки». Доклад посвящен 20-летию поворотных событий, которые произошли в 1989 г., их определяющему влиянию на ход российской и мировой истории.

Авторский коллектив: А.С. Черняев, д.и.н. А.Б.Вебер, д.и.н. А.А.Галкин, д.ф.н. Ю.А.Красин

¹ Хроника 1989 г. — в Приложении.

1989 год в российской и мировой истории

известные события произошли именно *тогда*, почему они были именно *такими*, а не иными; 2) почему надежды, порожденные перестройкой, не оправдались в той мере, в какой было возможно и необходимо; 3) в чем историческая значимость идей 20-летней давности, которые перестройка поставила в глобальную повестку дня, а также актуальность проблем, за решение которых тогда взялись.

Глава 1.

СССР — в центре всемирного разворота истории

1.

1989 год — рубеж, от которого пошло **иное время**.

Это — **пятый год** Горбачева у власти. Задуманная им реформа имела простую и понятную цель — улучшить жизнь людей, вывести ее на уровень, достойный великого народа. Вместе со своими коллегами по руководству Горбачев приложил немало усилий, чтобы поправить положение в народном хозяйстве и в социальной сфере.²

Однако, по мере умножения объективных препятствий и усиления сопротивления со стороны номенклатуры, становилось ясно, что решить «простую задачу» невозможно без радикальной политической реформы.

Стержневой идеей горбачевских преобразований была **демократизация**. А формой и орудием ее внедрения в жизнь — **гласность**. Возрождение к жизни этого старинного русского понятия — на фоне прекращения преследований по идеологическим мотивам — поменяло всю общественную атмосферу.

1989 год был «подготовлен» XIX партконференцией (лето 1988 года). Государственный статус КПСС, не оправдавшей надежд как авангард перестройки, поставлен был под во-

² См. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. — В двух книгах. — М.: АО «Издательство «Новости», 1995; Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006; В Политбюро ЦК КПСС... (1985-1991). Изд-е 2-е, исправленное и дополненное. — М.: Горбачев-Фонд, 2008. Brown A. Seven years that Changed the World. Perestroika in Perspitive. N.Y. Oxford University Press, 2007;

Archie Brawn. «The rise and fale of Communism». Harper Collins Publishers. Gr. Br. 2009.

Jargues Levesque «The Enigma of 1989» (Translated from French). University of California Press Berkeley, Los Angeles, London, 1997; Marchall Y. Goldman. Gorbachev's Chalenge. N-Y, Lond., 1987;

Thomas H.Naylor. The Gorbachev strategy. Opening the Closed Society Lexington Books. 1988.

прос³. Государству предстояло преобразиться из «коммунистическо-идеократического» в «светское».

А в 1989 году был сделан решающий шаг в этом направлении.

Ключевым событием в процессе демократизации стал Первый съезд народных депутатов СССР (май-июнь 1989 года). Необычайность ситуации потребовала и необычных идей.

Оригинальным был сам замысел такого собрания, порывавший с закостеневшим порядком вещей.

Первые за советские годы свободные (почти), альтернативные выборы в высшие органы власти (26 марта) дали поразительные результаты: 30 секретарей обкомов и крайкомов были забаллотированы, не считая десятков других партийных, государственных и военных чинов. Выборы и само содержание съезда несли в себе, пока в скрытом виде, близкую перспективу ликвидации монополии КПСС на власть.

Выборы на Съезд были самыми спокойными и **честными** за все последовавшее 20-летие нашей истории. И самыми массовыми — почти 90% избирателей. Оригинальной была идея представительства также и от общественных организаций. Именно оно (750 депутатов) стало интеллектуальным бродилом в традиционно «агрессивно-послушном большинстве» депутатов. Без этого будоражащего очага Съезд не стал бы тем, чем стал. Неординарным было и «изобретение» пресловутой «красной сотни» — не только благородный жест Горбачева в отношении своих коллег, но и способ балансировать еще вполне примитивную демократию. Зал (и многомиллионные телезрители) испытал «визуальный шок», когда обнаружил членов Политбюро не в президиуме, как за все предыдущие десятилетия, а в зале, по алфавиту «в общем порядке».

Плюрализм дебатов, разбивший «дисциплинарное» единство официально верховного органа власти, перерос в противопоставление позиций, породил такое явление, как (страшно сказать!) фракционность. Впрочем, сама идея фракции не

³ Дискуссия о ст. 6-ой Конституции СССР, устанавливавшей монополию КПСС на власть, развернулась во второй половине 1989 г.; новая редакция 6-ой статьи, отменявшая это положение, была принята Ш съездом народных депутатов СССР в марте 1990 г.

чужда была Горбачеву: он даже собирал отдельно «фракцию депутатов-коммунистов», хотя и выглядело это странным, — ведь почти все депутаты были членами КПСС!

Необычным и смелым было решение транслировать Съезд в прямом эфире ТВ, что превращало его в своего рода всенародное «вече». Съезд стал торжеством гласности. Важнейшим актом Съезда было принятие по докладу Горбачева постановления «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». Тем самым принципы этой политики закреплялись законодательно. И пока еще не все удалось затоптать.

В самой конструкции Съезда народных депутатов СССР как нового высшего органа власти и в его работе отразились назревшие проблемы и противоречия трансформации союзного государства. Съезд призван был заложить институциональную основу демократизации общества и государства и одновременно стать крупным шагом в преобразовании унитарного государства в действительно демократическую федерацию. Такая форма верховной власти, как Съезд народных депутатов, непосредственно избираемых в республиках, должна была повысить их статус, их голос в Союзе.

Вместе с тем перетекание власти от партии — общесоюзного монолита — к советам, которые изначально по Конституции имели национальную «окраску», как бы «легализовало» требования большей самостоятельности со стороны союзных, а также и автономных республик. В Прибалтике — сразу же потребовали государственной независимости.

Уже первые дни работы Съезда обнаружили остроту национального вопроса. В ответ на упреки и обвинения со стороны депутатов из Прибалтики писатель Валентин Распутин поставил вопрос о возможном выходе Российской Федерации из СССР. И чем дальше, тем яростнее разгоралась полемика вокруг отношений Центра и республик.

Съезд положил начало российскому парламентаризму. Вместе с тем он закрепил **принципиально новое** положение СССР в Международном сообществе.

Первый Съезд народных депутатов СССР, при всех его слабостях, непоследовательности, недоделках и необяза-

тельности многих выводов и последствий, заслуживает того, чтобы быть оцененным как **попытка прорыва** к новому качеству развития страны. Она несла в себе исторический **шанс** — становления системы народовластия и народоправства.

На внешнеполитическом поле перестройки этот **шанс** для принципиально нового развития готовился не менее энергично и более успешно. Горбачев начал демонтаж «железного занавеса», **открывая страну внешнему миру**.

Первым пунктом здесь надо поставить **уход из Афганистана** (завершился в феврале 1989 г.). Это имело многосмысловое принципиальное значение — внутри самой нашей страны не меньшее, чем вовне.

- Впервые советское руководство во внешних делах прислушалось к голосу народа, который (как и армия) не понимал и отвергал эту неспровоцированную интервенцию.
- Прекратился поток «груза 200» и искалеченных — жертв военной авантюры.
- Сократились столь необходимые для собственных нужд миллиардные поставки в эту «черную дыру».
- Подтверждено на деле, что «новое мышление» — не демагогия, а реальная политика; возвысился и приобретал новое качество международный авторитет СССР, возникло доверие к его руководству.
- Экспансионистский, великодержавный, «чужеродный» для Запада облик СССР стал размываться, терял свою убедительность.
- Урок Афганистана означал, что отныне (и навсегда при Советской власти) советские войска не будут использоваться в каких бы то ни было целях за границей. Таково было решение Политбюро.
- Самоосуждение интервенции показало важность включения морального фактора в политику, который позволяет также исправлять ошибки.

Другим крупнейшим событием 1989 года стала **нормализация советско-китайских отношений**. Визит Горбачева в Китай в мае того года проходил в условиях общего демократического подъема в тогдашнем мире, особенно в Европе. В КНР,

пережившей ранее маоистскую «культурную революцию», где в качестве главной боевой силы была использована молодежь, вновь поднималась молодежная волна.

Массовые молодежные выступления начались еще в апреле 1989 года. Площадь Тяньаньмэнь была занята студентами. Они требовали социальной защищенности, соблюдения гражданских прав. В беседе с Горбачевым генеральный секретарь КПК Чжао Цзяян, сочувствовавший студентам (вскоре его сняли), объяснял ситуацию так: Китай длительное время придерживался старых моделей, изживших себя порядков, которые были скопированы с СССР, необходимы реформы, в том числе политические...

Трагические события на Тяньаньмэни в начале июня 1989 года обрушились стремительно. В столице было объявлено военное положение, введены войска, включая танки, и в ночь на 4 июня площадь была «очищена». По официальным данным, более двухсот погибло, три тысячи ранено, а по данным китайского Красного креста, погибло более 2000 человек и около десяти тысяч ранено. Потом пошли публичные казни «зачинщиков». Таков был пролог к «китайскому чуду».

С демонтажем железного занавеса напрямую связана **начавшаяся в 1989 году системная трансформация в странах Восточной Европы.**

Глубина преобразований в Советском Союзе показала, что перестройка — это всерьез, что принцип свободы выбора вышел и на международную арену и что теперь союзникам-сателлитам СССР уже можно не опасаться военного вмешательства со стороны «старшего брата». Тем самым открывался путь для демократических освободительных процессов в странах Восточной Европы, которые к тому же получили сильный импульс из самого центра «социалистической системы».

Уже в 60-х годах здесь обнаружилось исчерпание экстенсивных источников развития экономики, началась стагнация общества. Бюрократическое окостенение партийно-политических систем управления тормозило технологический прогресс. Замедлялись темпы экономического роста. Вызревание перемен в странах «социалистического содружества» происходило подспудно, еще до перестройки в СССР. А к 1989

году эта потребность вырвалась наружу, приняв драматический характер.

Наиболее подготовленной к переменам была **Венгрия**. При Яноше Кадаре (убежденном противнике сталинизма) здесь установился относительно либеральный режим. Но и он не мог справиться с нараставшим системным кризисом. К лету 1989 года в руководстве ВСРП взяли верх сторонники отказа от руководящей роли партии и обязательной идеологии — марксизма-ленинизма. На «круглом столе» представители различных политических сил договорились об изменении Конституции, о свободных выборах. Распад режима «партии-государства» довершился на съезде ВСРП в октябре 1989 года: правящая компартия декларировала свое преобразование в социал-демократическую и сменила название.

В **Польше** трансформация проходила более бурно. Мощную оппозицию олицетворяла и возглавляла «Солидарность». Действовала при поддержке Костела. Экономический кризис 88-го года вновь поднял забастовочную волну, и власть вынуждена была пойти на переговоры с «Солидарностью», действовавшей вроде бы как «в подполье». На «круглом столе» (весной 1989 года) договорились о программе преобразований и свободных выборах в Сейм и Сенат — в результате впервые в «социалистическом содружестве» возникло некоммунистическое правительство во главе с католиком из «Солидарности» Тадеушем Мазовецким.

В **ГДР** руководство во главе с Хонеккером, фактически осудив перестройку в Советском Союзе, до последнего момента противилось реформам у себя. Но в новой международной обстановке события развернулись неожиданно быстро и грозно.

Трансформация в Восточной Германии проходила в двух планах (иначе и не могло быть) — внешнем для немцев и внутреннем. На внешнем начало положили два визита Горбачева — в ФРГ летом 89-го года и в ГДР — в первых числах октября. В Бонне, Гамбурге и других местах он увидел совсем другую страну — отнюдь не реваншистское гнездо согласно советской пропаганде. А в Восточном Берлине, где он побывал на 40-летию ГДР, увидел неминуемость скорого обвала хонекке-

ровского режима. Его крылатая фраза, сказанная там руководством СЕПГ: «Тот, кто опаздывает, того жизнь наказывает», — означала, что ключ к решению германского вопроса, который, как все знали, находится в Москве, поворачивается во вполне понятную всем сторону.

Венгры и чехи открыли свои границы для беглецов из ГДР на Запад, чего никогда бы себе не позволили, если бы не смотрели внимательно на «поворот ключа» в Москве. Это пробило с фланга такую брешь в Берлинской стене, что режим за этой «крепостной стеной» был обречен. Исход гедезровцев превратился в середине сентября в шквальный поток — 2000 человек в день. С мая — более 350.000. Митинги в городах собирали сотни тысяч, по полмиллиона охваченных порывом к свободе участников. Началось, по сути, невооруженное «восстание масс» — под лозунгами: «Мы — одна нация», «У немцев одно Отечество!» и т.п. Недвусмысленно и неодолимо выраженная **национальная воля** начала творить историю своей страны по-новому.

Отправили в отставку Хонеккера (18 октября). 9 ноября пала **Берлинская стена**. Два миллиона восторженных гедезровцев провели уик-энд в Западной Германии.

Напряжение еще больше возросло после 10 знаменитых пунктов канцлера Коля в бундестаге, по сути, был заявлен «маршрут» дальнейшего движения к единению.

Альтернатива оставалась одна: либо «Тянаньмэнь» в центре Европы, либо снятие всех препятствий на пути к воссоединению. «Народная армия ГДР» уже не могла осуществить первый вариант: ситуация напоминала то, что произошло в Петрограде в феврале 1917 года. А советское руководство не могло повторить в 100–1000-кратном размере то, что было сделано в 1953 году в Берлине. Мораль политики «нового мышления», здравый смысл и реалистичная оценка катастрофических последствий применения силы (в том числе и для самого Советского Союза) исключила и для Москвы «первый вариант».

И «процесс пошел», процесс объединения великой нации — через сложные, острые, противоречивые переговоры на всех уровнях: немецко-немецком, советско-немецком с обеи-

ми сторонами, советско-американском, немецко-американском, а также с участием всех держав-победительниц (2+4)... при по-прежнему решающей роли «большой тройки» (Москва-Бонн-Вашингтон). Но этим «заялся» уже 1990 год. «Германский вопрос», который впитал в себя все главные проблемы и противоречия послевоенного периода и холодной войны, был, по сути, решен в **1989 году**.

Получилось так, что специфика трансформации в одной из стран «социалистического содружества» дала результат общеевропейского и мирового масштаба. И достигнуто это было **мирно**, методами, которые внес в международную политику Горбачев.

В Чехословакии под покровом внешнего «порядка» скрывалось давнее и непримиримое отторжение навязанного после падения «Пражской весны» режима. К концу 1988 года оппозиционные настроения проявились открыто и приобрели организованный характер. Падение Берлинской стены произвело ошеломляющее впечатление. Непосредственным толчком к «бархатной революции» стал жестокий разгон полицией студенческой демонстрации в Праге и последовавшие тут же многотысячные демонстрации протеста.

Достигнутая на переговорах между правительством и «Гражданским форумом» (десятки объединений интеллигенции и студентов) договоренность о коренном изменении политической системы и о переходе к рыночной экономике была поддержана общенациональной забастовкой. Парламент отменил статью Конституции о ведущей роли компартии и сформировал правительство национального согласия, президентом стал Вацлав Гавел. Так мирно и быстро произошла смена режима в еще одной стране «социалистического содружества». Но это было уже не возвращение к идеям 1968 года, не реанимация «Пражской весны».

В Болгарии спусковым крючком событий стал пленум ЦК, осудивший авторитарный режим (ноябрь 1989 года). Живков был снят с руководящих постов. В манифесте, принятом на съезде БКП в начале 1990 года, Болгария была провозглашена страной демократического социализма. На «круглом столе» согласованы изменения в Конституции, включая отме-

ну монополии одной партии, разделение властей, многопартийность и свободные выборы. Однако оппозиция в лице Союза демократических сил отказалась от сотрудничества с коммунистами, хотя и переименовавшими БКП в Болгарскую социалистическую партию. В августе президентом был избран представитель оппозиции Желю Желев.

Единственной страной «социалистического сотрудничества», в которой падение режима сопровождалось кровопролитием, была **Румыния**. События в конце 1989 года развивались скоротечно. Чаушеску только что на очередном партийном съезде назвал его «съездом великих побед, торжества социализма, полного проявления независимости и суверенитета Румынии». Однако в румынском руководстве уже сложилась группировка, искавшая способ убрать Чаушеску.

Жесткий тоталитарный режим в Румынии исключал мирную трансформацию. Поводом для развязки стали демонстрации венгерского меньшинства в Трансильвании. Брошенные против демонстрантов силы безопасности и армия стали переходить на их сторону. 22 декабря режим Чаушеску был свергнут. Сам он бежал из Бухареста, но был схвачен и по приговору военного трибунала 25 декабря расстрелян вместе со своей властной супругой. Образованный в срочном порядке Совет Фронта национального спасения возглавил Ион Илиеску (член бывшего ЦК РКП). Так совершилась и румынская революция 1989 года.

2.

Трансформация в Восточной Европе была бы невозможна без невиданных перемен **во всей мировой политике**.

Кардинальным пунктом здесь были новые **отношения СССР с другой сверхдержавой**. Они необходимы были, чтобы: а) снять угрозу ядерной войны, которая делала страну заложницей гонки вооружений и милитаристской мобилизационной системы; б) ликвидировать губительное давление ВПК на экономику, политику, общественное сознание; в) разрядить конфронтационную атмосферу в международных отношениях в целом, в том числе — убрать уродующее развитие «третьего

мира» соперничество там «великих» и сократить идущие туда расходы.

Формальной датой прекращения холодной войны можно считать советско-американскую встречу на **Мальте**. Джордж Буш-старший, принявший в январе 1989 года эстафету от Рейгана, «взял паузу» для размышления о дальнейшей линии в отношении СССР. В мае «пауза» закончилась и новый госсекретарь Джеймс Бейкер, сменивший Шульца, съездил в Москву. А в начале июля Буш сообщил Горбачеву, что предлагает встретиться «накоротке» на «нейтральной почве». Встреча состоялась в начале декабря **89-го года** на корабле у берегов Мальты, прошла на пределе откровенности и готовности сотрудничать. Мальта стала символом крутого поворота в мировой политике.

Лидеры СССР и США заявили там, что **отныне не считают свои страны противниками. Это означало начало конца биполярной конфронтации.**

Путь к такому взаимному отказу от «образа врага» был не простой. Ступени этого пути были вымощены огромной работой обеих сторон, получившей заряд энергии от перестроечной политики «нового мышления». Главные ступени таковы:

Женева (ноябрь 1985 года) — первая встреча нового советского лидера с Рейганом, по итогам которой (по предложению, кстати, именно американского президента) было заявлено, что «ядерная война недопустима и в ней не может быть победителей». При такой констатации гонка вооружени, по сути, теряла политическое обоснование.

Рейкьявик (декабрь 1986 года). — Хотя не удалось сделать первый шаг к реализации генеральной идеи Горбачева о ликвидации ядерного оружия и не был принят (из-за СОВ) план сокращения наполовину всех трех видов стратегического ядерного оружия, тем не менее произошел принципиальный сдвиг в понимании возможности начать именно с этой администрацией (Рейган и Шульц) процесс прекращения холодной войны.

Визиты Горбачева в Вашингтон (декабрь 1987 года) и **Рейгана в Москву** (29 мая — 1 июня 1988 года), показавшие возможность сближения двух наций не только на государственном уровне, но и на общественном.

Первый договор (РСМД, 1987 год) о ликвидации целого типа ядерного оружия — ракет средней и меньшей дальности — начало реального, материально выраженного процесса обуздания гонки вооружений.

Программное выступление Горбачева в ООН (декабрь 1988 года), где перед всем миром было заявлено о принципиальном отказе Советского Союза от основанной на идее несовместимости двух социальных систем политики конфронтации, о диалоге и стремлении к сотрудничеству как приоритетных международных принципах.

1989 год был финальным на трудном пути к Мальте.

Сколько вздора, фальсификаций, домыслов на тему об окончании холодной войны появилось за 20 лет и в печатной журналистике, и на экранах TV, в диссертациях и лекциях... вопреки исследованиям серьезных ученых, вопреки документам и свидетельствам непосредственных участников событий. Несоостоятельность ложных объяснений конца холодной войны происходит нередко оттого, что анализ величайшего, эпохального события делается на «дипломатическо-мидовском» уровне, когда проблемы топятя в мелочах, исторический процесс сводится к дипломатическим играм — кто кого объегорит...

Теперь даже в самих США появились сомнения насчет «победы в холодной войне»⁴. Как подтверждают серьезные исследования, Рейган, которому мир во многом обязан тем, что с этим безумием было покончено, не считал, что он «победил Горбачева». Пойдя навстречу Горбачеву, он создал условия, при которых Генеральный секретарь ЦК КПСС мог себе позволить отказаться от продолжения холодной войны⁵.

⁴ Самые последние исследования подтверждают это: James Mann «The Rebellion of R.Reagan». Viking, USA, 2009; Gordon S. Barrass «The Great Cold War. Jowney Through the Hall Mirrous». Stanford. California, USA, 2009. Jack F.Matlock (бывший посол в Москве). «Reagan and Gorbachev. How the Cold War ended». 2004.

⁵ Вот как James Mann подводит итог усилиям Рейгана, искренне желавшего прекратить холодную войну: «Reagan didn't win the Cold War, Gorbachev abandoned it... Reagan helped create the climate in which the Cold War could end» (Op. cit., p. 346). Не стремился Рейган и «разрушить Советский Союз». Нет таких слов ни в опубликованных теперь его дневниках, ни в его публичных заявлениях, ни в частных или служебных беседах президента США. Отрицают такое намерение жена президента Нэнси и его ближайшие сотрудники — Карллуччи, Шульц, Уайнбергер.

Падение «коммунизма» — да, заветная мечта Рейгана. Но не политика США была причиной «краха коммунизма».

Горбачев тоже не рассчитывал на «победу» в холодной войне. Он и его тогдашние сподвижники понимали и **признавали**, что в дальнейшей «гонке» на новом технологическом витке **мы проиграем**, не выдержим чудовищного «соревнования».

Но дело не только в этом. Весь смысл деятельности Горбачева, его «нового мышления» обращен был к тому, чтобы изменить само представление о величии страны — мыслить его не в критериях военной, устрашающей мощи, а в экономических и морально-политических достоинствах.

Советско-американское «сближение» имело геополитически, безусловно, «основополагающее» значение. Но для нас оно носило преимущественно внешнеполитический характер, не затрагивающий прямо сути перемен внутри СССР. А вот **европейское направление** (которое, естественно, переплеталось с американским), наряду с экономической заинтересованностью, содержало и глубинное **цивилизационное** начало.

В заявлениях Горбачева на Политбюро, в его предложениях, поручениях, в беседах с западноевропейскими лидерами, в публичных речах в Праге, Лондоне, Париже и **особенно в Страсбурге**⁶, в испанских университетах, в его концепции «общеевропейского дома», в настойчивости по созыву Обще-европейского Совещания в Париже в 1990 году и в речи, там произнесенной, в незаменимой его роли в объединении Германии — везде просматривается его стремление **оконча-**

⁶ В июле 1989 года в рамках визита во Францию, отмечавшую 200-летие своей Великой революции, Горбачева пригласил Совет Европы выступить в Страсбурге на Парламентской Ассамблее Совета. В своей большой речи там, обращаясь к представителям народов Европы, он подробно изложил европейскую политику СССР, выдвинул конкретные предложения по общеевропейскому сотрудничеству в области безопасности, экономических и научно-технических связей, защиты окружающей среды, совместной ликвидации последствий природных и техногенных катастроф, взаимодействия по культурным и гуманитарным вопросам. Эта речь аккумулировала всю сумму общеевропейских идей Горбачева. Он призвал политиков стран Европы, США и Канады задуматься о последующих этапах движения к европейской общности XXI века, назвал реальной, хотя и не близкой, перспективу образования «обширного экономического пространства с высокой взаимосвязанностью восточной и западной его частей.

тельно утвердить «петровский выбор» страны как безоговорочно европейской. Везде у него всё к одному: сдвинуть свою страну в ее **естественное, т.е. европейское русло.**

К 1989 году Горбачев добился коренного перелома к улучшению отношений практически со всеми странами Западной Европы, включая ее главные величины — Великобританию, ФРГ, Францию, Италию, Испанию. Сам его диалог с государственными деятелями этих и других стран — по своей необычной для дипломатии лексике, по манере общения, по провоцирующей взаимность откровенности — представляет собой самостоятельную ценность в истории международных отношений.

Именно здесь, в Европе, происходило включение «момента общности» исторического прошлого, культурного родства, брачных связей, языковых заимствований и т.п. Деидеологизация приобрела здесь «самодвижущуюся» инерцию еще до того, как формально закончилась холодная война. И именно в Европе наиболее впечатляюще проявил себя распад коммунистического движения, олицетворявшего «во главе с СССР» вселенский раскол на две экзистенциалистски «непримиримые» системы.

Цивилизационным выбором определялась и политика Горбачева в отношении государств Восточной Европы.

Отказ от «доктрины Брежнева», с чего он начал новые отношения с союзниками, а затем и отказ от применения силы в ответ на крутые революционные перемены у соседей диктовались и моралью «нового мышления», и здравым смыслом, побуждавшим считаться с волей народов. Делать то, что шло бы ей наперекор, было бы просто преступным.

То, что произошло в Восточной Европе, отвечало назревшей исторической потребности в преодолении раскола Европы. Другое дело, что это обернулось на какое-то время против России. Ирония истории бывает коварна.

Глядя с нынешней временнóй «высоты» (заслуживает ли она такого слова!), можно предположить, что образование общеевропейской общности, органично включающей в себя Россию («новый СССР»), означало бы возникновение едва ли не самого мощного локомотива для всего общечеловеческо-

го, гуманистического прогресса. И ту раскольническую тенденцию, которую внесли в европейскую интеграцию бывшие советские республики и сателитты, можно было своевременного погасить.

Как бы там ни было, благодаря Горбачеву «возвращение» России в Европу состоялось. И необратимость этого, что бы тут ни случилось, зафиксирована **падением Берлинской стены**. 1989 год можно считать **финальным** в том, что он успел и смог сделать по **европеизации России** в XX столетии. Парижская Хартия для Европы от Ванкувера до Владивостока зафиксировала это документально.

3.

Устранение двух основополагающих признаков могущества и авторитета Советского государства (диктаторский державный монолит и претенциозный идеологический статус) ставили под вопрос само существование СССР как имперской державы.

В перестроечной атмосфере, ослабившей унитаристские колодки, национальные противоречия вырвались наружу и скоро приобрели угрожающий для Союза характер. Идеи большей и даже полной независимости расползались по республикам. Апрельские события в Тбилиси подлили масла в огонь разгоравшихся на национальной почве конфликтов. Лидировала в сепаратизме Прибалтика. Приближалось 50-летие советско-германского договора 1939 года, и всплыла тайна о секретных протоколах. В мае Верховные Советы Литвы и Эстонии потребовали признать договор 1939 года незаконным с момента его подписания; к ним вскоре присоединилась Латвия. Верховный Совет Литвы принял Декларацию о государственном суверенитете республики. Ни решения запоздалого пленума ЦК КПСС по национальному вопросу (сентябрь 1989 г.), ни постановление Второго съезда народных депутатов СССР по договору 1939 года (декабрь) уже не могли разрядить обстановку. В повестку дня встал вопрос о новом Союзном договоре.

Подъем национализма во многих местах советской державы имел свои причины. Но болезненно-лихорадочный, истеричный и русофобский характер придали ему республиканские «элиты», действовавшие отнюдь небескорыстно. Само же вторжение национального фактора в судьбы страны было неизбежным и неотвратимым: «советская империя» к концу XX столетия становилась анахронизмом.

Это сказалось и на самой российской нации, на ее самоощущении. Великороссам и всем обрусевшим или близким к ним народам предстояло переосмыслить свою идентичность, свое положение в мире. Русскую нацию настиг социально-психологический кризис. Он проявил себя в ходе перестройки, особенно остро — **в 1989 году**.

Мог ли Союз — за очень короткий в той ситуации срок — обрести какое-то совершенно новое обличье, иную форму и совсем другое содержание, — об этом спорить будут долго. Но **произошло то, что произошло**.

Решающим для судьбы перестройки было, однако, **социально-экономическое положение**, сложившееся к 1989 году.

Поначалу основная масса людей, так или иначе связывавшая свои личные дела и заботы с положением в стране, приветствовала новый стиль лидера, поддержала заявленный курс. Горбачев очень рассчитывал на этот «человеческий фактор» и старался его «разбудить», всячески поддерживал «сверху». Значительную часть населения «разбудить» удалось. «Народ» почувствовал вкус свободы. Но сразу же столкнулся с номенклатурой. Началось отторжение от административно-бюрократической власти. А заодно — и от КПСС, ее олицетворявшей. Недаром же во многих местах, где появлялся Горбачев — от Норильска до Кубани, а также в письмах Генсеку, люди требовали «открыть огонь по штабам»⁷. Особенно лихо действовали шахтеры. Неординарный съезд колхозников показал, что была «затронута» и деревня.

Однако демократизация пробудила не только энергию, необходимую для продолжения реформ. Она развязала стихию, опасную для упорядочения преобразований. «Человеческий фактор» бурлил в десятках и сотнях разных «ассоциаций»

⁷ Лозунг хунвейбинов во время «культурной революции» в КНР.

и «обществ», клубов и «групп», «союзов» и объединений «по интересам», в забастовочных и прочих комитетах, самодельных изданиях, областных, народных и национально-республиканских фронтах... Нескончаемые митинги, политизированные демагогами забастовки подрывали экономику, обесценивали попытки перевести ее на новые принципы и основы.

Прежние управленческие механизмы и органы правопорядка, основательно уже дискредитированные, а то и просто саботировавшие горбачевскую политику, не справлялись со своими функциями. Для формирования новых не оказалось ни кадров, ни времени.

«Хирургия» в лечении «плохого социализма» была отменена, а демократическая «терапия» не была еще освоена, да и вряд ли могла спасти положение, тем более что уже все сильнее ощущался начавшийся финансово-экономический кризис.

Советский Союз, вынужденный повязать себя с внешним рынком, еще в начале 70-х гг. начал усаживаться «на трубу»⁸. Но произошел обвал цен на нефть. Политика перестройки лишилась важнейшего материального ресурса.

Энтузиазм энтузиазмом,.. а повседневная жизнь с ее трудными проблемами никуда не делась. В нашем «дефицитном» обществе грозно замаячила вновь формула (она же и дилемма): «свобода — колбаса». От нее нигде и никогда не уйти при оценке роли масс в истории. Свобода — конечно, хорошо, хотя еще не очень понятно, что с ней делать. Но желательно, чтобы была и «колбаса», да побольше, чем прежде. На деле же в ходе перестройки (как и при всякой революции) ее становилось все меньше. И маятник качнулся в сторону от первой составляющей дилеммы — ко второй. «В гущу трудящихся масс» началось отторжение перестройки.

В этот критический момент — в 1989 году — перестройка получила коварный удар в спину со стороны тех, кто был до того ее опорой и глашатаем — со стороны самой политически

⁸ Благодаря «трубе» реформировать уже ничего стало не надо. Предложения на этот счет гасились. Хотя «никто не хотел войны», в том числе, конечно, и Брежнев, доходы от «трубы» все равно шли в топку ВПК и милитаризма, который был неременным «инструментом» режима и его международной практики.

активной части интеллигенции. Она, как Есенин, «задрав штаны», «в коммунизм», ринулась в открытые ворота к перестроечной свободе. Но, как уже не раз с ней случалось в России, не выдержала, ударилась в панику.

Сыграв свою незаменимо огромную роль в начале перестройки, интеллигенция сама же помогла ее сорвать. Пресса в ее руках напоминала стихию безбрежной безответственности, сеяла смуту в умах и раздор в обществе. Критицизм превращался в бесшабашное, злобно-сенсационное критиканство, разносное и оскорбительное, «желтое».

Злоупотребив гласностью, новоявленные идеологи рванули, как тогда говорили, в «радикальном» направлении, понося перестроечную власть за то — как это у Пастернака, — «что дважды два не сразу сто». В публицистическом цунами быстро был разрушен идеологический стержень советского строя — марксизм-ленинизм, выполнявший роль «государственной религии». А взамен — вакуум, который стал быстро заполняться капиталистической начинкой: никакой другой в наличии не было: — социал-демократическая была основательно затоптана в СССР за 70 лет.

Мало того — «прорабы перестройки» пошли в услужение к Ельцину, некоторые из них переродились в интеллектуальную службу режима Путина. Сказалась релятивистская мораль, взращенная советской системой, и крепостнический инстинкт отдаваться тому, кто выдает себя за более сильного или обещает быть таковым⁹.

Недовольством в массах воспользовалась номенклатура. Разгром «Нины Андреевой» не ликвидировал самого этого «явления». Напротив, угроза потери властных полномочий и должностных привилегий после XIX партконференции резко усилила и ожесточила сопротивление с КПСС'овского фланга. А озлобленная часть бывшей перестроечной интеллигенции de-facto примкнула к этой номенклатурной оппозиции. Образовался разношерстный, но мощный политический фронт против лидера перестройки, на ком она фактически к этому времени только и держалась.

⁹ Бабыя черта, свойственная, по Бердяеву, всей русской нации, ее интеллигенции — особенно.

Явственно все это «сошлось» опять же в 1989 году. Последующие два года для Горбачева и его стремительно сокращавшейся «армии перестройки» — это отчаянная борьба за ее спасение и заодно — спасение страны.

4.

Судьба попытки «улучшить» общество, реанимируя строительство социализма, апеллируя к первоначальным высоким идеалам Великой революции, тем более поучительна, что была предпринята с самыми честными, гуманными намерениями, во имя нравственного оздоровления нации, для возрождения ее подлинного величия.

Причины того, что не получен был искомый результат, многочисленны, многозначны и остаются предметом острых дискуссий. Общество, измотанное на протяжении десятилетий грубыми, жестокими переделками, покалеченное Войной и репрессиями, не раз обманутое, не захотело подвергать себя на этот раз «самопеределке» ради собственного будущего. А ждать, когда придет благополучие само собой (т.е. «сверху»), терпения уже не хватило. И оказалось оно в руках передельщиков «по-большевистски», только наоборот. Но — это не наша тема.

Впрочем, все великие революции приводили в конце концов не к тому, на что рассчитывали их инициаторы и идеологи. Тем не менее (признаем правоту Маркса) выполняли свою (по необходимости жестокую) роль локомотивов истории.

Попытка прорыва к новому качеству существования страны не получила должного продолжения. Она не реализовала всего того, что содержалось в замысле прорыва. И поэтому не последовало коренной перемены в **национальном самознании**, необходимой для критической самооценки и самоорганизации общества на иных цивилизационных принципах.

Расширение пространства свободы получилось, но не произошло перелома на «трансцендентном»¹⁰ уровне. «Обще-

¹⁰ Имеется в виду не кантовское гносеологическое понятие, а первоначальное, идущее от Дунга Скотта — благополучие общества, основанное на нравственных нормах.

человеческие» ценности, провозглашенные Горбачевым, провавшие пути государственной идеологии, не пустили корней, не закрепились даже в узком, политико-демократическом, смысле. Тем более не стали они **социально нравственной доминантой** перехода страны в XXI век.

А потребность в этом уже постучалась в двери Истории. Кризис не только «советского социализма», а и отдаленные сполохи системного кризиса всего мирового состояния приближали человечество к **катарсису**, к такому выходу в будущее, который можно сравнить разве с появлением христианства — в ответ на кризис античного мира.

Перестройка усложнила и структуру, и образ жизни. Но сложность, «по определению», провоцирует реакцию, которая всегда стремится к упрощению системы. В нашем случае реакция воспользовалась свободой. Жертвой этой свободы — в «ельцинском варианте» — стала культура как фактор развития. За ее ненадобностью сошла на нет и интеллигенция — как особый и неповторимый социальный феномен. «Растворилась» эта интеллектуальная и гуманистическая величина, явленная миру только в России и олицетворявшая ее действительное величие. (Остались «отдельно взятые» интеллигенты и «образованщина»). Это потеря не только национального значения, но и для всего того, что последовало за **1989 годом**.

Энтропия общества, начавшаяся еще в советские времена и задержанная перестройкой, после ее падения ускорила свой ход. После распада СССР ее признаки видны во всем на каждом шагу.

Для будущего всего человечества, однако, важно, что перестройка и политика «нового мышления» предотвратили «конец истории» (уже не по Фукуяме, а хуже), дали ей шанс идти дальше, с более широким, глобальным захватом и с такой скоростью, которую диктует XXI столетие.

Появление такой личности, как Горбачев с его «новым мышлением» и именно в середине 80-х годов — все-таки случайность. Но то, что он начал действовать так, как он действовал, — закономерно.

У нового советского лидера выбор был: адаптировать свои планы к реалиям эпохи Брежнева-Андропова-Черненко, или **отважиться на прорыв**.

Конкретные меры, принятые им и его соратниками в 1985–89 годах, были «правильными», если их оценивать с позиций строгого историзма. Они были срочно необходимы для удовлетворения — хотя бы минимально — нормальных потребностей населения в обществе, инфицированном и покалеченном сталинизмом и брежневщиной. Однако во всех действиях Горбачева, пусть сугубо прагматических и неотложных, налицо была **тенденция** — преобразовательная, имеющая целью вывести народ из тоталитарного плена, раскрепостить его экономически, политически, духовно-психологически.

Невозможно было решать проблемы развития, не посягая на «развитой социализм» и не прекратив холодной войны, участие в которой разоряло страну, не говоря уж о том, что она несла угрозу самому ее существованию — да и цивилизации как таковой.

За годы после распада СССР появилось немало претензий к Горбачеву, обвинений в его адрес и еще больше рекомендаций — как бы ему следовало поступать. Они подчас противоречат друг другу, и многие, что называется, не *valable*, а по-русски, «не в ту степь», уводят в сторону от сути дела.

Речь ведь шла о **движении истории** на ее великом переломе, когда в ее мощном потоке, хлынувшем через сорванную с заржавелых «заклепок» плотину, оценки «правильно-неправильно» превращаются в частности. Тем более, что — как теперь-то уж хорошо видно, и это отмечают многие исследователи — процесс перемен в СССР приобрел в 1989 году «автономный», практически неуправляемый характер, обнаружил уже иную логику движения.

Содержание исторического подвига Горбачева многообразно. Но в нем есть **две** главные, обобщающие ипостаси. Они-то и сомкнулись в 1989 году:

- 1) ликвидация тоталитаризма в одной из определявших ход истории сверхдержав, заодно снятие неопределен-

ности в ее принадлежности то ли к Европе, то ли к Азии, то ли к ним обеим;

- 2) прекращение загонявшей мировой процесс в тупик конфронтации двух систем.

И то, и другое к концу XX века вписывалось в общую логику цивилизационного процесса. Ни сам Горбачев, ни кто другой не могли предвидеть всех последствий подготовленного им **прорыва в будущее**.

Здесь иллюзии мешались с интеллектуальной, политической, институциональной неготовностью международного сообщества встретить **такой** вызов. А исчезновение великого государства, ставшего было «главным игроком» в подъеме человечества на новый уровень, привело к тому, что истории пришлось «потоптаться» на месте, пока на нее не обрушился шквал небывалого, глобального кризиса.

Глава 2. 1968 год — предшественник 1989-го

1.

За 20 лет до советского 1989 года в других странах происходили события, обозначившие тенденцию к переменам в общемировом масштабе. В этом смысле особенно значимы 60-е годы и, прежде всего, — **1968 год**.

К середине 60-х гг. коренным образом изменилась геополитическая расстановка в мире. В наиболее развитых странах сложились новые формы производства и организации народного хозяйства, заметно повысился жизненный уровень. Существенно изменилась социальная структура, возросла роль умственного труда, поднялись образованность и квалификация работников. Особо следует отметить последствия разгрома в великой Войне нацизма и фашизма и их морально-политическое разоблачение. Это ускорило восприятие и усвоение демократических порядков и ценностей многими странами.

Влияние всех этих перемен возрастало по мере смены поколений.

Появились признаки отторжения общественных порядков и норм жизни также и в странах социалистического блока. И тут, как и на Западе, возникала кризисная, а временами взрывоопасная обстановка, которая стимулировалась также и холодной войной.

В социалистических странах ждали перемен. Сказывались последствия XX съезда КПСС, ликвидация Хрущевым «святости» персоны «вождя всех народов». Ветры «оттепели» в СССР еще ощущались. Теплилась надежда на либерализацию, на отмену цензуры и т.д. Шли дискуссии о косыгинской реформе в СССР, обсуждались экономические и политические новации в Польше и Венгрии.

Признаки грядущего возгорания налицо были везде. Но полыхнуло в Чехословакии.

Эта страна — особый случай в контексте Восточной Европы. Культурно она была больше связана с Западом, но вместе с тем исторически тяготела к России. Это получило дополнительную подпитку благодаря решающей роли, которую сыграл Советский Союз в освобождении Чехословакии от нацистской оккупации. Укрепила дружеские чувства к СССР также и то, что советские войска были выведены из Чехословакии практически сразу после Войны.

«Строительство народной демократии» осуществлялось внутренними силами — без прямого вмешательства Москвы и не вызывало активного неприятия населения. Приемлемым оказался для чехословацкого общества и установленный после переворота 1948 года режим, ассоциируемый с именами Готвальда и Запотоцкого, хотя публичный суд над Сланским и его сподвижниками, физическое уничтожение ряда выдающихся деятелей страны оставили глубокую травму в чехословацком обществе.

Приход к власти Новотного, несмотря на словесное признание им решений XX съезда КПСС, не привел к переменам, которых ждали и в партии, и в стране. С начала 60-х годов оппозиция режиму стала формироваться очень быстро. К 1968 году она вполне сложилась, тем более что относительное благополучие основной массы населения давало сбои — в результате зависимости экономики от советского рынка и подражания советскому образцу в промышленной структуре.

Движение обновления в Чехословакии было инициировано внутри самой правящей компартии и группами интеллигентов. Подразумевалась коренная демократизация политической жизни. Речь поначалу не шла о смене общественного строя, а о его гуманизации («социализм с человеческим лицом»).

В январе 1968 года на пленуме ЦК КПЧ новым руководителем партии вместо Новотного был избран Александр Дубчек. Обновлен состав президиума и секретариата ЦК, там оказалось немало реформаторов, хотя вошли и «люди Москвы».

Президентом стал прославленный ветеран Второй мировой войны генерал Людвиг Свобода.

Новое руководство КПЧ выдвинуло широкую программу демократических реформ. Страна забурлила, глотнув свободы полной грудью. Однако параллельно росли тревога и возмущение у союзников — в Польше, ГДР, Болгарии, Венгрии, но, прежде всего, в СССР. Тем более когда появились признаки отхода ЧССР от Варшавского Договора. Это воспринималось как прямая угроза целостности социалистического лагеря, «эффекта домино».

Решающим моментом кризиса стала встреча в Чиерненад-Тисой 29 июля — 1 августа, в которой участвовали в полном составе Политбюро ЦК КПСС и Президиум ЦК КПЧ вместе с президентом Свободой. Представители КПЧ обещали, что «наведут должный порядок». Между тем уже была завершена подготовка военной операции. Механизм военного решения заработал. А тут — кстати, и обращение «здоровых сил» в руководстве КПЧ (Бияк и др.) с просьбой о помощи «в наведении порядка».

Военная операция (вернее — оккупация), начатая 19 августа, прошла быстро и «успешно». 20 августа ночью, когда стало известно о вводе войск, президиум ЦК КПЧ — 7 против 4 — осудил вторжение. Население было потрясено. Со всех сторон раздавались призывы к забастовкам и демонстрациям.

Интернированные члены руководства ЦК КПЧ были доставлены в Москву. На переговорах советские руководители «в порядке уступки» выразили согласие с решениями пленумов ЦК КПЧ, положивших начало демократизации, и обещали оставить на своих постах всех руководителей КПЧ и правительства. Обещали вывести войска.

Ни то, ни другое не было выполнено... В апреле 1969 г. во главе КПЧ был поставлен Густав Гусак, позднее ставший президентом ЧССР. В ходе начатого им «наведения порядка» и внутривластных чисток идеи «Парижской весны» были преданы анафеме.

Удушение «Пражской весны» имело крайне тяжелые последствия не только для Чехословакии, но и для самого Советского Союза. «Победа» в 1968 г. покончила с остатками «отте-

пели». Правящая номенклатура почти в открытую повела дело к ресталялизации, усилились репрессии — с арестами, высылкой из страны, запугиванием, запретами, ужесточена цензура, блокировались любые попытки что-либо менять в застойной экономике.

Если бы «Пражская весна» не была задушена, ход событий в социалистической блоке, да и во всем мире был бы совсем иным — менее разрушительным и болезненным.

Историки «Пражской весны» неоднократно обращали внимание на сходство реформаторского движения в Чехословакии с перестройкой, произошедшей в Советском Союзе спустя два десятилетия. Действительно, имеются основания для сопоставлений.

Горбачев и его чешский университетский друг Зденек Млынарж, один из руководителей «Пражской весны», в беседах о перестройке и «Пражской весне» (опубликовано в виде книги) проанализировали связь между этими крупнейшими событиями 60-х и 80-х годов XX столетия. Прав и Дубчек, который на излете своей политической карьеры продолжал настаивать на сходстве собственной реформаторской программы с горбачевской политикой.

Сходство было обусловлено общностью общественно-политических систем в ЧССР и СССР, включенностью их в общемировой тренд к слову закостеневших структур бытия. А разница состояла в том, что в Восточной Европе хотели свободы в основном «от» (внешнего диктата), а в СССР — «для» (преобразования общества).

Но дело не только в этом.

Дело в том, что разгром одним «социализмом» другого — «реальным советским» «социализма с человеческим лицом» — нанес ошеломительный удар по социализму как таковому, по самой идее социализма. И спустя 20 лет — между 68-м и 89-м — в самой Чехословакии уже не «захотели» никакого социализма даже «с человеческим лицом». Знамя Дубчека перехватил Гавел, под руководством которого его Гражданский форум переродился очень скоро в дюжинную правую партию западного типа. И именно за ним пошло большинство населения, избрав Гавела президентом.

Такая метаморфоза произошла потому, что за 20 лет центр «реального социализма», СССР, продемонстрировал для всех очевидную неконкурентоспособность с противоположной ему системой. Более того — далеко оторвался, даже предал идеи, заявленные Великой революцией, его породившей.

На Западе противоречия послевоенного периода, выравнявшиеся наружу, вошли в учебники как «молодежная революция». В числе ее особенностей специалисты отмечают географический диапазон, высокий интеллектуальный уровень участников (в основном, студенчество), преимущественно духовно-нравственную ориентацию требований, новизну заявленных ценностей.

Началось в **Соединенных Штатах**. Семимиллионное население университетских городков поднялось против бюрократизма власти, несправедливости порядков, при которых господствуют нажива и корысть. На студентов глубокое воздействие оказали веяния, характерные для носителей «нового сознания», отвергавшего порядки, привычные для «отцовского поколения», его образ жизни, мораль, культуру. Мирозрением тех, кого называли «хиппи», стали пацифизм, аполитичность, непризнание любых авторитетов, поиск новой духовности, упрощение быта, страсть к перемещениям, «сексуальная революция».

С этим сомкнулся протест против войны во Вьетнаме. Шли бесконечные антивоенные диспуты, сжигались повестки с призывом на военную службу. Случалось, военнослужащие отказывались давать присягу и идти воевать. А те, кто уже повоевал, возвращали боевые награды.

Возникло своеобразное женское движение. В основе этого нового феминизма лежала потребность в самореализации и самовыражении. Читались курсы, проводились семинары, стали популярными школы психотерапии. Движение встретило поддержку со стороны некоторых церквей.

Бурный характер приобрел протест против дискриминации черного населения. Гнев афроамериканцев выплеснулся на улицы. Возникли влиятельные организации: «Конфедерация христианского руководства» во главе с Мартином Люте-

ром Кингом, «Студенческий координационный комитет ненасильственных действий», движение «Черная пантера» и др. Общенациональный марш борьбы за гражданские права завершился в Вашингтоне грандиозным митингом у мемориала Авраама Линкольна — 250 тысяч человек. Правительство Кеннеди внесло в Конгресс билль о гражданских правах. И хотя он был встречен взрывом ярости расистов, закон вступил в силу, правда, уже после убийства Кеннеди.

К середине 60-х начались массовые протесты среди испаноговорящей части населения, которое быстро увеличивалось в США. «Чиканос» не признавали теории «плавильного котла». Нарастало требование двуязычного обучения и учета культурных, национальных и языковых особенностей в образовании в повседневной жизни.

Сочетание различных форм борьбы — парламентской и непарламентской, экономической и политической, на местном и общенациональном уровнях дало результаты как политического, так и культурного плана. Правящие круги вынуждены были пойти на значимые уступки. Разумеется, сами проблемы не исчезли. Они были лишь на время отодвинуты.

Весной 1968 года в эпицентре молодежной революции оказалась **Франция**. Первые раскаты грома прозвучали еще в конце 1967 года. На многотысячных митингах студенты требовали отставки министров, изменения правительственного курса в сфере образования. Горючего материала подлило убийство Эрнесто Че Гевары. В декабре парижские студенты провозгласили Неделю действий, к которой присоединились Мец, Лилль и другие университетские города. Прошло в разных местах около полусотни крупных студенческих выступлений и массовых манифестаций. 14 марта был объявлен Национальным днем действий студентов. Начался захват университетских зданий. Возникло анархистское «Движение 22 марта». «Движение университетских действий» (МАЮ) включало уже студентов не только из Франции, но и из Италии, ФРГ, Бельгии, Западного Берлина, Испании. В знак солидарности забастовали типографские рабочие, водители парижских автобусов.

В первомайской демонстрации, возглавленной уже профсоюзами, приняли участие в одном только Париже сто тысяч человек. Требовали введения 40-часовой рабочей недели, защиты прав профсоюзов, возобновления программы социального обеспечения. Вмешательство полиции привело к жестоким, кровавым столкновениям. Латинский квартал покрылся баррикадами. На помощь студентам пришла рабочая молодежь из других районов Парижа. 6 мая число сражавшихся против полиции составило уже 30 тысяч. 600 участников получили ранения, более 400 арестовано.

Ряды негодующих продолжали стремительно расширяться. О полной поддержке студентов заявили почти все профсоюзы преподавателей, учителей и научных работников, телевидения. Журналисты создали «Комитет против репрессий». Пригрозили забастовкой авиадиспетчеры. Была заблокирована одна из общенациональных автомагистралей. Студентов поддерживали компартия, соцпартия, партия левых радикалов, крупнейшие представители французской интеллигенции: Поль Сартр, который был фактически идеологом движения, Симона де Бовуар, Натали Сарро, Франсуаза Саган, Андре Горц, Франсуа Мориак, французские лауреаты Нобелевской премии.

13 мая Франция была парализована всеобщей 24-часовой забастовкой — 10 миллионов человек. Во многих городах рабочие захватывали предприятия. Забастовали телеграф, телефон, почта, общественный транспорт. Студенты заняли театр «Одеон» и превратили его в открытый протестный клуб. Закрылись порты Марселя и Гавра. Газеты все еще выходили, но печатники контролировали, что печатается. Многие общественные службы функционировали только с разрешения басствующих.

В стране, по сути дела, складывалось двоевластие. На многих заводах возникли «Комитеты самоуправления» и «Комитеты действия». Они брали под контроль снабжение магазинов продовольствием и организацию торговых точек в школах. В ряде районов была налажена бесплатная раздача продуктов. Комитеты снижали цены. Больницы переходили на самоуправление. Учителя организовывали детские сады и ясли

для детей бастующих. Крестьяне ехали в города для участия в демонстрациях.

25 мая социалисты во главе с Франсуа Миттераном собрали на стадионе многотысячный митинг, на котором потребовали создания Временного правительства. Наступил кульминационный момент: против демонстрантов и забастовщиков были брошены мощные силы полиции и жандармерии. Ночь на 25 мая запечатлелась в памяти французов как «кровавая пятница»¹¹.

30 мая президент де Голль выступил с жесткой речью, объявил о роспуске Национального Собрания и досрочных парламентских выборах. Власти перешли в наступление: запрещены наиболее радикальные группировки, полиция очистила от протестантов Сорбонну и занятые рабочими предприятия.

23 и 30 июня (в два тура) прошли парламентские выборы. Напуганный призраком революции средний класс проголосовал за «порядок»: повторилось то, что так ярко проанализировал Карл Маркс в «18 брюмера Луи Бонапарта».

Французская «молодежная революция» резонировала в других странах. В соседней **Западной Германии** активизировалось студенческое движение.

Воспряли созданные ранее группы «Подрывное действие» и «Коммуна I». Социалистический союз немецких студентов (ССНС) инициировал молодежное движение под названием «Внепарламентская оппозиция». Обострению ситуации «помогла» силовая политика, к которой прибегли власти. Мощные демонстрации, схватки с полицией сопровождались в ряде мест жертвами и, конечно, арестами... Бундестаг ответил «чрезвычайными законами».

ССНС распался. Тем не менее его идеи были восприняты многочисленными общественными группами — экологическими, пацифистскими, гражданскими инициативами и т.д.

¹¹ Секретарь Ивана Бунина, живший в это время в Париже, записал в дневнике: «Подлинный страх объял горожан. Такого страха я не испытывал во время революции, ни в 17-м, ни в 18-м годах». «Предчувствие на годы вперед апокалипсиса для системы» — откомментировал это свидетельство его публикатор.

Ключевые идеи 1968 года, выходявшие далеко за пределы студенческой проблематики, нашли выражение в массовых выступлениях конца 60-х — начала 70-х годов в Италии, Испании, Турции, Мексике. Был отзвук и в государствах Варшавского Договора. В Польше по казалось бы незначительному поводу вспыхнули «мартовские беспорядки».

За протестными движениями конца 60-х — начала 70-х гг. последовало контрнаступление консервативных сил, развернувшееся как в странах советского блока — под флагом «стабильности», борьбы с диссидентством, так и на Западе — под флагом рейганизма и тэтчеризма. В США, Великобритании, ряде других западных стран это проявилось как во внутренней политике (ужесточение антирабочего законодательства), так и во внешней — в политике «нового глобализма», в стремлении представить Советский Союз «империей зла», в программе «звездных войн», в намерении заставить противную сторону «довооружаться до смерти». На рубеже 70–80-х гг. гонка вооружений достигла нового пика, а холодная война (после периода разрядки середины 70-х) разгорелась с новой силой.

2.

Сохранилось до сих пор мнение, что «молодежная революция», глубинной причиной которой был начинавшийся системный кризис «потребительского общества» с его погоней за сверхприбылью и бюрократическим произволом, потерпела поражение. Формально это, может, и так. Но в ракурсе «большой истории» принципиально неверно. Действительное значение тех событий не сводилось к сумме конкретных завоеваний в сфере трудовых отношений, прав учащейся молодежи и национальных меньшинств.

Протестные движения конца 60-х — начала 70-х гг. продемонстрировали знаковую накопившихся противоречий — экономических, социальных, идейных. Правящие круги получили серьезный урок. В бурных формах тогда проявилось отторжение установившихся после Войны социальных порядков, поиск иной цивилизационной модели общественного уст-

ройства — как в псевдосоциалистических, так и капиталистических странах¹².

¹² В завершение темы «1968-1989» небезынтересны размышления одного из ярких интеллектуалов нашего времени. Его мысли, содержательные сами по себе, важны как подтверждение «связи времен» — событий 60-х и 80-х годов, осмысление которых оказалось в ментальной традиции поколений.

Шестидесятничество, считает он, объективно отражало поиск «третьего пути» — т.е. «третий вариант, не западный и не восточный, а синтетический, и точка бифуркации, кажется, будет пройдена вот-вот.

Насколько это было реально в самом деле? Однозначного ответа нет. В 1968 году одновременно завершились два противоположно направленных процесса... Оба были реакцией на фиаско великих ожиданий, крах иллюзий второй половины века, самым отдаленным эхом Второй мировой: тогда казалось, что после столь страшного катаклизма мир обязан радикально обновиться, дабы кошмар не повторился. Противостояние Востока и Запада должно исчезнуть; зазор между народом и властью обязан сократиться; во власть неизбежно хлынет новое поколение, которое научится договариваться... Пустите к власти новое поколение. Совпадало почти все, кроме главного: ...французское студенчество вместе с профсоюзами рвалось в социализм, а чехословацкие и польские коммунисты — вон из социализма, во что-нибудь частнособственническое и куда более бархатное. Но если Восток и Запад Европы горячо устремились навстречу друг другу в неосознанной попытке поменяться местами, СССР выбрал иной вектор... Оттепель шестидесятых потому и породила великое искусство, что вдохновлялась идеей третьего пути — невяно формулируемой надеждой на великую эстетическую революцию, которая снимет прежние дихотомии, давно навязшие в зубах. Советская оттепель была задумана как абстрактный, но масштабный культурно-интеллектуальный проект, равно далекий и от Запада, и от Востока.

Мог ли он состояться? Мог.

...Советский проект был по-своему интересней и благородней, чем оба квазиреволюционных движения — вероятно, потому, что значительней и гуманней была породившая его культура. Русский авангард уже хлебнул политики и понимал, чем это кончается. ...Россия — слишком великая и умная страна, чтобы давить ее казарменным социализмом, а ее культуру — соцреализмом. Объединенные крепкой дружбой и проверенным взаимопониманием интеллектуалы и художники шестидесятых мечтали о великой технократии, представленной немарксистами из числа молодых идеологов, физиками, кующими щит для Родины и открывающими ей новые источники энергии, и поэтами, несущими в массы идеи Прекрасного... Большинство политических текстов Сахарова исходят именно из этой посылки, пусть не всегда явственно прописанной, и дружба Сахарова с Галичем была отнюдь не случайной...

Могло ли это получиться? При определенных обстоятельствах — вполне, да уже почти и получилось. От системы требовалась лишь минимальная гибкость, которая бы позволила отказаться от экспансии, от желания затащить весь мир в соцлагерь, распространить на него свои правила; и это требование тоже было реальным, и отряд молодых идеологов готов был обеспечить властям СССР нестыдные формулировки для аккуратной коррекции курса. Дело стоило того — путем отказа от наиболее одиозных советских лозунгов достигалась пролонгация всего проекта, направленного все-таки не на упрощение, а на усложнение и развитие».

Дмитрий Быков. «Булат Окуджава». М., «Молодая гвардия». 2009 г., стр. 454–456.

События эти, обобщенно обозначенные «1968 год», внесли некое новое качество в международный гуманитарный процесс. «1968 год» существенно отразился на **отношениях личности и государства. Права человека** стали в центр общественной жизни, оказали серьезное воздействие на эволюцию капиталистического Запада. Из ООН'овской Декларации за 20 лет до того они, благодаря «молодежной революции», превратились из формальной заявки на будущее в реальный стимул социального и идейного протеста. Железный занавес не смог наглухо отгородить от этой проблемы и «реальный социализм». Тем более что правящие классы стали использовать права человека в холодной войне, включив в это занятие свой мощный пропагандный антисоветский, антикоммунистический аппарат.

В 70-е годы присутствие этой проблемы в СССР было уже вполне очевидным, в том числе и в связи с присоединением его к Хельсинкскому акту. Сомкнувшись с диссидентским движением внутри соцлагеря борьба за права человека создала здесь нештучную проблему для правящих кругов.

Глава 3. Консервативная «реверсия»

Почему же за достигнутым в 1989 году пиком советской (российской) реформации, открывавшей шанс — пусть туманный, неопределенный — для движения к новой цивилизации, последовал «откат»? В Первом разделе уже говорилось о том, что советское общество оказалось не способно вновь пойти на крутые перемены, хотя и единственно спасительные для его будущего. А на международной арене слишком глубоко пустил корни национально-государственный эгоизм, питавший Realpolitik. Влиятельные державы не сумели и не захотели использовать открывшийся шанс для «смены вех». Сказались недальновидность и слабость политической воли правящих элит, не осознавших и должным образом не оценивших теоретическую глубину и практическую значимость идей и принципов нового мышления, поднятых перестройкой на уровень мировой политики.

1989-й год — не только кульминация перестройки в ее внутренней и международной ипостасях, но и начало нового этапа консервативной **реверсии**.

Ей способствовал целый ряд факторов на рубеже XX–XXI веков.

Первый фактор — это драматический срыв революционного замысла создать общество, которое стало бы образцом совершенства и стимулом для отторжения капитализма. В мире этот замысел воспринимался как «коммунистический». И даже само общество, возникшее в России, так называли (кто со знаком положительным, кто — с отрицательным). Великая русская революция на протяжении семи десятилетий держала мир в напряжении. Но она была не только источником страха, исходившего от жесткого противоборства двух систем, но и пробуждала энтузиазм у миллионов людей во всем мире, питала историческую энергетику, несла надежду на возможность альтернативного будущего.

В Октябре 1917 года вызов был брошен не только своей стране, а и всему миру. Лучшие умы пытались разобраться в значении российского эксперимента. Несмотря на гигантские издержки, неудачи, перманентное насилие и ГУЛАГ, притягательная сила советского примера ощущалась на всех континентах. О том, насколько серьезным был этот вызов, свидетельствует тот факт, что капиталистические страны вынуждены были реагировать на него собственной модификацией, извлекая уроки из происходившего в СССР и «перехватывая» некоторые советские социально-экономические новации.

И вот когда воочию обнаружились пределы индустриально-потребительской цивилизации, которая вскормила капитализм, ставший для нее мощным двигателем, в это самое время «великий советский эксперимент», обещавший человечеству путь к справедливому общественному устройству, зашел в тупик. Маячившее впереди «светлое будущее» испарилось. Похоронен миф о преимуществах социализма. Стало очевидным, что всеобщее огосударствление в конечном счете блокирует развитие. «Реальный социализм» оказался на поверку худшим вариантом той же самой индустриальной цивилизации, да еще обремененный пороками тоталитаризма, включая низкий жизненный уровень. Обвал был платой за преступления сталинизма в самом СССР и за слепое подражание советской системе в других странах.

Рухнуло и международное коммунистическое движение, потеряв опору в могущественной (и альтернативной!) державе. Влияние сохранили на время лишь те коммунистические партии, которые успели пустить национальные корни и не идентифицировали себя полностью с «реальным социализмом». Но и они практически утратили идеологическую функцию провозвестников «иного» будущего, прагматически приспособились к новым реальностям капиталистической системы.

Благодаря изначальному неприятию советской теории и практики и коммунистической идеологии гораздо меньший урон понесла социал-демократия. Но и она пострадала вследствие дискредитации, падения популярности и привлекательности социалистической идеи. На длительное время социал-демократия оказалась в тени буржуазного либерализма и в кильватере либеральной политики.

В общем итоге изменилась вся дислокация сил в мире в пользу капитализма а, значит, и в пользу индустриально-потребительской цивилизации. Но главное — на горизонте всемирной истории померкла звезда надежды, вдохновлявшей миллионы. Поиск дальнейшего развития вновь переместился в недра самой капиталистической системы, которая к этому времени получила и стала осваивать дополнительные ресурсы для укрепления своих позиций.

Второй фактор, придавший новое дыхание индустриально-потребительской системе и способствовавший реверсии, — это переход общества к инновационному типу развития.

Инновационный вариант базируется на творческой энергетике общества, «экономике знаний», на высоких технологиях. Развитие общественного производства с материальных факторов перемещается в интеллектуальную сферу — информация, знания, творчество. Это требует раскрытия и включения новых ресурсов — как от индивидуума, так и от всего общества. «Человеческий капитал» начинает играть доминирующую роль во всей системе общественного производства, а значит, потребовалась и соответствующая техническая и трудовая культура.

На основе анализа этих тенденций появились концепции ожидаемого «нового общества», вошли в научный оборот такие понятия, как «постиндустриальное общество», «второй модерн», «информационное общество», «постцивилизация», «постсовременное общество»...

По своему объективному смыслу эти концепции, абсолютизирующие инновационный тренд, вроде как корреспондируют с протестным движением против индустриально-потребительской цивилизации, заводящей общество в тупик обывательщины, духовной пустоты и конформизма¹³.

¹³ В повести французского писателя Ж.Кюртиса «Молодожены» один из героев говорит: «Стремление к приобретательству и жажда повышения — вот самые надежные гарантии политической покорности и конформизма.... Всегда в погоне за всем самоновейшим, загипнотизированные проблемами-однодневками, в вечных метаниях за новыми товарами ширпотреба и за новыми развлечениями, какие только может им сервировать «культура», кондиционированная всеобщим снобизмом, свирепствующим в шестидесятые годы. Дамочка, ее муж и им подобные являются самым податливым материалом в руках технократов и власти». Ж.Кюртис, Ж.Перек, Ф.Нурисье. Французские повести. М., 1972, с. 150–151.

Однако одновременно сеют иллюзии о возможном выходе из кризиса «потребительского» капитализма путем развития инновационных технологий и практик. Думать об альтернативе становится вроде не нужно, «революционные порывы» только вредят. Надо, мол, просто участвовать в длительном инновационном марше, используя до времени существующие порядки и институты.

Третий фактор реверсии коренится в глобализации.

Глобализация, создающая целостный мир, — аргумент в пользу нового мышления. Она определяет принципиально новые подходы к мировой политике, к проблемам войны и мира, к национальной и международной безопасности. Выдвигает на первый план общечеловеческие интересы и ценности по сравнению с национально-государственными, социально-классовыми и другими особыми и односторонними интересами и целями. Однако в многообразном и неравномерно развивающемся мире у самых могущественных держав появился соблазн использовать глобализацию в своих интересах в ущерб другим.

Однако глобализация в ее неолиберальной, консервативной, по сути, имперской форме не могла споспешествовать формированию демократического мирового порядка. Ответом было сопротивление и на государственно-национальном уровне (особенно в мусульманском и вообще «третьем мире»), и массовое общественное антиглобалистское движение. Последовали рецидивы холодной войны, а затем и возрождение международной напряженности, гонки вооружений.

Лидеры некоторых западных держав в конце 1980-х годов решили к тому же воспользоваться ослаблением СССР, а потом и его распадом для перестановки в свою пользу (воспользуемся терминологией Бжезинского) фигур «на шахматной доске» международного сообщества. Это тоже стимулировало реверсию — от новой мировой политики, которая, казалось бы, уже показала свои возможности, к прежней сугубо национально эгоистической и блоковой, к воспроизводству силовых методов.

Четвертый фактор реверсии относится по большей части к внутренней эволюции российского общества. Этот во-

прос мы уже затрагивали в Первом разделе, где речь шла о горбачевской перестройке. В самом деле, почему российский народ, с таким энтузиазмом встретивший перестройку и, казалось, совсем недавно избравший для себя свободу и демократию, так легко и безропотно примирился с авторитарным курсом, подарившим России «дикий» капитализм?

Назовем это фактором «великого искушения» благосостоянием и достатком. Пройдя сквозь тяжелейшие испытания XX века, народ в своем большинстве так и не обрел сколько-нибудь достойного уровня жизни. Можно сколько угодно говорить о пороках и недостатках «индустриально-потребительского общества». Но это не убедительно для населения, всегда страдавшего от недопотребления. А радикально-либеральная (а по сути, демагогическая) политика предложила народу, пусть имитационный вариант, но «сытого» общества. (Теперь эти иллюзии рушатся на глазах).

Неожиданный поток нефтегазовых сверхприбылей позволил создавать ощущение стабильности и роста благосостояния (хотя львиная доля доходов от импорта энергоносителей присваивается государственно-олигархической элитой). В такой ситуации вряд ли можно было сомневаться, куда метнулась большинство.

Поэтому — в атмосфере всеобщего разочарования и очевидного упадка «советско-социалистического» варианта развития — 1989 год явился, по сути, отрицанием «1968 года» — и пражского, и французского, и прочих.

1989 год стал поворотом не к обновленному социализму, а к реставрации капитализма в бывшей «советско-социалистической зоне» Европы, к воссозданию здесь копии западного мира.

Итак — после пришедшейся на 1989 год высшей точки прорыва к новой цивилизации — наступил, по-видимому, длительный этап **консервативной реверсии**. Произошел исторический откат, на который наложился разразившийся спустя 20 лет глобальный кризис. Однако потребность в смене цивилизационного вектора никуда не делась.

Глава 4. **Спустя 20 лет:** **прежние проблемы на новом витке истории**

После распада СССР в американском неоконсервативном истеблишменте возобладала самонадеянная уверенность в том, что США могут и должны реализовать наконец идею мировой гегемонии Америки. Казалось, что пришло время Pax Americana как гаранта защиты и продвижения по всей планете западных (а точнее — американских) ценностей. Экономическая глобализация была воспринята как дополнительный аргумент и оправдание курса на всемирную гегемонию США.

Эти претензии приобрели одиозные черты при президенте Буше-младшем. Получили выражение в беспрецедентном наращивании военных расходов и вооружений (намного превысивших уровень на пике холодной войны), в односторонних решениях и действиях (т.н. унилатерализм), подтверждая обоснованность появившегося тогда термина «мировой беспорядок».

Ускорение темпов глобализации производства, торговли и особенно финансовых потоков принесло на первых порах заметные экономические результаты. В период с 1990 по 2007 годы стоимость мирового ВВП удвоилась, а международная торговля выросла в 2,3 раза. Выгоды из этого смогли извлечь не только США и другие страны Запада, но в какой-то мере и Китай, Индия, Бразилия, а также Россия, некоторые другие страны.

Но одновременно все более резко выступала асимметричность экономической глобализации. Больше всего выигрывали государства или группы, которые доминировали в силовом поле мировой экономики и политики. Глобальное неравенство — разрыв в уровнях и качестве жизни между богатыми и бедными странами — достигло шокирующих масштабов.

Другой важнейший аспект постконфронтационного периода — непомерное разбухание кредитной сферы на почве

подстегиваемого ею же потребительского бума и спекулятивного ажиотажа. Информационно-коммуникационная революция создала невиданные прежде возможности оперировать виртуальными деньгами, — отсюда бурный рост фондовых рынков и образование колоссального финансового «пузыря», который оторвался от реальной экономики, изобретая все более хитроумные способы «производства» денег из денег. Рано или поздно этот гигантский пузырь должен был лопнуть.

Симптомы кризиса — не только финансово-экономического, но и политического, социального, системного — по сути, краха системы «казино-капитализма» назревали давно. Одним из его провозвестников стал кризис в Азии в 1997 году, распространившийся затем на Россию и отозвавшийся во многих других странах. За спадом на фондовых рынках в Азии крылись более глубокие проблемы, связанные с абсолютизацией рыночных механизмов. Рыночному фундаментализму сопутствовала подмена политических механизмов принятия решений сугубо рыночными, человеческих ценностей — денежными. В этом проявилась моральная уязвимость рыночной системы, безразличной к этической стороне жизни, к тому, что не имеет экономической полезности. Характерными стали культ потребительства, рыночная экспансия в сферу культуры, информации, тенденция к тотальной коммерциализации всего и вся, формирование типа «одномерного человека», ориентированного на торгашеские критерии и правила жизни. В результате — кризис морального состояния общества, рост преступности, насилия, коррупции, ослабление семейных и других социальных связей, доверия людей друг к другу, к государственным и общественным институтам, к политикам и политике.

Атмосфера вседозволенности выгодна адептам рынка, вольно или невольно ими поддерживается и культивируется. Производители товаров и услуг заинтересованы (и имеют такую возможность) возбуждать ощущение постоянной неудовлетворенности, даже «ненасытности» у потребителей.

Однако погоня за призраком «счастья» в облике все новых благ, предлагаемых рынком, не делает людей более счастливыми. Для многих она оборачивается утратой смысла жизни. Другие страдают от комплекса неполноценности («я — не-

удачник»), неуверенности в себе, от разных стрессов. А это питательная почва для алкоголизма, наркомании, иных форм аномального поведения. Для рынка, с присущей ему тенденцией эксплуатировать человеческие слабости и пороки, открывается огромный простор.

Присущие рыночной системе изъяны вышли на глобальный уровень. Могущество всемирного рынка стало подрывать способность национальных правительств влиять на социально-экономические процессы в своих странах. В отсутствие наднациональных систем регулирования и контроля глобальные рыночные силы получили возможность навязывать свои приоритеты, часто идущие вразрез с национальными интересами, культурными традициями и исторически сложившимся укладом жизни.

Разразившийся осенью 2008 г. первый масштабный кризис эпохи глобализации не без оснований был воспринят многими как крах того типа развития, которое в течение нескольких десятилетий навязывалось миру по неолиберальным рецептам. Последствия его вызвали всплеск массового недовольства, протестных настроений и действий во многих странах. Наиболее впечатляющим их проявлением стали президентские выборы в Соединенных Штатах: уверенную победу одержал кандидат Демократической партии Барак Обама — «левый» по европейским политическим меркам. Его успех и обещание перемен во внутренней и внешней политике были с энтузиазмом и надеждой восприняты во всем мире.

По России кризис ударил с особой силой. Несмотря на предыдущие «тучные» годы (благодаря высоким ценам на энергоресурсы), страна оказалась совершенно не готовой к такому повороту событий. Цены на энергоресурсы резко упали, а в народном хозяйстве не нашлось отраслей, способных «поддерживать» экономику. Огромные средства, полученные ранее от экспорта углеводородного сырья, не были использованы для модернизации промышленности и социальной сферы. Стабилизационный фонд стал быстро таять. Многие компании под угрозой банкротства вынуждены были обратиться за помощью к государству. Предприятия свертывали производство, стала расти безработица. Обострились все социальные проблемы.

Мировые лидеры вынуждены были признать серьезность кризиса, необходимость реформирования, перестройки мировой финансовой системы. Из их уст прозвучали осуждения «аморальности капитализма», «безответственности» финансовых воротил, призывы отойти от англосаксонской модели, изменить характер глобализации и т.п. Консерваторы и христианские демократы, стоящие у власти в большинстве стран Европейского Союза, прибегли к использованию в борьбе с кризисом инструментов из арсенала социал-демократии. «Социал-демократизация консервативных европейских правительств, — заявил лидер фракции европейских социалистов в Европарламенте Мартин Шульц, — ...становится все более очевидной».

Впервые в современной истории лидеры крупнейших государств мира, развитых и развивающихся, согласились с необходимостью «коллективных структур глобального управления» (Д.Медведев). Потребность в неформальном коллективном лидерстве реализовалась в ставших регулярными саммитах «Группы двадцати» (Вашингтон — ноябрь 2008, Лондон — апрель 2009, Питсбург — сентябрь 2009). Все страны «двадцатки», включая США, обязались предоставлять полную информацию о состоянии своего банковского сектора. Решено ограничить число офшоров и свободу действий в них, установить жесткий контроль за деятельностью «системно важных» хедж-фондов (одних из главных виновников финансовой нестабильности), ограничить выплату премиальных руководству банков. Расширенный саммит «восьмерки» в Аквиле (Италия) подтвердил приверженность мировых лидеров этой линии действий.

На встрече в Питсбурге «двадцатка» сделала еще один шаг на пути к более устойчивой мировой финансовой архитектуре. Участники встречи договорились о перераспределении части голосов в МВФ и Всемирном банке в пользу развивающихся стран, о совместном мониторинге макроэкономических параметров своих экономик, о системе регулирования банковского сектора и других финансовых учреждений, создали Совет по финансовой стабильности. Решено, что «Группа двадцати» становится главным форумом для международного экономического сотрудничества.

Значит ли это, что подведена черта под «эпохой безответственности»? Пока об этом рано говорить. Предлагаемые меры встречают сопротивление финансистов, а принятые решения оставляют еще много вопросов. Потому что речь должна идти не только об усилении «режимов регулирования», но и о качественно новой модели рыночной экономики, которая была бы способна ответить на главные вызовы XXI века — как социально-экономические, так и экологические, климатические, ресурсные.

Экологические, климатические, ресурсные проблемы все громче заявляют о себе как грозные, судьбоносные для человечества вызовы. В 80-е годы в ответ на эти вызовы была выдвинута и научно обоснована идея «**устойчивого развития**», которая получила одобрение ООН. Разумной альтернативы устойчивому развитию нет. Кризис воочию продемонстрировал необходимость смены доминирующей пока парадигмы развития на новую, способную нейтрализовать синдром безудержного потребительства, соединить предпринимательскую инициативу с принципом ответственности, сочетать требования рынка с такими фундаментальными человеческими ценностями, как социальная справедливость, социальная солидарность, общее благо. Речь не идет о выборе — за капитализм или против него (с антикапиталистическими лозунгами выступает леворадикальное меньшинство), но о том, чтобы поставить рынок и капитал «на свое место».

Принципы нового мышления по-прежнему актуальны. Как сказал, выступая на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2009) президент Медведев, нынешний глобальный кризис — «это не только кризис экономики, но и кризис идей. Это накопление «критической массы» отживших свое время, свою жизнь подходов и моделей развития». В этом выступлении Медведева прозвучали мотивы, хорошо знакомые по периоду перестройки: об отказе от устаревших подходов, о неделимости безопасности, о значении ценностей в политике, об универсальном применении общепринятых норм и принципов в сфере защиты прав и интересов человека, о нравственных категориях как основе не только повседневной жизни, но и межгосударственных отношений.

Напрашивается параллель между советской перестройкой 80-х годов и необходимой «перестройкой» Запада, да и всей мировой социальной системы — в том виде, в котором она сложилась к концу XX века. Странам «золотого миллиарда» не уйти от проблемы сверхпотребления и сверхприбылей. Нужна новая модель развития. Глобальный кризис подтверждает правильность сделанного Горбачевым выбора в пользу такого развития, которое и покончило бы с наследием тоталитарного государственного «социализма», и не воспроизводило бы худшие черты неолиберального капитализма.

Перестроечные идеи Горбачева содержали основные принципы и цели, значимые и сегодня, — «для нашей страны и для всего мира», как гласит заголовок его знаменитой книги. В политической системе — это преодоление отчуждения человека от власти, подконтрольность государства обществу, реальное разделение властей, свободное соревнование общественно-политических организаций в конституционных рамках. В экономической области — рынок, но не как самоцель, а как средство решения социальных проблем, т.е. регулируемый, многообразие форм собственности, свобода предпринимательства, здоровая конкуренция, приоритеты для мелких и средних предприятий. В социальной сфере — гарантии социальной защиты и поддержки нуждающихся, гарантированный доступ к бесплатному образованию и медицине, поощрение и поддержка науки, вообще культуры и меры по ограждению их от повальной коммерциализации.

Во внешней политике — отказ от ее милитаристской составляющей и соответствующих силовых методов, глобальные и региональные структуры безопасности, конструктивные и равноправные отношения с США, превращение международных отношений в международное сотрудничество, коллективные меры по оздоровлению и спасению природной среды. Мир без ядерного оружия — стержневая идея горбачевского нового мышления, которую теперь воспринял и новый президент США Барак Обама.

Идеалы и ценности горбачевской перестройки, открывшей в 1989 году новое направление для мировой политики, мирового процесса вообще, сохраняют свое непреходящее значение.

Заключение

В интервью Василя Быкова (май 1987 года) есть такие слова: «Самое большое потрясение, я думаю, ждет меня, как, впрочем, и все человечество, впереди: это успех или неуспех нашей перестройки. При любом исходе тут не избежать потрясения положительного или отрицательного свойства, потому что слишком много на нее поставлено».

Предчувствия и опасения замечательного советского писателя, склонного к трагическому восприятию жизни, сбылись.

Катастрофа действительно случилась... — геополитическая, а для одной из сверхдержав — национальная. Ось мировой политики накренилась и потеряла свое прежнее значение.

Но с точки зрения выживаемости человечества, его за тысячелетия доказанной способности преодолевать самые страшные потрясения и самые кошмарные бедствия, можно посмотреть на случившееся иначе. И вспомнить напутствие, оставленное одним из наших последних гениев:

*«Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать.*

.....

*Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца»*

(Борис Пастернак)

Так, собственно, и поступал Горбачев, когда уже в почти отчаянном положении настоял на принятии XXУШ съездом КПСС летом 1990 года, по сути, социал-демократической программы. Если хотя бы частично она была осуществлена (не без поддержки Запада), катастрофу, может быть, можно было и предотвратить.

В том, что делал Горбачев и что он провозглашал, содержалась некая вполне правдоподобная гипотеза дальнейшей жизни.

Если бы она была воспринята, — а это было возможно 20 лет назад... если бы Запад прислушался к призыву Горбачева: «вам тоже надо всерьез перестраиваться», мы бы имели теперь другую историю.

В самом деле: демократическое переустройство страны с несметными ресурсами и то обстоятельство, что убрана угроза ядерной мировой войны, позволяли заняться, наконец, действительно человеческими делами. Спасать, что следовало из сделанного человеком за века, и исправлять, что он натворил (в ущерб себе) за тысячелетия, особенно в прошлом столетии.

И делать это сообща, совместными усилиями, вопреки сохраняющимся противоречиям и с учетом специфики интересов государств и наций.

Поиск в этом направлении тогда вроде начался. Ведь уже в ходе «разборок» с холодной войной возникла (у обоих главных бывших противников) идея «нового мирового порядка». Два десятилетия после 1989 года мало что дали для наполнения этого проклянувшегося намерения адекватным содержанием, но события этих 20-ти лет, несмотря на всю их противоречивость, неоднозначность, случайность, на все их безобразие на фоне идеи мирного «порядка», не отменили саму идею. Ибо она несет в себе альтернативу и казарменно-административной карикатуре на социализм, и бюрократическо-олигархическому капитализму.

Поиск, кажется, возобновляется, правда, под давлением обрушившегося на весь мир кризиса. Межгосударственное общение приобретает все более выраженное миротворческое содержание и конструктивную тональность. И что особенно важно — наметилось улучшение российско-американских отношений, причем на этот раз — по инициативе США.

Глобальный кризис, безусловно, осложнит все проблемы и задачи века. Принято считать, по опыту прошлого, что кризис способствует обновлению и что в поисках выхода из него общество умнеет и совершенствуется. Но на этот раз приходится учитывать не только то, что мир не вернется в прежнее состояние, но и то, что на время кризиса могут быть «отодвинуты» задачи преодоления глобальных вызовов и угроз, кото-

рые ставят под вопрос само существование человечества. За несколько депрессивных лет острота этих проблем возрастет на порядки — ведь времена такие, которые качественно отличаются от прошлого по накоплению и значению новаций, и по скорости их освоения.

Не исключено также, что многие неизбежные антикризисные меры могут ослабить способность (и возможности) государств и международных структур противостоять глобальным вызовам.

Тем не менее, достаточно аргументов в пользу того, что этот кризис, станет прологом к какому-то принципиально новому состоянию международного сообщества, с иными принципами и критериями мироустройства, более отвечающими очередному мощному технологическому рывку в материальных условиях человеческого бытия — *condition humaine* (если воспользоваться термином Андрэ Мальро). А в наступивший переходный период, который будет, наверно, длительный, «придется» в основном справиться с самыми насущными вызовами и угрозами XXI века (изменения климата, пресная вода, загрязнение, энергетика, перенаселенность планеты, конфликтная неравномерность и развития, и распределения ресурсов и т.д.).

Одной из первейших «задач», скорее всего, будет преодоление угрозы террористического «джихада», к которому призывают крайние исламисты «от имени» едва ли не полутора миллиардов населения Земли. Обращение президента Обамы к мусульманам с призывом открыть новую страницу в отношениях между Западом и мусульманским миром — событие исторического значения. Нельзя допустить нового раскола мира на две непримиримые «системы», одна из которых приговаривается к исчезновению. Неизбежности «столкновения цивилизаций» нет.

В истории всегда бывали альтернативы.

Человечество, быстро меняющее весь свой облик, нуждается в том, чтобы «выбор» был сделан «правильный», т.е. спасительный для него. И возможность для этого есть. Мир становится все теснее, проблемы его отдельных регионов и даже государств превращаются все чаще во всемирные. Поэтому

необходимо глубокое взаимопонимание между народами и государствами, более регулярное и институционализированное взаимодействие между ними.

Технологически и организационно сегодня нет непреодолимых препятствий для контроля над стихийными процессами, для того, чтобы наладить управляемость мирового развития.

«1989 год» — это напоминание о том, что и в наше время у политиков есть выбор. Вся проблема в том, хватит ли у них ума и воли, чтобы направить глобальный мир в русло по-настоящему мирного развития, демократического и более справедливого. И самый правильный выбор, который предусматривает и текущее, и перспективное, — это политика «нового мышления».

Награждение президента Барака Обамы Нобелевской премией мира не просто знаменательно и справедливо. Оно означает, что «новое мышление» вновь востребовано, что растет понимание его необходимости для спасения цивилизации, что именно оно способно помочь разрядить апокалиптическое «взрывное устройство» в глобализующемся мире.

Символичен этот нобелевский акт еще и тем, что главы обеих сверхдержав, существовавших в XX столетии, конфронтация между которыми грозила вселенской ядерной катастрофой, войдут теперь в историю как лауреаты высшей гуманитарной премии. Очевидно и то, что не будь Нобелевского лауреата Горбачева, не было бы и Нобелевского лауреата Обамы. Это — к вопросу о том, что «эпоха Горбачева» не закончилась с его уходом от власти, она продолжается.

Человечество начинает осознавать, наконец, свое истинное предназначение на этой уникальной планете.

Хроника 1989 года

- 1.01. — В №1 газеты «Московские новости» публикуется открытое письмо М.С.Горбачеву деятелей культуры (Г. Бакланова, А.Гельмана, Д.Гранина, Э.Климова, Р.Сагдеева, М.Ульянова), в котором выражено сомнение в «надежной необратимости демократического обновления общества».
- 5.01. — Постановление Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х годов и начала 50-х годов», которым предусматривалась отмена единым юридическим актом решений «троек» НКВД и других внесудебных органов.
- 7–8.01. — Учредительный съезд Интернационального фронта трудящихся Латвии (Рига).
- 7–11.01. — Конференция по химическому оружию в Париже. Принята заключительная декларация, осудившая химическое оружие и его применение.
- 12.01. — Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении особой формы управления в Нагорно-Карабахской автономной области.
- 14.01. — Опубликовано постановление Совета Министров СССР о расширении самостоятельности предприятий, объединений и организаций в решении вопросов производства непродовольственных товаров народного потребления.
- 14.01. — Завершение Венской встречи СБСЕ (хельсинкский процесс). Решено начать в марте 1989 года переговоры 23 государств — ОВД и НАТО по обычным вооруженным силам от Атлантики до Урала, а также переговоры 35 государств — участников СБСЕ по дальнейшим мерам укрепления доверия и безопасности в Европе.
- 16.01. — Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий 30-40-х и начала 50-х годов».
- 18.01. — Закон Эстонской ССР о государственном статусе эстонского языка.

- 26.01. — В Литве опубликован Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР о государственном языке Литовской ССР.
- 27.01. — Опубликовано сообщение Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30-40-х и начала 50-х годов, о реабилитации лиц, проходивших по так называемому делу «Еврейского антифашистского комитета».
- 27.01. — В Москве создан Общественный комитет спасения Волги.
- 28.01. — Учредительная конференция общества «Мемориал» в Москве.
- 29.01. — Опубликовано сообщение о выходе в свет первого номера нового партийного журнала «Известия ЦК КПСС».
- 30.01. — Опубликовано Заявление Комитета министров обороны государств ОВД «О соотношении численности вооруженных сил и вооружений ОВД и НАТО в Европе и прилегающих акваториях» (по состоянию на 1 июля 1988 года). Впервые оглашены данные о вооруженных силах ОВД в целом и каждого из входящих в него государств.
- Январь. — Прекращение советских поставок оружия в Никарагуа, Эфиопию, Анголу.
- 2.02. — Академический предвыборный митинг в Москве в поддержку выдвижения акад. Сахарова кандидатом в народные депутаты СССР.
- 2–4.02. — Визит в Китайскую Народную Республику министра иностранных дел СССР. Соглашение о сокращении войск на советско-китайской границе и выводе войск СССР из Монголии. Договоренность о проведении советско-китайской встречи на высшем уровне в Китае 15-18 мая.
- 4–5.02. — Создание на конференции в Ленинграде Социал-демократической конфедерации.
- 11.02. — В г. Березняки Ельцин выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР.
- 11.02. — Съезд Союза писателей Украины выдвинул программу Украинского народного фронта.
- 15.02. — Завершен вывод советских войск из Афганистана.
- 19.02. — В интервью газете «Советская Эстония» Ельцин высказался в поддержку суверенитета республик и заявил, что спокойно относится к требованию суверенитета Эстонии.

- 20.02. — Ельцин зарегистрирован кандидатом в депутаты по выборам на Съезд народных депутатов СССР по первому национально-территориальному избирательному округу Москвы.
- 20–24.02. — Пребывание Горбачева на Украине (посещение Киева, Львова, Донецка, Чернобыльской АЭС).
- 22.02. — В газете «Советская Эстония» опубликовано обращение высших органов власти республики и ЦК Компартии об объявлении 24 февраля Днем независимости Эстонии.
- 2.03. — Забастовка в Воркуте на шахте «Северная». В марте забастовки шахтеров распространились на другие угольные бассейны.
- 3.03. — Горбачев встретился с Председателем Совета Министров Венгрии М. Неметом. Обмен мнениями о поисках путей экономической реформы в русле развития товарно-денежных, рыночных отношений.
- 4–5.03. — Таллинн. Учредительный съезд Интернационального движения трудящихся Эстонии.
- 6.03. — В Вене открылись переговоры министров иностранных дел государств — участников СБСЕ о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений и о мерах доверия от Атлантики до Урала.
- 7.03. — Вена. Первая официальная встреча министра иностранных дел СССР Шеварднадзе с новым государственным секретарем США Дж. Бейкером. С обеих сторон подтверждена преемственность советско-американских отношений.
- 9.03. — Решение временно приостановить работы по индустриальному освоению Ямала в связи с неблагоприятным их воздействием на окружающую среду.
- 9.03. — Опубликовано сообщение о том, что Президиум Верховного Совета СССР во изменение прежней позиции Советского Союза снял оговорки в отношении ряда международных договоров в том, что касалось юрисдикции Международного суда. Признана его юрисдикция в отношении договоров, касающихся прав человека.
- 11.03. — Конференция Народного фронта Грузии в Тбилиси.
- 12.03. — 250-тысячный митинг Народного фронта Латвии в Риге.

- 12.03. — 20-тысячный несанкционированный митинг в Кишиневе под лозунгом «Долой правительство».
- 13.03. — Президиум Верховного Совета СССР одобрил проект «Общих принципов перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования».
- 13.03. — Обращение первого съезда Интернационального движения трудящихся Эстонской ССР с призывом «поднять голос протеста против наступления ползучей контрреволюции на позиции социализма в Эстонии и Прибалтийском регионе страны».
- 16.03. — Учредительная конференция Союза духовного возрождения отечества (Москва).
- 16.03. — Опубликовано сообщение о том, что Советский Союз по договоренности с правительством Монголии в 1989–1990 годах выведет с территории этой страны две танковые дивизии, две авиационные и ряд отдельных частей.
- 17.03. — Верховный Совет Литвы принял решение зарегистрировать движение «Саюдис», заявившее о себе как движение «в поддержку перестройки».
- 19.03. — Массовый митинг в поддержку Ельцина в Москве.
- 19.03. — Выступления сторонников независимости Молдавии на митингах в Кишиневе.
- 21.03. — Указ Президиума Верховного Совета СССР «О сокращении Вооруженных Сил СССР и расходов на оборону в течение 1989–1990 годов».
- 25–26.03. — Ленинград. Учредительная конференция русского патриотического движения «Отечество». Раскол по вопросу о руководящей роли КПСС.
- 26.03. — Выборы народных депутатов СССР. Хотя за предыдущий период было обновлено две трети руководящего состава в местных комитетах партии и в советских органах, 38 уже новых руководителей потерпели поражение (прежде всего в Москве, Ленинграде, Киеве).
- 29–31.03. — Москва. Учредительная конференция общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев «Возрождение».

- 31.03. — Постановление Совета Министров СССР о переводе государственных специализированных банков СССР на полный хозрасчет и самофинансирование.
- 2–5.04. — Официальный визит Горбачева на Кубу. Подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Куба.
- 4.04. — Тбилиси. Начало многодневного несанкционированного митинга перед Домом правительства под лозунгами «Независимость Грузии», «Долой Российскую империю».
- 5.04. — Постановление Совета Министров СССР «О коренной перестройке экономических отношений и управления агропромышленным комплексом страны». Упразднение Агропрома.
- 5–7.04. — Официальный визит Горбачева в Великобританию. Переговоры с М.Тэтчер. Выступление в лондонском Гилдхолле.
- 7.04. — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об аренде и арендных отношениях в СССР».
- 7.04. — Постановление Совета Министров СССР «Об экономических и организационных основах арендных отношений в СССР».
- 7.04. — Бюро ЦК Компартии Грузии предложило ввести в Тбилиси чрезвычайное положение. На совещании в ЦК КПСС (Е.К.Лигачев, В.М.Чебриков и др.) условлено направить в Тбилиси войска. Встреча Горбачева с членами Политбюро в аэропорту (поздно вечером, по возвращении из Лондона). Шеварднадзе и Разумовскому поручено немедленно направиться в Тбилиси.
- 8.04. — Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Патиашвили утром сообщил в ЦК КПСС, что обстановка в Тбилиси стабилизировалась и прилет Шеварднадзе и Разумовского нецелесообразен. Вечером того же дня он сообщил, что ЦК Компартии Грузии «владеет ситуацией» и дополнительных мер со стороны Центра не требуется.
- 8.04. — В ночь с 8 на 9 апреля в Тбилиси на площади у Дома правительства, в ходе операции войск по «вытеснению» участников несанкционированного митинга пострадала большая группа гражданских лиц и военнослужащих (всего около трех тысяч человек). 16 человек погибло.

- 11.04. — Горбачев встретился с председателем Социал-демократической партии Германии Х.-Й. Фогелем.
- 11–12.04. — Заседание Комитета министров иностранных дел государств ОВД в Берлине. В Заявлении по тактическому ядерному оружию в Европе содержалось предложение к НАТО начать в ближайшее время отдельные переговоры по этому оружию.
- 12–14.04. — Шеварднадзе и Разумовский в Тбилиси. Отставка Патиашвили, Чхеидзе и Черкезия. Первым секретарем избран Гумбаридзе.
- 13.04. — Опубликовано приветствие Горбачева членам Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности (комиссии Пальме) в связи с завершением ее работы.
- 14.04. — Обращение Горбачева к коммунистам, всем трудящимся Грузии.
- 15.04. — Первая рабочая конференция Российского Народного фронта (Москва).
- 16.04. — Митинг солидарности с Грузией в Москве, организованный группой «Московская трибуна».
- 18.04. — Горбачев встретился с Генеральным секретарем Компартии Чехословакии М. Якешем, который попросил его не менять прежнюю оценку событий 1968 года.
- 19.04. — Горбачев принял вице-президентов АФТ-КПП У.Уинпингера и Д.Шейнкмана.
- 22.04. — Создание в Ленинграде Союза рабочих комитетов.
- 23.04. — Несанкционированная манифестация «Демократического союза» в Москве на Пушкинской площади. Задержано около 70 организаторов манифестации (из 300).
- 25.04. — По договоренности между правительствами СССР и Венгрии начался первый этап частичного вывода советских войск из этой страны.
- 28.04. — Встреча Горбачева с Генеральным секретарем ЦК ПОРП, Председателем Госсовета ПНР В. Ярузельским.
- Май. — Разрастание забастовочного движения. Забастовки в Москве, Ленинграде, Баку и др. городах.
- 1.05. — Протестные выступления группы молодежи в Ашхабаде во время праздничной манифестации.
- 1–2.05. — Альтернативные демонстрации в Ленинграде, Куйбышеве, Свердловске, Омске, Иркутске, Горьком, Калининe, Ереване.

- 1–2.05. — Учредительный съезд Конфедерации анархо-синдикалистов (А.Исаев и др.).
- 2.05. — Началось бегство в Венгрию граждан ГДР, стремившихся затем эмигрировать в ФРГ через Австрию.
- 3.05. — Начало всеобщей забастовки в НКАО и кампании митингов и демонстраций в Армении.
- 5.05. — Горбачев принял министра иностранных дел Японии С. Уно. Обсуждались, в частности, перспективы визита Горбачева в Японию.
- 7.05. — Сессия Верховного Совета Латвии приняла закон, по которому латышскому языку придан статус государственного.
- 10.05. — Указ Президиума Верховного Совета СССР расширил возможности создания и деятельности на территории СССР совместных с иностранцами предприятий.
- 10–11.05. — Пребывание в СССР Государственного секретаря США Дж. Бейкера, возобновление советско-американского диалога после «паузы», вызванной сменой администрации в Вашингтоне.
- 11.05. — Горбачев принял Дж. Бейкера. Состоялась дискуссия о проблемах разоружения, сокращения ядерных потенциалов, по химическому оружию, сокращению войск и вооружений в Европе. С советской стороны были внесены предложения, направленные на достижение взаимоприемлемых компромиссов.
- 11.05. — Начался крупномасштабный вывод советских войск из ГДР.
- 13.05. — Балтийская ассамблея (Ассамблея народных движений Прибалтики).
- 13.05. — Учредительная конференция интердвижения «Единство» в Вильнюсе.
- 14.05. — Второй тур выборов народных депутатов СССР.
- 15.05. — Прибытие Горбачева с официальным визитом в Китайскую Народную Республику.
- 16.05. — Встреча Горбачева в Пекине с Дэн Сяопином. Обращаясь к гостю, Дэн Сяопин сказал: «Я давно хотел встретиться с Вами. Особенно меня подтолкнула к этому Ваша речь во Владивостоке. В ней проявилось новое содержание внешней политики СССР — то, что получило название нового политического мышления. Я просил передать Вам о

- моем желании провести китайско-советскую встречу на высшем уровне. Сегодня мы можем объявить, что наши отношения нормализованы».
- 18.05. — На Венских переговорах о сокращении войск и вооружений в Европе советская делегация, от имени стран ОВД, основываясь на предложениях, которые были изложены Горбачевым Дж. Бейкеру 11 мая, внесла предложения о радикальных сокращениях войск и вооружений обоих союзов.
- 18.05. — Декларация Верховного Совета Литвы о государственном суверенитете республики.
- 18.05. — Верховные Советы Литвы и Эстонии осудили советско-германский договор 1939 года и потребовали признать его незаконность с момента подписания. Позднее то же сделал Верховный Совет Латвии.
- 18.05. — В годовщину депортации крымских татар митинги в Симферополе, Старом Крыму, Ташкенте, Самарканде, Вильнюсе, Риге.
- 18.05. — Президиум Верховного Совета СССР утвердил Положение о рабочем (профсоюзном) контроле.
- 19.05. — Комиссия Политбюро ЦК КПСС по межнациональным отношениям обсудила положение в Нагорном Карабахе.
- 20.05. — Межгородское рабочее совещание демократических клубов социального направления («Перестройка» и др.). Учредительные конференции Московского Народного фронта, Московского общества русской культуры «Отечество», Профсоюза независимых журналистов в Вильнюсе.
- 21.05. — 100-тысячный митинг в Лужниках, приуроченный к созыву Первого съезда народных депутатов СССР. Выступили Ельцин, Сахаров, Лаптев и др.
- 23.05. — Опубликовано Обращение государств ОВД к государствам НАТО в преддверии встречи их представителей на высшем уровне. Призыв к полному преодолению «холодной войны» в Европе.
- 23.05. — Второй 100-тысячный митинг в Лужниках. Сахаров потребовал введения многопартийности, созыва Учредительного Собрания.
- 23–24.05. — Столкновения на национальной почве в Фергане (Узбекистан), нападения на турок-месхетинцев.

- 24.05. — В Ленинграде создан политклуб рабочих «За ленинизм и коммунистические ориентиры перестройки».
- 28.05. — Провозглашение государственного суверенитета Армении.
- 29.05. — Верховный Совет Армянской ССР принял указ о признании 28 мая 1918 года Днем восстановления армянской государственности.
- 30.05 — 23.06. — Париж. Первая сессия Конференции по человеческому измерению общеевропейского процесса, созванная в соответствии с решением Венской встречи СБСЕ.
- Июнь. В течение всего месяца многотысячные митинги в Армении, Прибалтике и в Москве.
- 3.06. — В 23 часа 10 минут на железнодорожном перегоне Челябинск — Уфа (на территории Башкирской АССР) в результате неисправности в газопроводе произошел взрыв, вызвавший тяжелую катастрофу. Погибло 573 человека. На следующий день на место катастрофы прибыл Горбачев.
- 3–4.06. — Кровавые события на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Расправа армии и сил безопасности с митингующей молодежью.
- 3–4.06. — Новые межэтнические столкновения в Ферганской области Узбекистана, с человеческими жертвами.
- 3–10.06. — В Москве начала работать 1-я сессия Верховного Совета СССР. Н.И.Рыжков утвержден Председателем Совета Министров СССР.
- 4–18.06. — Выборы в Польше, крупную победу одержало профсоюзное объединение «Солидарность».
- 6.06.— В речи на Съезде народных депутатов писатель Распутин, обращаясь к прибалтийским депутатам, сказал: «Вы, разумеется, согласно закону и совести, распорядитесь сами своей судьбой. Не мне давать в таких случаях советы. Но по русской привычке бросаться на помощь я размышляю: **а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее, и ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши программные устремления?»**.
- 6.06. — Сообщение в «Известиях» о принятии на Украине проекта Закона о языках, в соответствии с которым украинский

- язык получал статус государственного. Русский язык признавался языком межнационального общения.
- 9.06. — Постановление Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР».
- 12.06. — В Москву по приглашению начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР М.А.Моисеева прибыл председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США адмирал У.Крау. В тот же день подписано «Соглашение между правительством СССР и правительством США о предотвращении опасной военной деятельности».
- 12–15.06. — Официальный визит Горбачева в ФРГ. По итогам визита были подписаны Совместное заявление; Договор о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений; соглашение о прямой связи между Кремлем и ведомством Федерального Канцлера в Бонне; соглашение об углубленном сотрудничестве в подготовке и повышении квалификации специалистов и руководящих кадров в области экономики; соглашение о расширении сотрудничества в области науки и высшего образования и другие.
- 13.06. — Сессия Совета Министров ЕЭС в Люксембурге приняла решение начать переговоры между Комиссией европейских сообществ и СССР о заключении договора о торгово-экономическом сотрудничестве.
- 15–16.06. — В Ленинграде на базе «интердвижений» в республиках создан Объединенный фронт трудящихся (ОФТ) (Маляров, Ярин и др.).
- 17.06. — Учредительная конференция Ленинградского Народного фронта.
- 17.06. — Выступления в Новом Узене (Казахстан) против выходцев с Кавказа, в том числе — турок-месхетинцев.
- 18.06. — Конференция региональных Народных фронтов в Баку.
- 20–23.06. — Визит в СССР председателя Собрания Исламского совета Исламской республики Иран А.А.Хашеми-Рафсанджани. Подписана Декларация о принципах отношений и дружественного сотрудничества между СССР и Исламской Республикой Иран.
- 21.06. — Горбачев принял председателя Комитета начальников штабов вооруженных сил США адмирала У.Крау.

- 22.06. — Сообщения о столкновениях на национальной почве в Новом Узене (Казахстан).
- 23.06. — Учредительная конференция Русского национально-патриотического центра.
- 25.06. — Сепаратистские требования в выступлениях на митинге Народного фронта Молдавии в Кишиневе.
- 27.06. — Многотысячный митинг в Ереване с требованиями: признание Съездом народных депутатов права Нагорного Карабаха на самоопределение и освобождение арестованных в 1988 году членов «Комитета Карабах».
- 29.06. — Сообщение о создании Народного фронта Грузии.
- 30.06. — 1.07. — На первом Всероссийском съезде кооперативов в Москве создан Союз объединенных кооперативов СССР в сферах производства и услуг.
- Июль. — Образован Совет рабочих комитетов Кузбасса, Донецкий городской стачечный комитет, Воркутинский городской рабочий комитет.
- 1.07. — Выступление Горбачева по телевидению о международных отношениях в СССР, об обновлении Федерации.
- 4–6.07. — Визит Горбачева во Францию. Подписаны Декларации о принципах экономического, промышленного, научного и технического сотрудничества двух стран, а также 21 соглашение и протоколы, в том числе — о культурном сотрудничестве, об учреждении культурных центров, о молодежных обменах и др.
- 5.07. — Горбачев выступил в Сорбонне, подробно изложив свое видение прогресса в новых исторических условиях.
- 5.07. — На Черном море в районе порта Ялта в присутствии представителей науки, правительственных кругов, средств массовой информации СССР, США, ФРГ, Испании, Италии, Японии и КНР был проведен удачный неправительственный эксперимент по дистанционному контролю за наличием ядерного оружия на надводных кораблях.
- 6.07. — Горбачев выступил на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге по широкому кругу европейских проблем в контексте идеи «общеевропейского дома».
- 6.07. — В Ленинграде создан оргкомитет Национально-демократической партии.

- 7–8.07. — Совещание ПКК ОВД в Бухаресте. Принят документ: «За стабильную и безопасную Европу, свободную от ядерного и химического оружия, за существенное сокращение вооруженных сил, вооружений и военных расходов».
- 8.07. — В Молдове образовано интернациональное движение «Единство».
- 8–9.07. — Конференция рабочих клубов в Москве: подготовка первого съезда рабочих организаций.
- 10–22.07. — Забастовки шахтеров Кузбасса.
- 10.07. — Учредительная конференция Социал-демократической ассоциации в Таллинне.
- 11–12.07, — Пребывание Горбачева в Ленинграде, где он принял участие в работе пленума Ленинградского обкома КПСС. Б.В.Гидаспов избран первым секретарем обкома.
- 15.07. — Встреча Горбачева и Раджива Ганди в Москве. Особое внимание было уделено экономическим отношениям в азиатско-тихоокеанском регионе и в мире, проблемам, связанным с идеей «нового мирового экономического порядка».
- 15.07. — В Макеевке на шахте «Ясиноватая-Глубокая» началась стачка горняков, с 18 июля она охватила все основные угледобывающие районы Донбасса. Стачка была прекращена после получения гарантий исполнения экономических требований шахтеров за подписями Горбачева и Рыжкова (с 26 июля).
- 16.07. — Интервью С.П.Залыгина в «Московских новостях» (№29) о решении Союза писателей СССР начать публикацию в «Новом мире» «Архипелага ГУЛАГ» А.И Солженицына.
- 16–17.07. — Столкновения в Абхазии между сторонниками и противниками ее выхода из состава Грузии.
- 16–17.07. — Учредительный съезд Советов социалистических движений трудящихся в Ленинграде. Создан Объединенный фронт трудящихся.
- 17.07. — Приезд в Кузбасс комиссии ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС во главе со Слюньковым. Подписан протокол о согласованных мерах.
- 18–20.07 — Совещание первых секретарей ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов по вопросам перестройки работы партии.

- 19.07. — Забастовки в Воркуте на шахтах «Воргашорская» и «Комсомольская». Создан воркутинский городской рабочий стачечный комитет.
- 20–23.07. — Забастовка шахтеров Карагандинского угольного бассейна.
- 20–26.07. — Забастовка шахтеров Печорского угольного бассейна.
- 21.07. — Комитет Верховного Совета СССР по международным делам совместно с представителями МИД СССР рассмотрел меры, призванные не допустить на будущее недемократическое, негласное принятие жизненно важных для страны решений и поставить формирование и проведение внешней политики под действенный контроль народа.
- 22.07. — В Донецке подписан протокол о согласованных мерах между правительственной комиссией и Донецким стачечным комитетом.
- 24.07. — Постановление СМ СССР о создании Государственной комиссии по экономической реформе во главе с академиком Л.И.Абалкиным — в качестве зампредсовмина СССР.
- 24.07. — Встреча Рыжкова в Кремле с представителями забастовочных комитетов шахтеров Донбасса.
- 25.07. — Горбачев встретился с руководителями Венгерской социалистической рабочей партии Р.Ньершем и К.Гроссом. Договорились принять меры по сокращению советских войск в Венгрии по ходу разоруженческих процессов в Европе и в связи с прогрессом на переговорах в Вене.
- 25.07. — Встреча Рыжкова с представителями забастовочных комитетов Печерского угольного бассейна и шахт объединения «Павлоградуголь».
- 26.07. — В СССР завершена ликвидация ракет меньшей дальности (ОТР-22), предусмотренная Договором по РСМД.
- 27.07. — Учредительная конференция Межрегионального объединения избирателей (Москва).
- 28.07. — Верховный Совет Латвии принял закон о суверенитете республики.
- 29–30.07. — Первое собрание Межрегиональной депутатской группы. Ее сопредседателями стали Ю.Афанасьев, Б.Ельцин, Г.Попов, А.Сахаров.
- Август. — Блокада НКАО Азербайджаном (продолжалась до 25 сентября).

- 1.08. — Обращение Верховного Совета СССР к Конгрессу США по вопросам моратория на ядерные взрывы и прекращения ядерных испытаний.
- 1.08. — Верховный Совет СССР принял закон о мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения.
- 1.08. — В Кремле состоялась встреча Рыжкова с представителями забастовочных комитетов шахтеров ряда угольных бассейнов страны.
- 2.08. — Постановление СМ СССР и ВЦСПС «О расширении внешнеэкономической деятельности профсоюзов».
- 2.08. — Решение Московского партийного клуба о создании Демократической платформы в КПСС.
- 4.08. — Принятие Верховным Советом СССР закона «О статусе судей в СССР».
- 8.08. — Газета «Советская Латвия» опубликовала Закон Латвийской ССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Латвийской ССР», согласно которым объявлялся суверенитет Латвии с правом на собственную государственность, беспрепятственное развитие латышского языка, национальной культуры и экономики.
- 8.08. — В Женеве закончился очередной раунд советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям.
- 9.08. — Опубликовано сообщение о создании Ассоциации малых народов Севера.
- 12.08. — Опубликовано сообщение о реабилитации в партийном отношении лиц, привлекавшихся во внесудебном порядке по делу «ленинградской контрреволюционной зиньевской группы» (1934 год).
- 12.08. — «Аргументы и факты» публикуют текст секретных протоколов к советско-германскому договору 1939 г. и заявление Фалина, ставящего под сомнение их подлинность.
- 12.08. — В Челябинской области остановлен реактор дляработки оружейного плутония.
- 15.08. — На базе бывшего Мингазпрома образован государственный концерн «Газпром» во главе с бывшим министром В.С.Черномырдиным.
- 16.08. — Указ Президиума Верховного Совета СССР о несоответствии Конституции СССР некоторых положений закона

- Эстонской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР» и закона Эстонской ССР «О выборах в местные Советы народных депутатов Эстонской ССР».
- 16.08. — «Литературная газета» опубликовала диалог между М.Клямкиным и А.Миграняном «Нужна «железная рука»?», в котором проводилась мысль о том, что путь к демократии в СССР может пролегать и через авторитарный режим.
- 17.08. — Учрежден региональный Союз стачечных комитетов Донбасса.
- 18-28.08. — Забастовка шахтеров Ворошиловградской области (Украина),
- 19.08. — Ярославль. Учредительная конференция Народного фронта Центра России.
- 22.08. — Опубликовано заключение комиссии Верховного совета Литовской ССР по изучению германо-советских договоров 1939 года и их последствий. Комиссия пришла к выводу, что эти договоры незаконны, что они не имеют юридической силы и поэтому Декларация о вступлении Литвы в СССР и закон СССР о принятии Литовской ССР в состав СССР не действительны.
- 23.08. — Манифестации в Литве, Латвии и Эстонии в день 50-летия советско-германского договора о ненападении (пакт Молотова-Риббентропа).
- 23.08 — 25.09. — Забастовки в Тирасполе и других городах Молдавии из-за несогласия с тем, что в законопроектах о языках не были учтены интересы той части населения республики, для которой молдавский язык не является родным.
- 25.08. — Сухуми. Первый съезд горских народов Кавказа, образована Ассамблея горских народов Кавказа.
- 25.08. — Самозахват земель татарами в Бахчисарайском районе Крыма.
- 27.08. — Опубликовано жесткое заявление ЦК КПСС о положении в республиках Прибалтики.
- 29.08. — В газете «Советская Литва» опубликовано Заявление ЦК Компартии Литвы, в котором подтверждалась правильность лозунга «Литва без суверенитета — Литва без будущего». В тот же день в газете «Советская Эстония» опубликовано

- ликовано аналогичное заявление Бюро ЦК Компартии Эстонии.
- 30.08. — Постановление Политбюро ЦК КПСС «О кризисных явлениях в общественно-политической жизни Литовской ССР».
- 1.09. — Постановление Совета Министров СССР о первоочередных мерах по переходу Белорусской ССР с 1990 года на новые условия хозяйствования на основе самоуправления и самофинансирования.
- 1.09. — Сессия Верховного Совета Молдавской ССР приняла законы о языке, признавшие государственным языком молдавский, языками межнационального общения — молдавский и русский.
- 3.09. — Учредительная конференция Национально-демократической партии.
- 5.09. — В газете «Советская Латвия» опубликована Программа действий Коммунистической партии Латвии под заголовком «По пути суверенитета Латвии».
- 5.09. — В Минске создан Рабочий союз Белоруссии (межгородской).
- 8.09. — Учредительный съезд Народного Руха Украины.
- 8.09. Свердловск. Учредительный съезд Объединенного фронта трудящихся РСФСР.
- 9.09. — «Советская Россия» выступила со статьей в пользу создания компартии России.
- 11.09. — Горбачев встретился с президентом Индонезии Сухарто. Принято Заявление об основах дружественных отношений и сотрудничества между СССР и Республикой Индонезия.
- 12.09. — Вашингтон. Буш не принял в Овальном кабинете находившегося в США с частным визитом Ельцина, но как бы «случайно» зашел в кабинет своего помощника Б.Скоукрофта, когда тот встречался с Ельциным.
- 15.09. — Встреча в Москве представителей рабочих союзов, клубов, стачечных комитетов и независимых профсоюзных организаций из различных регионов страны. Принято обращение оргкомитета по подготовке съезда независимых рабочих движений и организаций.
- 16–18.09. — Всесоюзная конференция демократических движений и организаций в Ленинграде. Участвовали представи-

- тели около 50 Народных фронтов и других общественных формирований из всех республик. Принято решение о создании Межрегиональной ассоциации демократических организаций.
- 20.09. — Компартия Литвы в канун своего съезда заявила о независимости от КПСС.
- 20–21.09. — Учредительный съезд Союза конституционных демократов.
- 21.09. — Постановление Президиума Верховного Совета СССР о совершенствовании законодательства СССР в области межнациональных отношений.
- 22–23.09. — Шеварднадзе и Бейкер провели в Вашингтоне очередную встречу. Шеварднадзе был принят президентом Бушем, передал ему послание Горбачева с новыми идеями и предложениями по вопросам безопасности.
- 23.09. — В Москве Горбачев и Маргарет Тэтчэр провели очередную встречу в рамках постоянного диалога между ними.
- 23.09. — Верховный Совет Азербайджанской ССР принял закон о суверенитете республики.
- 25.09. — Верховный Совет Литвы объявил незаконным присоединение республики к СССР в 1940 году.
- 25–28.09.— 2-я сессия Верховного Совета СССР. Прибалтике, Белоруссии, Свердловской области предоставлены широкие права в экономике.
- 28.09. — На Венских переговорах по обычным вооруженным силам в Европе внесены новые предложения ОВД, направленные на развязку спорных проблем, в частности по уровням для фронтовой авиации.
- 30.09. — Демонстрация и митинг «Чернобыльский шлях» в Минске.
- 30.09. — В Набережных Челнах, Нижнекамске, Чистополе и ряде других городов — марши протеста против строительства Татарской и Башкирской АЭС.
- 3.10. — Постановление Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по обеспечению бесперебойного функционирования железнодорожного транспорта и базовых отраслей народного хозяйства. Верховный Совет отклонил требование правительства Рыжкова о введении чрезвычайного положения в связи с забастовками и железнодорожной блокадой Армении.

- 6–7.10. — Визит Горбачева в ГДР по случаю 40-летия республики. Выступая в Берлине на торжественном заседании, он, в частности, сказал: «...нашим западным партнерам следует исходить из того, что вопросы, касающиеся ГДР, решаются не в Москве, а в Берлине».
- 9.10. — Верховный Совет СССР принял закон о порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов).
- 9–13.10. — Архиерейский собор РПЦ, посвященный 400-летию патриаршества на Руси.
- 17.10. — Постановление Верховного Совета СССР об упорядочении деятельности кооперативов и регулировании цен на их товары и услуги.
- 18.10. — Пленум ЦК СЕПГ освободил Хонеккера от обязанностей первого секретаря ЦК СЕПГ. На этот пост избран Эгон Кренц. Горбачев направил ему поздравительную телеграмму. 24 октября Народная палата избрала Кренца также Председателем Государственного Совета. (Он оставался на первом посту до 3 декабря, на втором — до 6 декабря).
- 21.10. — В Ярославле на конференции представителей Народных фронтов и демократических движений РСФСР образован Народный фронт РСФСР.
- 21–22.10. — Учредительная конференция Союза конституционных демократов.
- 22.10. — Образование Совета рабочих комитетов Ленинграда.
- 23.10. — Горбачев на встрече с редакционной коллегией «Правды» представил нового редактора «Правды» — И.Т.Фролова.
- 23.10. — Опубликовано сообщение об учредительном съезде Союза социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей — «Щит».
- 23.10. — В 23-ю годовщину венгерских событий 1956 года в Венгрии официально провозглашено новое название государства — «Венгерская республика» (вместо прежнего «Венгерская Народная Республика»).
- 25.10. — Архиерейский собор Русской Православной Церкви принял Обращение к Горбачеву как Председателю Верховного Совета СССР, в котором заявил: «...Мы выражаем поддержку провозглашенному и осуществляемому Вами курсу на обновление нравственной и духовной жизни на-

- шего общества, на совершенствование социально-экономической системы, на развитие демократии».
- 25–27.10. — Официальный визит Горбачева в Финляндию. Подписана советско-финская Декларация «Новое мышление в действии».
- 27.10. — В Сарыюзекке (Казахстан) завершилась ликвидация советских ракет меньшей дальности.
- 28.10. — В день 71-й годовщины независимости Чехословакии в Праге состоялась массовая (свыше 10000 участников) антиправительственная демонстрация.
- 30.10. — Академик Сахаров опубликовал свой проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии.
- Ноябрь. — Начало «бархатной революции» в Чехословакии.
- 1.11. — Встреча Горбачева в Москве с Эгоном Кренцем.
- 2.11. — Верховный Совет СССР принял законы об ответственности за неуважение к суду и о порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан.
- 3.11. — На пресс-конференции в Нью-Йорке объявлено: делегации СССР и США представили в ООН совместный (первые!) проект резолюции «Укрепление международного мира, безопасности и международного сотрудничества во всех его аспектах в соответствии с Уставом ООН».
- 6.11. — Обращение Рыжкова к руководителям и трудовым коллективам угольных бассейнов страны с призывом прекратить забастовки.
- 10.11. — Постановление Президиума Верховного Совета СССР о несоответствии некоторых законодательных актов союзных республик (Азербайджана, Прибалтийских республик) Конституции СССР.
- 10.11. — Постановление Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении гражданства СССР А.И.Солженицыну и некоторым другим лицам.
- 10.11. — Постановление Секретариата ЦК КПСС «О развитии в СССР сети малых и средних предприятий».
- 11.11. — Опубликовано послание Горбачева Петру Младенову, избранному на пост Генерального секретаря Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии.

- 12.11. — Опубликовано сообщение об образовании государственного концерна по производству цветных металлов «Норильский никель».
- 12.11. — Опубликован Манифест шовинистического фронта «Память».
- 13.11. — Верховный Совет СССР принял «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве».
- 14.11. — Верховный Совет СССР принял Декларацию о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав.
- 15–19.11. — Всесоюзный студенческий форум в Москве. В рамках форума прошли встречи Горбачева, Рыжкова, министров и руководителей ведомств с его участниками.
- 17.11. — В Свердловске закончился учредительный съезд Всесоюзной ассоциации руководителей государственных предприятий (объединений) промышленности, строительства, транспорта и связи.
- 17.11. — Рыжков встретился с представителями трудовых коллективов угольных бассейнов.
- 17–18.11. — На конференции стачечных комитетов в Кузбассе создан Союз трудящихся. Затем его организации появились и в других шахтерских регионах.
- 19.11. — Верховный Совет Грузии принял поправки к Конституции, согласно которым устанавливалось право «вето» в отношении союзных законов, право свободного выхода республики из СССР, а природные богатства объявлялись ее собственностью.
- 21.11. — Горбачев встретился с премьер-министром Канады Брайяном Малруни. Принята советско-канадская Политическая декларация.
- 22.11. — Верховный Совет СССР утвердил назначение Н.Н.Губенко Министром культуры.
- 23.11. — Верховным Советом СССР утверждены Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде.
- 23.11. — Начало столкновений между грузинами и осетинами в Южной Осетии.
- 24.11. — Горбачев встретился с Председателем Совета Министров Польши Тадеушем Мазовецким.

- 25–26.11. — Учредительный съезд Демократической партии России.
- 26.11. — «Правда» опубликовала статью Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка». «...Критерии социалистичности, — отмечалось в статье, — требуют конкретизации с учетом опыта мирового социализма и процессов развития капиталистических стран. Прежде всего, с них должен быть снят налет конфронтационности, абсолютного метафизического противопоставления современных социальных систем...»
- 27.11. — Верховный Совет СССР принял закон об экономической самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии, закреплявший право суверенных союзных республик на самостоятельное ведение хозяйства и предусматривавший равноправное их участие в межреспубликанской союзной деятельности.
- 27.11. — Постановление Верховного Совета СССР о неотложных мерах экологического оздоровления страны.
- 28.11. — Постановление Верховного Совета СССР о мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области. Упразднен Комитет особого управления НКАО, восстановлена деятельность областного совета.
- 28.11. — Коль выступил в Бундестаге с программой из 10 пунктов, направленной на ускорение процесса воссоединения Германии.
- 29.11–1.12. — Визит Горбачева в Италию. Принята Совместная советско-итальянская Декларация, подписан ряд двусторонних документов.
- Ноябрь. — По инициативе Московского партийного клуба проведена встреча аналогичных формирований из 16 городов, решившая провести Конференцию по созданию «Демократической платформы в КПСС».
- Проведен учредительный съезд Союза малых предприятий СССР. Его членами стали 40 тысяч предприятий с числом занятых в три миллиона человек.
 - Создана Ассоциация государственных предприятий и объектов промышленности, строительства и связи СССР во главе с А.И.Тизяковым (будущим членом ГКЧП).
 - Состоялась научно-практическая конференция и заседание ЦМ СССР, обсудившие подготовленную в Государ-

- ственной комиссии по экономической реформе (при участии Г.Явлинского, Е.Ясина, Е.Гайдара и других) концепцию перехода к рынку, меры по стабилизации экономики и проект плана на следующую пятилетку.
- 1.12. — Официальный визит Горбачева в Ватикан. Встреча с Папой Иоанном-Павлом П. Выступая в Ватикане, Горбачев сообщил, что собеседники договорились в принципе о придании официального характера межгосударственным отношениям.
 - 1.12. — Верховный Совет Армянской ССР принял постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха» и постановление, отклоняющее постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года.
 - 2–3.12. — На теплоходе «Максим Горький» у берегов Мальты состоялась встреча Горбачева и Дж.Буша. Два президента объявили о прекращении холодной войны и заявили, что отныне не считают свои страны противниками.
 - 4.12. — На информационной встрече руководителей ОВД в Москве Горбачев представил руководителям союзных стран подробную информацию о переговорах на Мальте.
 - 5.12. — Опубликовано Заявление Советского правительства и Заявление руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза, признавших ошибочным решение о вводе союзных войск в Чехословакию в 1968 году.
 - 5.12. — Встреча Горбачева с министром иностранных дел ФРГ Г.-Д.Геншером. Горбачев подверг критике «десять пунктов» канцлера.
 - 6.12. — Опубликовано проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле.
 - 6.12. — Встреча Горбачева и Миттерана в Киеве. Речь шла о концептуальных проблемах в контексте быстрых перемен в Восточной Европе, в Советском Союзе и развитии событий в ГДР и ФРГ.
 - 7.12. — Опубликовано проект закона Союза ССР об отпусках.
 - 7.12. — Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР расценил постановление Верховного Совета Армении от 1 декабря как недопустимое вмешательство в дела суверенного Азербайджана, посягательство на его территориальную целостность.

- 7.12. — Верховный Совет Литвы отменяет статью 6 Конституции республики (о руководящей роли КПСС).
- 8.12. — В Москве завершило работу первое Всероссийское офицерское собрание.
- 8.12. — Сообщения печати о первом предвыборном митинге Народного движения Украины («Рух») в Киеве.
- 10.12. — Опубликовано приветствие Горбачева Грегору Гизи, избранному председателем Социалистической Единой партии Германии.
- 11.12. — Попытка группы депутатов по предложению А.Д.Сахарова организовать всеобщую политическую стачку против однопартийности терпит неудачу.
- 12.12. — Открытие Второго съезда народных депутатов СССР. Съезд отклонил проект резолюции о введении многопартийной системы (1138 голосами против 939).
- 20.12. — Постановление Второго съезда народных депутатов СССР о мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке 13-го пятилетнего плана. Заявлено о необходимости «ускорить проведение радикальной экономической реформы, хозяйственных преобразований, формирование социалистического рынка».
- 24.12. — Постановления Второго съезда народных депутатов СССР: «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», в котором решительно осудил подписанные одновременно с ним протоколы о разделе «сфер влияния» и объявил их недействительными с момента подписания; и «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года», которое, как сказано в документе, заслуживает политического и морального осуждения.
- 13.12. — Организационное оформление Либерально-демократической партии (В.Жириновский).
- 14.12. — Кончина А.Д.Сахарова.
- 19–20.12. — XX съезд Компартии Литвы объявил о ее независимости от КПСС.
- 20.12. — Горбачев встретился с новым председателем правительства Чехословакии М.Чалфой.
- 22.12. — В Румынии в результате массовых народных выступлений свергнут диктаторский режим Чаушеску. Власть пере-

- шла в руки Совета Фронта национального спасения. Председателем Совета избран Ион Илиеску.
- 24.12. — В Казани на конференции марксистских рабочих групп образован оргкомитет Марксистской рабочей партии.
- 30.12. — Газета «Советская Россия» опубликовала предвыборную платформу блока общественно-политических движений России «К народному согласию», в которой выражена озабоченность разрушением сложившихся управленческих структур «с целью заменить их стихийным рыночным механизмом». Выражен также протест против уступок «сепаратистам и разного рода «левым радикалам», готовым к расчленению СССР..
- 31.12. — «Правда» опубликовала предвыборный манифест консервативных сил к выборам в Верховный Совет России и местные Советы с призывом дать отпор «националистическим и капиталистическим силам».
- 31.12. — Начало массовых беспорядков в Нахичевани, разрушены сотни километров советско-иранской границы.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Выступление на Круглом столе 21 мая 2009 г.

М.С. Горбачев,
Президент СССР

89-й год — урожайный на события и перемены. Среди них — Первый съезд народных депутатов СССР, который, несомненно, был знаменательным событием нашей истории не только XX века, но и всей отечественной истории: весной 89-го года впервые состоялись *свободные, конкурентные* выборы. Я бы еще добавил — и честные выборы. Таких выборов не было ни «до», ни после 89-го года — уже в другой исторической ситуации.

То, как проходили выборы до 89-го года, конечно, рождало у людей ощущение полного отчуждения от политики и убеждение в том, что никто по-настоящему не интересуется их мнением, суждением, поскольку все известно заранее, — а сейчас я думаю: не к тому ли мы опять поворачиваем?..

Мы собрались, чтобы поговорить о Съезде спустя двадцать лет. Что-то на расстоянии видится иначе, чем тогда, — но тот, кто прошел через это, помнит хорошо, забыть трудно... А это, практически, вся страна. Одни — участвуя в выборах, потом — в заседаниях Съезда, в обсуждении вопросов, которых накопилось много — целая гора. Другие в дни работы Съезда торопились домой, к телевизору, чтобы наблюдать, что там происходит.

Людей призывали идти на выборы, использовали все возможности, чтобы они пришли и проголосовали, — было задействовано несколько миллионов агитаторов. Народ повалил и на встречи с кандидатами, и на избирательные участки. Выборы, а затем Съезд народных депутатов всколыхнули общество по-настоящему. Беспрецедентная активность людей была подобна половодью и несла нас в открытое море.

Мы часто рассуждаем об индифферентности народа, о его аполитичности. Объясняем: 250 лет — были под монголами, 200 или 300 лет существовало крепостное право, 70 лет — коммунистическое крепостное право. Не скажу, что эти аргументы несерьезны — их, действительно, надо принимать в расчет. Но все-таки ошибочно суждение, будто в нашем народе генетически закодированы политическая пассивность и упование на манну небесную, хорошего царя, генсека.

89-й год реабилитировал наш народ полностью — по-моему, это лучший аргумент в наших сегодняшних спорах. Ведь прежние советские выборы были не чем иным, как актом обязательного одобрения деяний власти и ее представителей, список которых составлялся самой властью. Много раз в своей жизни я сам составлял эти списки, поскольку работал и зав. орготделом крайкома партии (в Ставрополье), и первым секретарем горкома партии, и районным руководителем, и т.д., — вплоть до 89-го года, когда меня упрекали за то, что я создал «партийную сотню». Думаю — потому что не поняли. Потом разобрались и поняли, что такая выборная система была придумана, чтобы после всего, что мы пережили, — «защепить» и дать людям возможность проявить политическую активность.

Да, это была, действительно, защепка: сколько общественных организаций получили право представить по этой системе своих! Профсоюзы, молодежь, а уж партия о себе тем более заботилась. Трудно решался вопрос: должен ли генсек войти в «партийную сотню» или — отдельно предстать перед избирателями. Наверное, правильно решили — быть вместе с товарищами по руководству.

1989 года не было бы без первых шагов перестроечной политики, прежде всего, без гласности и того, что за тем последовало. Но когда сегодня мы о нем вспоминаем, то не должны забывать и о том, что существует возможность: появление массового интереса к событиям, когда в обществе просыпается политическая, общественная жизнь, когда люди начинают думать о себе и о других, а главное — у них появляется надежда на перемены. Мы же люди особенные в том, что касается веры в светлое будущее, — она глубоко в нас заложена!

89-й год — это открытое активное обсуждение проблем. Я был поражен тогда тем, как действовала гласность, насколько она раскрепостила людей. Они начали говорить — да так говорить, что многим сделалось «горячо». А сейчас у нас кандидаты в депутаты не хотят идти на публичные дискуссии, говорят, что «все известно». Опять появляется пренебрежение мнением избирателей, и мы шаг за шагом возвращаемся в прошлое.

Думаю, что именно гласность избавила людей от страха, но были исключительно важные шаги и меры, подготовившие то, чем стали выборы 89-го года. Мы заменили старую избирательную систему и выдвинули очень плодотворную идею — дали право общественным организациям выдвигать своих кандидатов в депутаты. Это сделало выборы еще более свободными.

На политической арене появилось много лиц, которые нас удивили. Они претендовали на очень многое, имели большие амбиции. Некоторые из них присутствуют здесь — вот, Юрий Афанасьев...

Ю.Н. Афанасьев

Я не претендовал.

М.С. Горбачев

Как не претендовал? Все подтвердят — не читать же стенограмму.

Ю.Н. Афанасьев

Я не претендовал. На политику я не претендовал.

М.С. Горбачев

На критику и политику...

Ю.Н. Афанасьев

На критику — да.

М.С. Горбачев

Думаю, эти люди проявили себя блестяще в конструктивной парламентской деятельности. Нам и сегодня не стыдно за многие законодательные акты, которые были приняты в то время. Кто хочет, может прочитать стенограмму Съезда — это прямо-таки детектив. Я иногда обращаюсь к стенограмме, чтобы найти какой-нибудь факт, но отложить эти потрясающие записи уже невозможно. Материалы этого съезда очень поучительны ...

Сегодня любят говорить, что «разгул демократии» стал одним из факторов, погубивших СССР. По-моему, одним из первых это сказал Александр Исаевич Солженицын: «Все погубила горбачевская гласность». Я ответил ему на международной встрече редакторов издательств, которая проходила два года тому назад: «Не могу согласиться. Без этого мы так бы и оставались в состоянии застоя, полужастоя, а может быть, и срыва. Гласность дала огромную возможность людям сказать все, что они думают о нашей жизни, о власти, окружающем мире. И это заставило власть думать иначе».

Считаю, что нынешний подход к демократии — стремление придумывать и такую и сякую «демократию» — это попытки заморочить нам голову. Конечно, за двадцать лет накопилось много проблем. Конечно, склонность к авторитаризму усиливается в связи с экономическим кризисом. Подобные моменты иногда требуют и авторитарных методов, но как общий подход — это ошибка. Необходима надежная система обратной связи, которую могут обеспечить только демократические институты. А мы в начале кризиса даже не знали, как принимались решения, куда текли накопленные миллиарды и даже триллионы, которые не вкладывались в производство. А производство — это рабочие места, доходы, налог и т.д.

Хочу еще раз подчеркнуть: публичное обсуждение, анализ, критика — это непереносимое условие эффективности работы вообще и принимаемых конкретных решений. На наших глазах шаг за шагом происходит монополизация политической деятельности, пресекаются попытки включиться в этот процесс, подвергнуть критике, высказать предложение... Политической работой стесняются заниматься те, кто занимает сего-

дня высокие посты. Предпринимателей боятся и находят способы — не один, а двадцать-тридцать, — чтобы задушить их.

Происходящее сейчас требует серьезного анализа, взвешенной оценки и публичной постановки проблем. По сути дела, мы все — общество — должны готовиться к новым выборам. А это значит — понять, что произошло у нас за последние годы, когда избирательная система подверглась колоссальной ревизии в интересах отдельных партий и в интересах власти. В избирательную систему внесено, по меньшей мере, двадцать с лишним изменений. Научные и общественные центры должны помочь понять пагубность таких подходов, таких шагов.

Надо открыто поставить вопрос о необходимости серьезных реформ избирательной системы. Даже сделать минимум — вернуться к той избирательной системе, какой она была.

Думаю, мы должны открыто ставить все эти вопросы.

Р.А. Медведев,

историк, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

Я не готовился открывать дискуссию и не готов поэтому к развернутой оценке событий Первого съезда и его влияния как на власть, так и на общество в СССР, а это влияние было значительным. Конечно, как историк я много думал и даже писал о значении съезда. И для меня, и для всех нас это не просто памятное, но для многих — и переломное событие. Три года назад в России довольно широко отмечалось 100-летие со дня создания в России в 1906 году Государственной Думы. При этом многие газеты писали, что именно 1906 год был годом рождения российского парламентаризма. Нам, историкам, трудно с этим согласиться. Государственная Дума в царской России являлась совещательным органом, а не одной из ветвей власти. Настоящий российский парламент — полномочный, даже слишком полномочный, с большим набором прав и возможностей, с решениями и мнениями которого партийно-государственная власть в СССР не могла не считаться. Такой парламент родился, конечно, только в 1989 году. И именно работа Первого съезда, а также последующих съездов, как

и работа Верховного Совета СССР на постоянной и профессиональной основе стали рождением советского и российского парламентаризма. Конечно, развитие этой новой ветви власти в нашей стране в последующие 20 лет не было прямым, этот путь был полон изгибов и искривлений. Но движение на этом пути было уже невозможно остановить. Для всех стало очевидно, что парламент как ветвь реальной власти, как собрание избранных народом представителей, принимающих законы страны, — такой парламент для России необходим.

Конечно, Первый съезд был огромной важности событием и для страны, и для правящей элиты, и для всей думающей части народа, и для всех нас, народных депутатов, которые во многих случаях совсем неожиданно оказались в Кремле, в центре событий. Для всех нас возникало очень большое число неожиданных ситуаций и проблем, которых никто не ждал и к решению которых никто не готовился заранее. Не было ясно, как вести съезд, каким должен быть его регламент, кому и в каком порядке предоставлять слово для выступления с главной трибуны — в порядке очереди или по алфавиту: число народных депутатов, записавшихся в прения, было слишком велико. Академик А.Д.Сахаров просто выходил к трибуне и ждал, когда предыдущий оратор закончит свое выступление, чтобы начать свою речь, не считаясь ни с каким регламентом. Это было неправильно, недемократично и не свидетельствовало об уважении к другим депутатам и к съезду. Но до сих пор демократическая печать считает поведение А.Сахарова на съезде едва ли не героическим, осуждая при этом большинство съезда, которое «захлопывало» Сахарова, или осуждая Михаила Горбачева, который отключал на трибуне микрофон — даже не через 20, а через 25–30 минут. Однако Сахаров продолжал говорить и при выключенном микрофоне.

Съезд оказался слишком громоздким — почти 2200 народных депутатов, которых Никто заранее не готовил к этой работе. Уже по ходу работы съезда в повестку дня вносились все новые и новые вопросы. Утром президиум съезда намечал какой-то план заседания, но ход съезда мог быть неожиданным выступлением нарушен, и далее дело шло уже как стихийный процесс.

Я не собирался выступать на съезде. Для себя я решил, что буду присутствовать в Кремле как историк, т.е. наблюдать и анализировать. Однако я попросил слово, когда литовская делегация неожиданно выдвинула свой ультиматум по повестке дня и заявила, что в ином случае все литовские или даже все прибалтийские депутаты покинут съезд. Второй раз я выступил в поддержку кандидатуры Анатолия Ивановича Лукьянова, на которого депутат Тельман Гдлян обрушил множество несправедливых обвинений. В своих записках в президиум съезда я прямо обозначал, что буду говорить, и Михаил Сергеевич всегда давал мне слово.

Предполагалось, что по телевидению покажут начало съезда, а потом будут показывать отдельные эпизоды «из Кремля». Однако сам съезд принял решение о полной и прямой трансляции, и каждый из выступавших говорил, таким образом, перед всей страной. Я этого даже не знал, все мое внимание было приковано к событиям и выступлениям во Дворце Съездов. Многие из членов Политбюро не были готовы к выступлению на таком съезде. Молча сидел и Борис Ельцин, он был активен только за кулисами съезда. Можно сказать, что волны демократии (а съезд давал пример прямой и вполне народной демократии) нас бросили, хотя большая часть из нас еще не умела плавать.

И как историка, и просто как гражданина Советского Союза, привыкшего и приспособившегося к устоявшемуся в стране режиму и порядку, меня удивляло в мае и июне 1989 года очень многое. Быстро менялись не только настроения на съезде, но и среди избирателей за стенами; Кремля. Я пришел на съезд как независимый депутат, одержавший победу в Ворошиловском избирательном округе № 6 г.Москвы (вскоре округ и район Москвы стал «Хорошевским»). И при встречах со своими избирателями каждый месяц или даже каждые две недели я встречал уже другую аудиторию. Это были те же люди, с которыми я встречался еще в феврале, марте и апреле, но теперь у них были другие настроения и другие требования. Очень многие избиратели вели себя крайне агрессивно. Они требовали быстрого осуществления таких дел, которые не мог сделать ни съезд, ни ЦК КПСС, ни Правительство СССР. Мои

избиратели очень внимательно следили за моими выступлениями и весьма эмоционально на них реагировали.

На съезде меня избрали председателем комиссии по проверке деятельности следователей Генеральной прокуратуры Т.Гдяна и Н.Иванова, а также фактов коррупции в Узбекистане и в Москве. Но в это же время в моем Хорошевском округе начался сбор подписей под требованием отозвать Роя Медведева с поста Народного депутата и только потому, что он не поддержал Гдяна и Иванова. Убедить людей в том, что работа Гдяна и Иванова, и всей прокуратуры требует проверки, было невозможно. Гдян и Иванов были тогда героями дня, и митинги в их поддержку собирали в Москве десятки тысяч человек.

Первый съезд дал трибуну многим новым в политике людям, однако для большинства из этих людей их политическая карьера была, как правило, яркой, но недолгой. Сейчас, через 20 лет, мы видим и во власти, и в политической и культурной элите не так уж много людей, которые приобрели известность благодаря съездам народных депутатов. Я могу назвать здесь только двух — Евгения Примакова и Валентину Матвиенко.

Неожиданным было для меня не только поведение избирателей Москвы, но и поведение многих народных депутатов, оказавшихся на съезде в центре внимания прежде всего благодаря их ораторским способностям. Так, например, уже на Первом съезде очень большой отклик получили выступления профессора МГУ Гавриила Попова и профессора ЛГУ Анатолия Собчака. Конечно, у них был хороший опыт. Умело и интересно выступать перед большой аудиторией — это важная часть их профессии. Однако неожиданную и быстро пришедшую к ним популярность и известность оба этих депутата попытались сразу же конвертировать во власть и влияние. И так же вели себя многие другие.

Анатолий Собчак уже в 1990 году написал книгу о своем политическом успехе с названием «Хождение во власть». Мы работали с Собчаком в одном Комитете по законодательству, и я его спросил, когда получил эту книгу в подарок: «Анатолий Александрович, какая у вас власть? Вы еще не знаете, что такое власть. Вы пока еще парламентская оппозиция, а не

власть». Но он уже думал о реальной власти и согласился летом 1990 года возглавить Ленинградский Совет. Помню, что я спрашивал об этом свою соседку по Верховному Совету (мы располагались на заседаниях по алфавиту: на съезде моим соседом был Вадим Медведев, а в Верховном Совете — Валентина Матвиенко):

— *В чем дело, почему Собчак решил ехать в Ленинград и соглашается возглавить Ленсовет?*

Матвиенко отвечала:

— *Он хочет власти.*

— *Но как будет управлять городом профессор Ленинградского университета? Водопровод, канализация. Два миллиона рабочих и полтора миллиона пенсионеров. Он же со всем этим не справится?*

— *Я тоже так думаю, — говорила Матвиенко, которая много лет работала в Ленгорисполкоме, — но объяснить ему этого не могу.*

Сегодня, как известно, губернатором Санкт-Петербурга работает именно Валентина Матвиенко. А Собчак надорвался, не справился и проиграл следующие выборы. Гавриил Попов также занял пост мэра Москвы, но вскоре сам ушел в отставку.

Однако в истории пример часто является важнее, чем результат. Первый съезд был очень важным событием и уроком, но усвоить этот урок мы не смогли. Уже Второй съезд не являлся столь же интересным и важным событием. Потом не слишком ярко прошли Третий и Четвертый съезды. А на Пятом съезде в сентябре 1991 года было принято решение о самороспуске, не доработав и половины отпущенного нам срока. Лично я голосовал против этого решения и выступал против, но депутатов уже никто не хотел слушать. И когда я 2-го или 3-го января 1992 года поехал в Кремль за своей трудовой книжкой и другими документами, меня в Кремль не пустили и сказали:

— *Кабинеты Верховного Совета опечатаны, и вам здесь делать больше нечего.*

— *Но у меня документ, который действителен до конца 1994 года.*

— Можете его спрятать. Для нас этот документ уже не имеет никакой силы.

Еще раньше, весной 1991 года, меня не пустили на партийное собрание в здание Моссовета по удостоверению члена ЦК КПСС. Мне также сказали, что документы ЦК КПСС в Моссовете не могут служить пропуском. Но все же я попал на партийное собрание по удостоверению члена Верховного Совета СССР. Уже в конце 1990 и в начале 1991 годов было очень хорошо видно, что происходит деградация власти.

Я много работал в Верховном Совете и долго не замечал этой деградации, которая шла и в экономике страны. Для меня было неожиданным, когда нам еще весной 1990 года в конце каждой недели стали вручать пакеты с продовольственным пайком народного депутата. Там были самые обычные продукты: пакет сахара, крупы, мороженая курица, пачка масла. В магазинах всего этого не было, или стояли большие очереди. Все это было очень печально.

Тем не менее я могу повторить, что часто сам пример, само мероприятие могут оказаться важнее результата. По многим направлениям именно в 1989 году начались те процессы демократических реформ, которые были продолжены и после распада СССР. Во многих отношениях перемены последних 20 лет — это единый процесс, и именно так рассматривают события последних 20 лет почти все историки. Мы не сможем понять события в постсоветской России или на всем постсоветском пространстве, не начиная свой анализ со времен «перестройки». У нас, историков, есть понятие «ирония истории». Это означает, что результат может оказаться совсем другим, чем этого хотел тот или иной революционер или реформатор. Колесо истории идет с трудом и часто совсем по другой колее. Приходится смиряться и с разочарованиями.

Я рад, что все те, кто присутствует на этом «круглом столе» (а нас не так уж много), прошли через все испытания последних 20 лет и сохранили интерес и к политике, и к творчеству. Нам есть что вспомнить и что обсудить. Для меня лично Первый съезд оказался одним из самых важных событий в моей жизни.

Ф.М. Бурлацкий,

политолог и журналист, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

Во-первых, мне хотелось бы сказать о роли, которую сыграл Михаил Сергеевич Горбачев. Я впервые услышал это имя от одного из аппаратных работников, который сопровождал Горбачева в поездке в Италию для участия в похоронах Энрико Берлингуэра. Горбачев, как мне сказал этот собеседник, произнес там вещие слова: «Мы никогда не забудем Энрико, его заветы о развитии демократии в Советском Союзе». Я тогда подумал: о, этот человек имеет большие замыслы в отличие от всех других, крепко сидевших в креслах пожилых джентльменов.

Потом я написал записку Михаилу Сергеевичу (он уже не помнит, конечно). Я рекомендовал ему некоторых людей, в частности Георгия Шахназарова, который потом стал советником Михаила Сергеевича. И предложил обратить внимание на опыт Китая, Дэн Сяопина, который раньше нас начал продвижение — не могу сказать, по пути демократии, — но по пути создания современного рынка. Мне передали, что Михаил Сергеевич ознакомился с запиской и будто бы сказал фразу: мы пойдем другим путем.

Не знаю, был ли этот путь лучше, но уж, конечно, он оказался куда менее эффективным.

Накануне XIX партконференции были выдвинуты два проекта модели политической системы. Один проект был выдвинут А.И. Лукьяновым: модель 24-го года, возврата к Конституции 24-го года: съезд и избираемый корпус депутатов. И другая модель: я выступил в «Литературной газете» с предложением создания двухпалатного парламента, всенародного избрания президента, вице-президента, Конституционного суда и учреждения суда присяжных.

К сожалению, была выбрана модель Анатолия Ивановича Лукьянова. Она оказалась не только бесполезной, но и вредной — в том отношении, что Съезд народных депутатов занимался не законами, не обычной парламентской деятельностью, а просто служил трибуной для выражения мнений, эмоций и неграмотных суждений людей, которые только еще при-

нюхивались к политическому процессу. Съезд стал ристалищем острой борьбы между различными группами — партий еще не было. Юрий Афанасьев возглавлял одну из групп, которую можно уважать, но можно оценивать по-разному. Афанасьеву противостояли ретрограды, о которых и вспоминать-то неприятно...

Я считаю, что тогда была сделана историческая ошибка — не знаю, в какой степени Михаил Сергеевич с этим согласен. Надо было создавать нормальное парламентское учреждение, как это принято в западных странах. Тем не менее съезд — и в этом колоссальная заслуга Горбачева, потому что именно он был инициатором, окруженным людьми из Политбюро, которым это было не просто чуждо, но которые были абсолютно против этого, — дал толчок необратимому процессу движения к новой политической системе и в какой-то степени — к новому обществу.

Первый съезд (и затем последующие съезды), несмотря на провал, неудачи и распад Советского Союза, покончил со сталинской системой власти и подвинул Россию на новый путь развития. В этом его историческое значение и в этом историческое значение и М.С. Горбачева.

К несчастью, развернувшаяся политическая борьба и безудержная жажда власти одной из главных фигур на нашей политической сцене — Бориса Николаевича Ельцина и его группы привели к провалу Съезда, распаду Советского Союза и фактически, сведению на нет даже тех небольших демократических завоеваний, которые были достигнуты в период Горбачева.

Очень жаль, что исторический процесс пошел таким образом, и Россия снова была отброшена на десятилетия назад. Тем не менее, я думаю, все, что было сделано на Съезде, и многие законы, которые были приняты (один из законов, который с огромным трудом пробивал я, — о свободе выезда и въезда, и который, в конечном счете, Михаил Сергеевич поддержал), дали толчок демократическому развитию в нашей стране. Это не будет забыто и скажется на дальнейшем ходе нашей истории.

Поэтому я сказал бы, что Съезд и последующие съезды, деятельность Верховного Совета СССР, как говорили когда-то в аппарате, «пропали недаром». Это еще скажется в будущем. От этой печки еще будут танцевать многие демократические течения в нашей стране, возвращаясь к тому, что было недоделано, к тому, что было задумано, к тому, что было высказано лучшей частью нашего общества в тот период.

Ю.Н. Афанасьев,

историк, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

Хотел бы выразить мое почтение инициатору и организатору этого Круглого стола — Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я не буду сейчас говорить, в какой мере осознанно, а в какой мере из-за присущей ему природной одаренности он стоял у истоков, иногда инициировал, а чаще всего олицетворял те процессы или события, которыми мы живем до сих пор. Горбачев сделал великое дело.

А теперь мне хотелось бы сказать слова, которые, может быть, покажутся или дадут повод подумать, что я не искренен, потому что дальше надо было бы сказать фразу: «Вы мне друг, но истина мне дороже». Но то, о чем я собираюсь говорить, то, что я думаю, и есть истина, — несколько не поколеблет сказанного мной вначале.

Первый съезд народных депутатов будет восприниматься по-разному, в зависимости от того, в какую систему координат его поместить, — в систему координат временных, ценностных или нравственных. Иногда характеристики этого съезда в зависимости от того, в какой системе координат его рассматривать, будут не только не совпадать, а будут напрочь, начисто исключать одни других.

Мне кажется, что это вполне естественно. Если смотреть на этот съезд как на одно из событий, которое вписывается в соответствующую канву политической истории и измеряется отрезками времени 10–15 лет, 15 лет «до» и 15 или 10 лет «после», то следует признать, что это событие не проникло в толщи и глубины человеческого жизнеустройства. Оно как бы скользит по поверхности политических событий и измеряется

действиями тех, кто был до того, и тех, кто пришел после. Что я имею в виду более конкретно? Мне кажется, что этот съезд надо рассматривать в долговременной временной перспективе — как знак, за которым есть нечто означаемое.

Если на это же событие посмотреть в перспективе 10–15 лет или в ретроспективе, то это будет примерно то, что нам обычно предлагают и о чем говорил Михаил Сергеевич. То есть предлагается рассмотреть этот съезд как политическое событие, как очень важное явление с точки зрения тех вопросов, которые предложены нам для обсуждения: прорыв к самосознанию — гласность и публичная политика; начало основ парламентаризма, выборы и создание многопартийности.

Да, гласность была. А прорыва к самосознанию как-то не случилось ни тогда, ни тем более теперь. Основы парламентаризма заложили. Но как-то так получилось, что сегодня никаким парламентаризмом уже и не пахнет.

Все дело в том, что если на этот съезд посмотреть как на некий знак не с точки зрения политических событий, а с точки зрения продолжительных социокультурных процессов, которые происходят в России, то тогда, я думаю, ни у кого бы язык не повернулся говорить о пробуждении самосознания российского общества. Поскольку его как не было тогда, так нет и теперь, как не было сто лет тому назад, так и нет. Потому что самосознание предполагает самокритику — то есть способность общества критично смотреть на себя. Этого не было и в период работы Первого съезда народных депутатов.

Если говорить о парламентаризме как институте современного общества, то есть общества, которое вышло за рамки традиционализма, то никакого парламентаризма и близко нет.

То есть хочу подчеркнуть: есть способ мышления, который в сущности является традиционалистским. В соответствии с ним рассуждают примерно так: если сегодня лучше, чем вчера, если завтра будет лучше, чем сегодня, то мы продвигаемся от хорошего к лучшему, и сфера или зона свободы у нас в России расширяется.

Согласно этой точке зрения у нас происходит эволюция либерализма. Более того, предполагается, что «наверху» су-

ществовал или перманентно существует некий проект преобразования российской действительности, нашего общества. И этот проект, якобы, последовательно и пусть неровно, пусть с зигзагами, — но реализуется.

Я не буду перечислять все исторические персонажи до Александра Первого, до Сперанского, Александра Второго, а потом — Витте и Столыпин. Но вроде бы Россия и российское общество эволюционно улучшаются. Из этого логически следует, что последовательно, пусть и не быстро, не ускоренно, но эволюционно изменяясь, российское общество дойдет до такого состояния, когда оно будет способно к саморегуляции, самоорганизации. То есть оно будет способно к развитию.

Я считаю этот взгляд базируется на понятиях традиционалистского мышления. Это очень большое заблуждение, потому что взгляни ли в историю 1000-летней давности, или — после 89-го года — картина получается одна. Это картина расширения или, по крайней мере, сохранения зоны или пространства несвободы. Это и есть специфика нашей истории...

Если рассматривать то, что произошло на Первом съезде народных депутатов в линии последовательного расширения зоны свободы, то, конечно, многое очень можно принять под лозунгом: «Да здравствует!». Но можно рассматривать те же самые события съезда как доказательство способности режима мимикрировать, адаптироваться к меняющимся условиям с целью самосохранения своей традиционалистской сути. То есть воспроизводства на основе неизменности. В таком случае Первый съезд предстанет перед нами как событие, на котором собрались представители советской номенклатуры и некая группа представителей мыслящего класса, обслуживающая эту самую номенклатуру. В данном случае я имею в виду Межрегиональную группу и себя как представителей бюрократической или очинвленной, думающей интеллигенции, которые видели себя изнутри системы. Той самой системы.

Исключением был один единственный человек — это Андрей Дмитриевич Сахаров. Потому что он был внесистемным человеком. Но это на две с лишним тысячи делегатов — единственный случай. Сахаров видел происходящее преимущественно в контексте того, как советская система противостоит

другой системе. Он видел уже тогда опасность этого противостояния и поэтому был таким неистовым. Он все никак не мог понять, почему другие не видят, к чему идет дело.

Предложение Сахарова — быть открытой политической оппозицией, с которым он обратился к Межрегиональной группе, почти не было воспринято. Межрегиональная группа никакой политической оппозицией не стала. Она и не могла стать. Не могла стать не столько организационно, сколько потому, что члены Межрегиональной группы не могли помыслить, представить такую возможность: взглянуть на происходящее в Советском Союзе, не будучи в системе. И даже сегодня те, кто причисляет себя в том числе и к либеральной интеллигенции — мыслящему классу, тоже являются, прежде всего, обслуживающей силой советской номенклатуры, которая господствует уже вместе с представителями капитала, олигархии и т.д.

Мне кажется, что до тех пор, пока мы не извлечем подлинные, глубинные уроки Первого съезда народных депутатов, то есть не представим его как событие, символизирующее систему на этапе ее деградации, ее увядания, — мы вряд ли сможем сделать что-то в сегодняшней действительности.

К.А. Страхов,

*историк, журналист, депутат Муниципального совета
Финляндского округа, Санкт-Петербург*

Мне очень приятно находиться сегодня здесь, потому что для историка это, конечно, редкая и счастливая возможность — видеть и слышать героев своих исследований. Не каждому такое счастье выпадает.

Вчера, накануне Круглого стола, Ольга Михайловна Здравомыслова сказала мне, что было бы хорошо услышать в дискуссии голос поколения, которое в 1989 году «было в бессознательном возрасте». Мне кажется, что это большое преувеличение. Действительно в 89-м году мне было 6 лет. И, тем не менее, я не соглашусь, что это время было для моего поколения несознательным.

Моё детство прошло в очередях — родители ставили меня в очередь за каким-нибудь фаршем, а сами бежали зани-

мать место в другой очереди — за молоком, капустой или школьной формой. С некоторым преувеличением можно сказать, что там, в этих очередях, и формировались мои политические взгляды и общественная активность.

Наверное, это тоже будет звучать странно, но это чистая правда: будучи первоклассниками, на переменах мы вместе с учительницей смотрели трансляции Съезда народных депутатов. И потом, после уроков, в этот самый съезд играли. Вот уж не знаю, какие вопросы мы там обсуждали, но отчётливо помню, что я очень хотел быть в этой игре депутатом Собчаком. Популярный в то время ленинградский лозунг «Я буду Собчаком» — был и моим лозунгом.

И поэтому я не согласен с Роем Александровичем, который сказал, что Собчак не справился со своей ролью. На мой взгляд, Собчак справился со своей исторической ролью. А вот роль, которую исполняют последующие губернаторы... Пока не понятно — историческая она или нет. Это тот самый водопровод, канализация. И теперь уже меньше, чем полтора миллиона пенсионеров...

Поскольку мне выпала ответственность выступать первым из исследователей, я обязан предложить определение и периодизацию событий, которые мы рассматриваем.

Современные историки отводят 26 марта, дню выборов народных депутатов СССР, ключевое значение в череде событий перестройки. Кто-то считает этот день, собственно, её сущностным началом, кто-то «началом конца». Исследователь А.Е. Волохов относит к этой дате старт «новейшей истории Коммунистической партии». А в недавно вышедшей монографии петербургского исследователя К.Э. Аксёнова высказана идея, что 26 марта 1989 года — «точная дата окончания перестройки». Он поясняет: «Население получило не «право», а возможность реально влиять на формирование властных элит. Реформирование политической системы вышло из-под контроля элит и приняло форму массовых политических процессов, под которые уже вынуждены были подстраиваться элиты для достижения своих целей». Похожие идеи высказывали и некоторые другие исследователи.

Итак, «точная дата окончания перестройки». Определение непривычное, спорное. Но, на мой взгляд, исключительно важное для того, чтобы попытаться осознать те процессы, которые связаны с подготовкой, проведением, а главное, историческими последствиями выборов 26 марта.

Что же это были за выборы? В литературе закрепилось определение «первые альтернативные». Чуть реже пишут: «демократические». Сегодня Михаил Сергеевич сказал — «свободные».

И если первое определение, в основном, не вызывает у меня возражений на фоне весьма короткой и печальной электоральной истории нашей страны, то второе — «демократические» — вызывает и вопросы, и сомнения. По большому счёту, избирательный закон 1989 года не был ни справедливым, ни демократичным. Формирование избирательных комиссий исполкома, выборы «по куриям» в общественных организациях, сито окружных предвыборных собраний, не прямые выборы Верховного Совета — всё это явления весьма сомнительной «демократической» ценности.

Однако в иссушенной, практически мертвой советской политической почве даже эти недемократические нормы сумели дать какие-то странные, удивительные демократические всходы.

Без сомнения, выборы народных депутатов 1989 года задумывались как *очень советские* выборы. Речь — и о риторике, тон которой был задан Михаилом Сергеевичем ещё в политическом докладе XXVII съезду партии в 1986 году — о «дальнейшем развитии социалистической демократии» и «живом творчестве трудящихся». И о методах, которые по началу не отличались от прежних — коллективы предприятий и организаций единодушно «называли своими кандидатами» высоких партийных руководителей.

Можно сказать и о том, что теперь бы назвали культурными маркёрами. Просмотрев списки избирательных округов в различных регионах Советского Союза, я с удивлением заметил: они были повсеместно составлены по алфавиту, и только «Ленинский» округ, если такой оказывался в области, неизменно указывался первым! Сначала — «Ленинский», потом ал-

фавит! При всём богатстве топонимики на выборах 1989 года был 41 территориальный и 25 национально-территориальных «Ленинских» округов, ещё 19 «Советских», 18 «Октябрьских» и 12 «Кировских». Даже по этому культурному контексту, — чувствуете, какие это были по-настоящему советские выборы!

Почему же им выпало стать поворотными в истории страны? На мой взгляд, потому что они сошлись в одной точке с очевидным кризисом некомпетентности партийной власти (прежде всего, местной и «отраслевой»), пробуждением принципиально новых общественных структур и отчаянным рывком наиболее ответственных и профессиональных средств массовой информации к свободе слова.

Тонкими штрихами это можно проиллюстрировать примерами из моего родного Ленинграда, где течение социальных процессов в период перестройки происходило очень быстро. В 1989 году замечательный ленинградский социолог Л.Е. Кесельман написал, что заметный подъём общей активности жителей города происходил «приливными волнами».

«В начале, весной, 1988 года «мелкая рябь» после трёх «нинандреевских недель», потом несколько более заметная майско-июньская волна активности, вызванная сюжетами выдвижения делегатов XIX партконференции. Осенью волна протестов против лимитов на подписку почти сразу переросла в ещё более высокую волну социальной активности ленинградцев, вызванную всенародным обсуждением проектов изменений Конституции и Закона о выборах народных депутатов СССР». Мёртвая, ороговевшая пропагандистская форма «всенародного обсуждения» неожиданно стала живой и вызвала мощный отклик общества.

Но «активность наиболее активных <граждан> быстро сменилась апатией после того, как все их попытки хоть как-то смягчить откровенно недемократические статьи поправок к Конституции СССР и закону о выборах народных депутатов... оказались тщетны... Формирование предвыборных окружных комиссий в Ленинграде прошло по старым привычным алгоритмам... Общественное движение, подавленное серией своих поражений, никак не среагировало на подготовительные

маневры административно-бюрократического аппарата, готовящегося к решающему закреплению своих позиций».

Но «беззастенчивый цинизм, с которым консервативные силы действовали через окружные комиссии,.. стимулировал такой подъём возмущения и политической активности..., который вовлёк в предвыборную, то есть по своей сути политическую борьбу уже сотни тысяч людей».

Что же это было за общество? Вопреки утверждению о «заговоре деструктивных сил», которым консерваторы предпочли объяснить своё поражение на выборах, это были обычные люди — самостоятельные политические, культурные, экологические объединения: Клуб друзей журнала «Огонёк», только что родившееся общество потребителей, стихийное движение за отмену лимитов на подписку и многие, многие другие. Люди, которые почувствовали себя гражданами.

Вал нарастал, и вот уже власть вынуждена ошибаться, сбиваться с ног, говорить то, что хотела бы скрыть. Накануне выборов кандидат в народные депутаты по Фрунзенскому округу Ленинграда, секретарь обкома КПСС А.М. Фатеев простодушно признаётся в интервью газете: «В эти дни я узнал о Фрунзенском районе больше, чем за годы работы в обкоме»... Удивительное признание руководителя города. Удивительное — согласитесь!

Как приговор — провальными для Смольного результаты выборов. А к ним — данные социологического опроса того же Л.Е. Кесельмана: 68% горожан считают исход выборов закономерным (среди членов партии таких голосов даже больше, — 70%), и 69% — что нынешний состав областного комитета партии не может справляться с ситуацией в городе.

Выборы 1989 года стали стартовой точкой для многих важных явлений в нашей жизни.

Это возрождение парламентаризма, свободы мысли и совести, многопартийность, это историческая роль Межрегиональной депутатской группы. Это рождение российской политической социологии. Это возрождение отечественных, в полном смысле этого понятия, «избирательных технологий». В том числе и административных. Так народный депутат СССР, главный редактор журнала «Аврора» Б.Н. Никольский вспоми-

нал, что накануне дня голосования по его округу разъезжала чёрная «Волга» с синей мигалкой, и из машины через мегафон раздавались призывы голосовать за его конкурента: «Он — единственный беспартийный кандидат!» «У большинства избирателей подобные действия не могли не вызвать усмешку, — пишет Б.Н. Никольский. — С каких это пор обладатели чёрных служебных «Волг» стали так высоко ценить беспартийность?»

Выборы 1989 года оказали огромное влияние на переоценку роли и функций народного депутата. За годы декоративного парламентаризма депутат стал восприниматься как ходатай по частным социальным и бытовым проблемам граждан. В 1989 году возобладал другой подход. Один из участников моих исследований, член бюро Ленинградского обкома партии В.П. Смирнов вспоминает: «Собчак говорил: “Депутат — это законодатель, он, грубо говоря, не сопли вытирает детям, а работает с законом”. Я впервые это услышал. Наверное, так оно и есть, но тогда мы были к этому не приучены». Пожалуй, впервые советские граждане задумались о роли закона и его влиянии на их жизнь.

И всё же своей главной исторической миссии ни выборы 1989 года, ни съезд народных депутатов не достигли — в нашей стране не установилась устойчивая электоральная традиция. Одна из очевидных причин этого (а есть, конечно, и другие) — то, что огромные надежды, возложенные обществом на выборы, на депутатов, на съезд — естественным образом не оправдались.

Не только потому, что избиратели и депутаты по большому счёту не могли дать правдоподобную оценку ситуации в стране (узнай они о событиях последующих двух лет, они наверняка бы не поверили и испугались). Не только потому, что имели мало представления о том, что необходимо делать.

События развивались много быстрее, чем протокольные процедуры съезда. И уже через два года форум, только что бывший в авангарде революционных изменений, как это ни печально, оказался мало кому интересен.

Петербургский историк Д.А. Коцюбинский, на мой взгляд, очень точно выразил общественное настроение весны 1989

года: «... подавляющее большинство как самих горожан, так и их политических вождей было настроено на борьбу с властным монополизмом КПСС и на радикальные демократические реформы. Однако <...> само собой разумеющимся считалось, что достаточно просто снять с университета имя Жданова и выселить райком партии из дворца Белосельских-Белозерских, а дальше «жизнь сама всё расставит на свои места». Казалось так. Но жизнь, к сожалению, по своим местам это все не расставила.

Ольга Михайловна не представила меня еще в одной роли. Тот избирательный участок, на котором я в свое время опускал бюллетень своей бабушки на выборах 89-го года, вот уже два срока является моим избирательным участком — тем, где люди избирают меня в Муниципальный совет нашего округа в Петербурге.

И поэтому я не могу не сказать о том, о чем Вы просили, Михаил Сергеевич. О том, что происходит сейчас.

В Советском Союзе не было выборов. Не просто потому, что голосование не было альтернативным. В конце концов, следуя старой шутке, во время сталинского голосования 1936 года в бюллетене было два кандидата... один — в Совет Союза, другой — в Совет Национальностей.

Родовая травма советских выборов — то, что они были насквозь фальшивыми.

Это были не выборы. Это было соревнование за 99,99 процентов голосов, которых тоже никогда не было. Результаты «рисовали», а райком партии просто не принимал с участка протокол, в котором не значились эти 99,9%. Даже если ни один человек не пришел на избирательный участок.

Вот и в 1984 году результаты выборов в предыдущий Верховный Совет СССР были опубликованы в прессе «в целом» по РСФСР с формулировкой: «за кандидатов в депутаты подано 99,91% голосов»!

В 1989 году наша избирательная система впервые вырвалась из этого порочного круга. Впервые появившиеся наблюдатели (или как тогда говорили — контролёры) на многих участках ожидали встретить бешенное сопротивление комиссий.

Но не встретили — члены комиссий сами симпатизировали альтернативным кандидатам, сами хотели перемен.

Как действующий депутат, который только что прошёл в своем округе тяжелую избирательную кампанию, могу сказать — мы пришли к тому, с чего начинали: наши выборы также во многом фальшивые. Это выборы, на которых избирательные комиссии не стесняются фальсифицировать результаты голосования: исправлять протоколы, вбрасывать бюллетени, менять списки избирателей. При уснувшем обществе выборы снова уже не просто регулируют командно-административными методами, выборы вновь фальсифицируют! Вроде бы много время прошло, а все равно «историческая память» проснулась. Здесь как в старом анекдоте — «А руки-то помнят...» Конечно, будет очень тяжело с этим бороться.

Работая над исследованием, я много встречался с участниками событий перестройки — и с теми, кто победил, и с теми, кто вроде бы потерпел тогда историческое поражение. Исследователь обязан быть беспристрастным, но я ведь отчетливо вижу — сейчас консерваторы пребывают в эйфории. Они уверены, что победили! Победили в историческом масштабе. Сдали на откуп народной вольнице пятнадцать лет перестройки и вернули события вспять. Об этом очень грустно говорить, но сегодня у них есть для этого основания.

Но как историк могу вам сказать: поэтому я и занимаюсь выборами 89-го года, что в этих событиях есть большой материал, большой опыт и большая надежда!

Мне было искренне приятно работать со многими народными депутатами, которых я интервьюировал, с участниками тех событий. Потому что большинство из них — это абсолютно искренние, честные люди, которые не шли за властью, а пытались сделать что-то, чтобы помочь своему городу, своей стране, людям, которые живут вокруг. На этих политиков, у которых не было ни капли цинизма, хочется быть похожим.

Я хочу сказать спасибо всем вам — тем, кто участвовал в событиях перестройки и дал пример для будущих поколений. Этот опыт, я уверен, обязательно будет востребован.

О.Г. Румянцев,

юрист, народный депутат РСФСР

Только случайность стала причиной того, что я не стал коллегой союзных депутатов, поскольку мы достигли тогда джентльменского соглашения с директором Института экономики мировой социалистической системы, академиком Богомоловым о том, что я, выдвигавшись тогда от этого пула общественно-ведческих институтов в районе метро Профсоюзная, воздержусь, с тем чтобы не мешать академику Богомолову, а пойду на российские выборы.

И тем не менее я считаю, что мы сегодня отмечаем 20-летие того огромного исторического шанса, который был перед Союзом, был перед Россией, был перед нашим народом, перед каждым из нас. И, наверное, урок, который можно вынести из всего случившегося, — то, что этот шанс был, наверное, не использован. А если использован, то, может быть, не совсем так, как хотелось бы.

Я согласен с Михаилом Сергеевичем, что это было время новых идей, время новых лиц. Это должно было стать временем новых институтов.

Я с удовольствием прочитал в 87-м году книгу Горбачева «Перестройка и новое мышление для страны и всего мира». Мои венгерские товарищи попросили сделать краткий конспект этой книги. Они хотели понять, что такое перестройка, для того, чтобы разослать книгу по всей Венгрии разослали в качестве агитпропа. Работая над конспектом книги Горбачева о новом мышлении, я понял, что действительно эти замечательные идеи должны быть оформлены в институты. Я согласен с Ф.М. Бурлацким — жаль, что победила концепция Лукьянова: «Съезд — Верховный Совет». Не самая лучшая была концепция. Я понимаю всю глубину мысли, что нам как некоему «полукитайскому» обществу нужен был обязательно какой-то «китайский» путь к демократии. Но народ почему-то не очень хотел мириться с китайским путем.

Слишком долго гражданская инициатива была закупорена, чтобы потом еще терпеть, когда система «Съезд — Верховный Совет» преобразуется во что-то более нормальное и эф-

фективное. И вот получилось: Съезд как Вече не сыграл свою роль.

Достаточно вспомнить, какие решения принимал Пятый съезд народных депутатов СССР в сентябре 91-го года, когда было полное безвластие на уровне и Союза, и Российской Федерации после августовских событий, после этой катастрофы. Потому-то оказались напрасны все мои попытки дозвониться тогда до Бурбулиса или до Ельцина и обсудить: когда и что должен делать Съезд народных депутатов РСФСР, если союзный съезд не созывается, если союзное руководство, фактически, отстранено от руководства страной, — Ельцин и Бурбулис праздновали победу, правда, не понятно какую.

Этот создавшийся тогда вакуум того периода продемонстрировал, что вечевая роль съезда столкнулась с его крайней неэффективностью. Мы все столкнулись с тем, что в новое время необходим новый эффективный менеджмент, а вечевая роль съезда, которой оказалось очень легко воспрепятствовать, используя власть, оказалась недоиспользованной.

Верховный Совет как парламент получился недопарламентом — вот почему за спинами тех, кто был на Съезде СССР, на Съезде РСФСР, готовился большой «хапок» теми, кто оказался «эффективным менеджером», эффективными собственниками, но при этом достаточно беспринципными людьми. И наших чувств по поводу демократии не разделяли.

Был осуществлен алчный большой хапок. И когда съезд как вече стал не нужен, то и парламент как законодательный орган тоже стал не нужным. Поэтому мы вышли в эпоху, совершенно дикую — в эпоху середины 90-х годов. Во многом это стало результатом, на мой взгляд, того, что выбранная модель оказалась не очень удачной.

Вспоминаю, как наши старшие товарищи — депутаты Съезда народных депутатов СССР — помогали нам готовиться к Первому съезду народных депутатов РСФСР. Съезд Российской Федерации во многом опирался на успехи и неудачи того, что происходило на Союзном съезде. Михаил Александрович Бочаров, который присутствует здесь тогда возглавлял Бутовский комбинат. Я помню, что его навыки управленца очень помогли нам подготовиться к Первому съезду Российской Фе-

дерации. И этот съезд был во многом гораздо более эффективным.

В чем был провал? — В том, что были рассогласованы концепция Союзного договора, концепция Союзной Конституции, если угодно, в виде Союзного договора, и концепция Конституционной реформы Российской Федерации. Андрей Дмитриевич Сахаров выдвинул на Первом съезде свой Декрет о власти. В дальнейшем, где-то в середине ноября 89-го года он обнародовал свой проект Конституции. В нем была сделана попытка увязать две линии: с одной стороны — политической реформы, реформы институтов власти и, с другой стороны, — реформы союзного устройства, создания нового федеративного Союза или, как потом говорил Михаил Сергеевич, конфедеративного государства.

В любом случае эта первая попытка с проектом Конституции Сахарова была очень интересной. Во многом это был проект с участием Галины Васильевны Старовойтовой. Это были те идеи, появление и обсуждение которых показывали, что мы мучительно начинали искать путь к новым эффективным институтам.

К сожалению, в дальнейшем Конституционная комиссия Союза так в итоге и не начала эффективную деятельность. Это очень печально. Академик Богомолов был тогда членом Конституционной комиссии Союза. Я даже давал туда свои экспертные заключения и разработки. Они были использованы Институтом государства и права. Опубликованы в журнале «Государство и право». Но наши ученые подошли к этому делу как «ученые». В первую очередь, передав свою концепцию Михаилу Сергеевичу в Конституционную комиссию, они опубликовали ее в журнале «Государство и право». Но этого было мало — надо было сделать так, чтобы заработала комиссия, созданная Союзным съездом для того, чтобы вести эффективную реформу. Конституционная комиссия Российской Федерации продолжила это, использовав многие из обсуждавшихся тогда идей.

Я хотел бы сказать: то, что у нас происходит сегодня, — это результат того, что нам не удалось создать институты, сделать так, чтобы работали институты, а не только личности.

Во время своего визита в Японию В.В.Путин отвечал японским СМИ — были поразительные размышления о том, как он и Медведев будут договариваться в отношении последовательности смены власти, кто кого будет менять. При этом такая «мелочь», как выбор народа, всенародное голосование, даже не упоминалась... К огромному сожалению, это наследие того, что институты не работают, как часы. Потому и первая поправка в Конституции у нас — о 12-ти годах президентства, а не о свободе слова, как это случилось 200 с лишним лет в США. Разные у нас «первые поправки»...

Поэтому соглашусь с Ю.Н. Афанасьевым в том, что проблема — в новом мышлении. Михаил Сергеевич Горбачев тогда своевременно обозначил это как главную, ключевую проблему. Но нового мышления не возникло.

Думаю, что съезд сыграл огромную роль в переходе к новой системе. Но цена, заплаченная за этот переход, оказалась слишком высокой.

В.А. Лисицкий,

депутат Первого съезда народных депутатов СССР, Киев

У меня — короткая реплика. Хотел бы напомнить, что в 87-м году были приняты первые серьезные постановления ЦК и Совмина об экономической реформе. Я, Михаил Сергеевич, тогда поверил в Вас.

1987, 1988 и 1989: все последующее происходило в обстановке надвигающейся экономической катастрофы. И когда мы говорим о моделях, которым надо было бы следовать, то нельзя не учитывать, что нетерпение населения очень быстро нарастало.

Гайдар в своей книге о реформах в России вспоминает выступление Н.И. Рыжкова в ноябре 1990 г. (это было одно из последних выступлений Николая Ивановича на съезде), когда он впервые сказал на весь Союз и на весь мир, что у нас дефицит платежного баланса составляет 35 миллиардов долларов. Гайдар напоминает, в связи с чем это произошло. Такое трогательное совпадение: как раз перед приходом Михаила Сергеевича во власть по-настоящему, мировые цены на нефть «почему-то» упали. Вот так как-то «сложилось» (я специально го-

ворю это с определенной долей ехидства). И, конечно же, то, что не удалось реализовать наиболее результативные пути создания современной эффективной демократии тогда, на мой взгляд, произошло в ситуации, когда нетерпение и недовольство масс резко выросли. Вспомните, что творилось в магазинах. Один мой знакомый прилетел из Западной Германии, зашел в магазин и говорит: «Как вы тут можете жить?». Это, конечно, нужно было учитывать.

Историки, политологи, все те, кто занимается изучением истории парламентаризма, должны были бы об этом помнить. Как и о том, что, фактически, развалился СЭВ. Венгры, как и все остальные, отказались от переводных рублей: раньше мы их переводными рублями кормили, а они нам давали продукты. Помню, я привозил из Москвы отличную венгерскую индюшку и югославский чернослив. А потом все это исчезло. И осталась колбаса с бумагой...

М.А. Бочаров,

депутат Первого съезда народных депутатов СССР

Во-первых, разрешите поздравить всех и прежде всего депутатов Первого съезда, и в отдельности Михаила Сергеевича Горбачева с юбилеем. 20 лет — это серьезная дата. Думаю, что сегодняшний парламент (я имею в виду Государственную Думу РФ) и власть в целом могли бы тоже отметить этот юбилей...

Произошел сдвиг в сознании масс, когда нас избирали не по партийному принципу. В Советском районе, где я баллотировался, я был не единственный кандидат в депутаты. Независимо от того, что хотел или не хотел горком партии, в тяжелейшей борьбе я набрал 72 процента. Не потому, что я был директором Бутовского комбината. До этого 17 лет я отработал в газовой промышленности, был первым заместителем генерального директора всесоюзного объединения. Проработал три года заместителем директора в институте «ВНИИГАЗ».

Съезд дал колоссальный толчок появлению новых людей — думающих, не занимавшихся никогда политикой. Если сегодня мы сравним состав Первого съезда и состав сегодняшней Государственной Думы, — это будет небо и земля — в пользу

Первого съезда. Мы не думали тогда о том, как бы урвать кусок из бюджетных денег, о том, как взять и приватизировать предприятия. Да, мы хотели свободы. Да, мы хотели реформ. Мы получили часть свободы. А реформы продолжаются до сих пор.

Давайте посмотрим, с чего мы начинали и к чему пришли за 20 лет? Невозможно сегодня говорить о съезде просто как о событии двадцатилетней давности. Съезд — это, в определенной степени, итог и сегодняшнего дня. Не забывайте, что фактически депутаты Первого съезда в основном формировали новую российскую идеологию и поддерживали на выборах в Верховный Совет народных депутатов Российской Федерации многих талантливых людей. До сих пор работает часть законов, в принятии которых участвовали депутаты Первого съезда.

Я хотел бы сказать о реформах. Прошло 20 лет: посмотрите данные 89-го года по любым показателям — в экономике, в демографии, в социальных проблемах. Да, в магазинах было плохо. Но если вы возьмете статистические данные, то поразитесь: никакого ухудшения в 89-м году ни в одной области не было. Напротив, до 90-го года происходил рост.

У меня на столе лежат документы за 18 лет реформ: с 1990 г. по 2008 г. Подведем итог.

Демография: за годы реформ потеряно 12,5 миллиона человек. Экономика: потеряно в среднем 80 процентов по всем отраслям (машиностроение, судостроение, авиастроение вообще, практически, нулевые).

Мы уже сегодня говорим о переговорах с МВФ и Всемирным банком о получении кредитов. Кончились деньги — колоссальные деньги, которые собрали для реформ. Пущены туда, куда их пускали в течение девяти лет власти Путина, то есть в карманы. Образование — стоит денег. Детское воспитание — стоит денег. Здравоохранение невозможно сегодня развивать без денег.

Мы не можем картошку свою вырастить. Мы зажигалку сделать не можем, а покупаем в Китае. Зайдите на «Горбушку». — 95 процентов товаров Китая, качественно сделаны, блестя-

ще сделаны. Вы что думаете? Мы как депутаты СССР все эти годы просто смотрели и ностальгировали по тем временам?

Все годы группа депутатов (я возглавляю эту группу) писали, пытались выступать. Сегодня нам не дают слова на телевидении. Пресса не всегда берет наши статьи. Персональные письма. Я уже не говорю про Ельцина, так как я с ним работал и первый ушел в отставку, но уже Путину писали десятки писем. Путину писали документы. Пытались обратить внимание. Да, Дэн Сяопин — великий человек. Китай пошел по абсолютно правильному пути. Не хотите Китай — возьмите Малайзию. Махатхир Махамат за 18 лет этих же реформ сделал из страны (Малайзии) игрушку. Мы писали, как работал Эрхард, что делал Рузвельт.

Мы брали все лучшее в мире. И при чем здесь, условно говоря, коммунисты, некоммунисты. То, что сегодня делается и на выборах. То, что сегодня посмотреть, — ведь самое главное — результат: человек лучше живет или хуже. Экономика лучше работает или хуже. Экономика плохо работает, нет внешней политики.

Сегодня у России нет друзей. Нет друзей даже из бывших (условно говоря) союзных республик. Почему? Да потому что так мы работаем. Потому что сегодня «Единая Россия» принимает законы, прежде всего для узкого круга людей. На страну «Единой России» наплевать. Больше того, сегодняшней парламент России — единственный в мире имеет такое количество миллиардеров и миллионеров! Я мог бы назвать десятки фамилий...

В заключение хочу еще раз сказать: это юбилей, и я еще раз поздравляю всех с этим большим серьезным праздником.

А.В. Шубин,
историк

Если мы посмотрим на съезд как на конкретно историческое явление, мы увидим, что он состоит из двух половинок. Одна половинка — это та конституционная конструкция, которая была создана в конце 88-го года, и та драма, которая происходила на арене у микрофона. Вторая половинка — это то, что происходило за окнами.

И мы увидим, что это половинки с совершенно разными смыслами. Первая половинка авторитарна. Когда Михаила Сергеевича обвиняют в том, что он разнуздал демократию, я всегда его защищаю. Михаил Сергеевич умел быть авторитарным. И конституционные реформы 88-го года авторитарны. Об этом здесь сегодня уже говорилось.

Самое авторитарное в реформе 1988 г. — избирательные комиссии могли за избирателей решать, кто будет баллотироваться, а кто нет. Конечно, это были валы на пути протестного движения. Отсюда первый урок для тех, кто такие же валы выстраивает сегодня. Выстраивает вал на пути цунами — цунами будет выше и мощнее. В зале парламента у вас послушное большинство — тогда за окнами у оппозиции все получится хорошо.

Мы в душе аплодировали этой авторитарной реформе, хотя публично выступали против нее. Когда я говорю «мы», то имею в виду оппозиционное неформальное движение, в котором участвовал. Мы летом 1988 г. завидовали прибалтам с их десятками тысяч людей на митингах. Мы выводили на улицу только до десяти тысяч человек примерно. Но после этой реформы мы поняли: вот сейчас сотни тысяч пойдут. И они пошли. И это естественно.

Если говорить о ситуации в зале заседаний, то я должен сделать комплимент Михаилу Сергеевичу. Он осуществил вместе с Лукьяновым идеальную реформу, обеспечившую политический баланс. Если бы была принята система прямых выборов в парламент (она, кстати, существовала в брежневской Конституции, ничего тут даже менять было не нужно), в парламент сначала попало бы десять демократов. И они бы не переломили моральный номенклатурный климат. Они бы не «потянули» то грандиозное шоу, которое мы наблюдали по телевизору на Первом съезде. В случае прямых выборов по гигантским избирательным округам в условиях административного ресурса начала 1989 г. «профессиональный» парламент стал бы дубликатом ЦК и все.

Но приоткрыт фильтрованный проход к трибуне для «своих демократов». Для демократов, которыми Михаил Сергеевич блестяще дирижировал. Отсюда их нынешнее разоча-

рование, которое мы сегодня слышим. Им обидно, что тогда они были частью системы. Но не были бы частью — не попали бы в лидеры МДГ. Горбачев регулируемо кидал их в атаку на послушно-агрессивное большинство, которое бесилось и становилось от этого все более агрессивным, все менее, правда, послушным. Но обороняющимся. Михаил Сергеевич застраховал себя от судьбы Хрущева, которого ЦК снял с должности. Эта задача была решена.

Это была игра в социальный Чернобыль — можно было поднимать и опускать «регулирующие стрелки», пока их не заклинило от роста социальной температуры на улице, за окнами.

А на митинги в эти дни пошли сотни тысяч. Ими двигало возмущение против номенклатурного произвола на съезде и... интерес к мегазвездам.

Как создается мегазвезда? Сегодня мы с вами это знаем. Тогда мы только пробовали практиковать. Если человек все время говорит, говорит, говорит одно и то же, его авторитет и интерес к нему падают. Это, кстати, беда была, Михаил Сергеевич, и у Вас. В 1989–1990 гг. чем больше вас видели в телевизоре, тем больше усиливалось разочарование.

А если человек что-то яркое быстро сказал на съезде, не договорил, его заткнули регламентом и криками из зала. И это показали по ТВ (супер-раскрутка). Интерес огромный. Дайте ему трибуну, мы ее огородим своими анархистами и мемориальцами, и люди, увлеченные в этот момент политикой, поиском пути перемен, пойдут, как на концерт мегазвезды.

И, конечно, никакой Пугачевой та популярность не снилась, какая была у депутатов. Ведь они говорили о судьбе страны в момент, когда решалась ее судьба, когда от людей действительно многое зависело, и, в том числе, их собственная судьба.

Вещи, которые говорили ораторы в Лужниках — и депутаты, и видные «прорабы перестройки», и неформалы (и я там был, мед-пиво пил), — в большинстве своем были не оригинальны. Но это была программа, к которой склонялась активная часть населения. Кстати, по своему характеру она еще была вполне в русле демократического социализма. Самоуправ-

ление — предприятиям (не частная собственность, заметьте), власть — Советам, а не каким-то мэрам.

Гражданское общество стало политическим фактором. Оно, вопреки расчетам конструкторов съезда, резко усилило оппозицию.

И если бы в этот момент начался реальный диалог гражданского движения и власти, которая тогда выступала за демократический социализм, возможно, путь страны был бы другим.

Хотя это были и не свободные, но это были первые полусоветские выборы. Предыдущие советскими не были вообще. Там «советским» был только фасад.

И следующие выборы были действительно свободными, они передали власть представительным органам, которые назывались Советами и, возможно, в случае дальнейшего развития демократической тенденции, могли бы стать ими на деле. У нас в стране были одни свободные выборы — в 1990 году. Это действительно был момент истины.

Конечно, сегодня можно говорить, что люди и в стране, и на трибунах, и в парламентах были негодные, неопытные, часто — корыстные. Хотя я не уверен, что в такой ситуации опытные люди лучше — очень опытных я в таких ситуациях боюсь. Опытность во власти способствует корысти. «Хапок» 90-х гг. совершили те, кто считали себя опытными, эффективными собственниками. Результат налицо. Но в смысле технологии власти и аппаратных игр там, конечно, опытных людей было достаточно много.

Люди есть люди, со всеми их недостатками, и на то демократия, чтобы они могли воздействовать на власть в своих, а не в ее интересах.

Теперь надо ставить троеточие, чтобы было о чем поговорить на следующих юбилеях. В 1989 — начале 1990 г. мы одержали общую победу над угрозой реставрации. Но мы не смогли добиться прорыва в будущее, в 1990–1991 гг. Перестройка потерпела поражение, и страна, распавшись, стала деградировать — прошла просто другой, капиталистической дорогой. Это интереснейшая проблема — почему. Почему не состоялся союз реформаторов и гражданского общества на поч-

ве демократического социализма, за который выступали и те, и другие? Почему так сложилась судьба Союза, и была ли альтернатива его распаду? Проиграли мы «холодную войну», или она кончилась вничью миром? Грядут новые юбилеи.

Тем не менее хотелось бы напоследок сделать одно методологическое замечание. У нас принято отождествлять Перестройку (включая демонтаж коммунистического режима, в котором я не вижу ничего плохого) и распад СССР, шоковую терапию и те события истории РФ 90-х гг., которые потом создали вот то, что мы сейчас имеем. Я призываю как историк понимать и не упускать из виду — это два разных исторических явления. Шоковая терапия и распад СССР — это результат поражения Перестройки.

Мы должны винить, конечно, нас всех — участников Перестройки как виновников этого поражения. Мы не справились. Мы в разной степени ответственны за это. Но все-таки это поражение тех принципов, которые закрепил Первый съезд. И нам тогда многие эти принципы казались достойной целью для общества.

А потом Перестройка была предана своими прорабами — эффективными собственниками. Этого-то мы не учли. Мы давили на стену, а, оказывается, ее демонтировали с той стороны сторонники самого дикого капитализма. И стена рухнула, баланс нарушился, фигуры смешались на доске.

Сейчас для тех, кто признает свою долю ответственности (а остальные могут гордиться собой), я думаю, долг — восстанавливать те культурные связи, которые сохраняются на постсоветском пространстве, возвращаться к тем целям, которые все равно придется решать, если мы хотим остановить деградацию. Идеи демократического социализма в период кризиса, как никогда, актуальны. Нам нужно доделать то, что не смогла сделать перестройка. И только тогда мы сможем шагнуть в XXI век. Советский Союз исчез, а советские люди остались.

Н. П. Шмелев,

академик РАН, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

В последнее время мне часто попадаются «произведения» с набором проклятий и в адрес Горбачева, и в адрес перестройки. Хочется сказать: «Господа большевики, перестройка произошла в качестве расплаты за вашу тупость и за полную потерю вами инстинкта самосохранения. Некого винить. Вы потеряли чувство меры и чувство реальности. И сами подвели к этому.»

Я просто напомним. Нефтяной бум: с 73 года по 84-й страна заработала около 200 миллиардов долларов. Куда они пошли? Их попросту растранили без всякого смысла на СС-20, никому не нужные, на помощь ангольским войскам, на попытки достичь недостижимого ракетного и прочего паритета.

И, наконец, как вершина этой потери чувства реальности, вершина глупости — Афганистан, с которого все началось. Я считаю, что это был отправной момент для того, что произошло дальше — и афганская война началась в условиях и дефицита, и очередей, и отсутствия, вернее, почти отсутствия технического прогресса. Это, конечно, накаляло обстановку.

И, конечно, масштабы лжи — лжи и официальной, и неофициальной. Море лжи вокруг. Все это, конечно, подводило к тому, что, во-первых, перестройка обязана была быть. Во-вторых, нам повезло, что нашелся человек, который взял на себя ответственность, не испугался и камень этот с горы столкнул.

Я высоко ценю Первый съезд. Моя покойная жена как-то выразилась: «Ваш Первый съезд по сравнению с нынешним парламентом — это палата лордов». Я присоединяюсь к мнению о том, что калибр людей был тогда другой. Я бы не хотел даже пытаться дать полную картину того, почему хорошая мысль, хорошая конструкция, хорошая конституция все-таки не пробились. Но несколько важных моментов я бы все-таки отметил.

Я глубоко убежден в том, что насилие — зло. Но я убежден также, что если бы в 88-ом году на фонарях человек 20 в Сумгаите повесили, очень все по-другому пошло бы. Очень по-другому. А что же закрывать глаза на еще один всем известный

факт? Если бы в декабре 91-го года либо Псковскую десантную дивизию подняли, либо приказ Белорусскому округу отдали — вся эта кампания из трех пьяных мужиков была бы нейтрализована. На том бы все и закончилось.

Ну, а так получилось, как Блок когда-то говорил... Ведь не один Виктор Степанович у нас Златоуст. И другие были. Это знаменитые блоковские стихи: «В белом венчике из роз, впереди Иисус Христос». Но у нас два Христа были — Михаил Сергеевич Горбачев и покойный Андрей Дмитриевич Сахаров.

Но ведь дальше как это у Блока продолжается? «Запирайте этажи, нынче будут грабежи». Как всегда: идет впереди в белом венчике из роз кто-то, а затем толпа с кистенями в руках. И эта толпа-таки пришла.

Анализировать не хочу 90-е годы, да и 2000-е — тоже. Но наворотили столько дел под прикрытием святых слов, что как страна устояла, как она выдержала — тоже ведь загадка. Но каким-то образом, хотя и покореженная, и покалеченная, но она выжила. Это тоже мы должны признать.

И, кстати, здесь тревожились, что со свободой стало совсем плохо. Да, конечно, постепенно режим «демократического цезаризма» делается все гуще и гуще. Но все же я надеюсь, что до конца-то моей жизни (не так много осталось) не успеют возродить в обществе тот страх, который был поголовно (я подчеркиваю — поголовно) главным чувством советского человека даже нашего поколения. И у предыдущих двух поколений основное чувство было — страх.

И вот он куда-то исчез. И хочется думать, что при всем этом жиме, который мы наблюдаем, возродить страх уже не удастся. И в этом колоссальное значение перестройки — в том, что от того времени, от того Первого съезда в том числе, страх в людях стало исчезать.

Я даже по-другому бы сказал. Вот если бы до 89-го года кому-нибудь из вас постучали бы в дверь ночью, какая была бы ваша реакция? Любая, кроме удивления. Проклятья, слезы, все, что угодно, но никто бы не удивился, не было бы такого.

Конечно, ошибок было сделано много. И страх стал исчезать очень и очень медленно, и далеко не сразу в перестройку поверили.

Насчет будущего. Мне кажется, что нам пора отходить от планирования нашей жизни и от рассуждений в привычных терминах — ВВП, темпы роста, сколько процентов и т.д. (Кстати, кто надоумил нашего Премьера, что к 2020 году он в 4,5 раза производительность труда поднимет? Откуда это?)

Нужен иной метод решения государственных проблем, который вписывался бы и в новое мышление. Нужно планирование будущего по угрозам, по реальным угрозам, которые стоят перед нашей страной, когда еще нет твердых гарантий ее существования. Я бы просто прямо на ходу перечислил такие национальные угрозы: первое — конечно, вымирание страны. Кстати, не 12 миллионов, а 22 убыло с начала 90-х: 18 миллионов родилось, 40 умерло за это время.

Второе. Угроза отпадения, реальная угроза отпадения Восточной Сибири и Дальнего Востока, При большевиках, как известно, не особенно продолжалась политика заселения. Лагерь не были заселением этих районов. Но и в новые времена там отток населения порядка 2-3 млн. (есть оценки — 5 млн.) за эти годы. Подчеркиваю: не прибыль, а убыль населения. И в то же время экономически эти регионы все больше и больше втягиваются в русло азиатско-тихоокеанской экономики.

Я бы еще упомянул третью национальную угрозу. Что мы будем делать с промышленным потенциалом, который 70 лет создавали? Он почти лежит. Ему осталось еще максимум 10 лет. А мы за последние два десятилетия построили только один комплекс на Сахалине. Больше ничего 20 лет не строили. Никакой дороги не построили — ни железной, ни автомобильной, ни заводов никаких. Сколько еще оборудования при том возрасте, в каком оно сейчас находится (25 лет, по-моему, средний возраст оборудования), продержится? Лет 10 еще...

Еще угроза — наше сельское хозяйство. Не вам доказывать, что происходит. Это корень жизни во всем мире. Думаете, японцы рис у себя сеют потому, что это выгодно? Да это невыгодно! А только потому сеют, что на этом рисе вся национальная культура держится и жизнь держится. А если все безрезультатно зарастает и пустеет, то сам корень жизни исчезает.

Думаю, национальная угроза также — втянут-таки нас опять в паритет. Это очень страшно, потому что уже силенок

никаких нет — ни материальных, ни технических. Мы паритета не вытянем. Нам бы занять позицию генерала де Голля: «Я Советский Союз, победить, конечно, не смогу, но десяток уничтоженных городов я ему обещаю при любом раскладе». И ему хватило четырех подводных лодок для этой концепции! Только бы не дать нас втянуть в гонку за паритетность — это задача из задач сегодня перед страной.

И последнее — это угроза умственно-духовного, нравственного вырождения страны. Для компенсации ущерба, который политика 90-х и 2000-х годов нанесла умственному потенциалу страны, если даже с завтрашнего дня начнем все по разуму делать, — нужно два-три поколения. Мы восстановим свой научный и образовательный потенциал не раньше, чем через 2–3 поколения: иллюзий быть не может в этом.

А про коррупцию и духовное одичание — просто не буду говорить. Хотя что касается коррупции — сошлюсь на некоторые оценки. Такой трезвый человек, как Примаков, оценивает масштаб откатов в России примерно в 50 процентов валового продукта. (Это то, что через каналы отката движется.) С тоской вспоминаешь советские времена, когда такие же оценки делались (и я принимал в этом участие), когда получалось, что в Советском Союзе разворовывалось 12–13 процентов национального дохода. Хорошо бы вернуться к тому уровню: может быть, коррупции поменьше все-таки будет.

Заканчивая, я хотел бы сказать несколько слов о социал-демократии. Может быть, это иллюзия, но одна из последних моих иллюзий: все-таки есть будущее у социал-демократии, будущее у России. Это единственно правильный путь, та самая золотая середина, которую мы весь XX век искали и так и не смогли найти — либо один край, либо другой край.

Если удастся все-таки возродить серьезное социал-демократическое движение, может быть, это будет одна из возможностей нашего выхода из глубокого исторического тупика, в котором мы оказались.

Е.Н. Струкова,
историк

По логике сегодняшней дискуссии, мое выступление завершает ее историческую часть. 20-летний юбилей событий, который мы отмечаем, проходит достаточно тихо и незаметно. Это вовсе не потому, что не пройдена некая хронологическая дистанция, отделяющая исследователя от событий.

Двадцать лет, согласитесь, — это достаточный срок для того, чтобы оценить и переосмыслить события. Как это ни парадоксально, сейчас общество не готово дать оценку событиям, которые происходили у истоков становления нашего государства. Но, видимо, настало то время, когда в этом есть настоящая потребность.

Мне очень понравился тезис, что 89-й год стал концом перестройки. Может быть, он в какой-то мере и стал неким завершающим этапом в перестройке, но, во всяком случае, именно с 89-го года берут начало массовые общественные движения в Советском Союзе. Они начинаются с выборов народных депутатов СССР. Открытость этих массовых движений подтверждается громадным комплексом исторических документов и материалов, отложившихся в российских и зарубежных архивах. В первую очередь и в нашей Государственной публичной исторической библиотеке, и в библиотеке общества «Мемориал».

В отличие от официальных документов, которые сейчас не разобраны в государственных архивах, эти документы общественных движений в Исторической библиотеке доступны для исследователей.

В первую очередь речь идет о периодической печати общественных неформальных объединений, количество наименований которой в 1989 г. приближалось к 2000. Естественно, это неоднородный материал. Среди этих изданий есть газеты-однодневки, есть периодическая печать, которая издавалась достаточно стабильно.

Среди политической многоголосицы достаточно весомое место занимают издания клубов и объединений избирателей, такие как «Хроника», «Голос избирателя», «Доверие», «Позиция» «Репортер» и другие.

Безусловно, в этой печати нашли отражение сюжеты, связанные с Первым съездом народных депутатов.

В марте 1989 г. в Москве в поддержку опального секретаря МГК КПСС Б.Ельцина стихийно возникают инициативные группы. Выходит первый номер бюллетеня Московского городского комитета избирателей «Хроника». Собственно, это даже листовка, 1 страница, формата А4, отпечатанная на пишущей машинке. В конце листовки сообщалось, что редакция «приносит свои извинения читателям за допущенные опечатки, за некоторую небрежность, вызванные неукомплектованностью штата квалифицированными машинистками, редакторами, а также необходимостью немедленного доведения информации до избирателей». Что же нужно было оперативно донести до избирателей? Сообщения о препятствиях, чинимых инициативным группам в поддержку Ельцина. Выглядело это так: «На участке таком-то, Мария Михайловна — фамилию отказалась назвать... — запретила вывешивать агитплакаты кандидата Ельцина и сорвала вывешенные после ухода представителей МГК избирателей».

«Хроника» и многие другие газеты на протяжении последующего времени работы съезда поддерживали народных депутатов. Но в первую очередь именно личности, а не их программы. Так, много внимания уделялось «народным следователям» Т.Гдлянчу и В.Иванову.

Фактически первые программы, которые присутствуют в независимой печати — это документы Межрегиональной депутатской группы, и декрет о власти А.Д. Сахарова. Заключительную речь А.Д. Сахарова на Съезде народных депутатов напечатали многие неформальные издания.

На нашем заседании фактически не было никаких дискуссий и не ставилась проблема, связанная с деятельностью депутатов из Прибалтики.

Между тем и народные депутаты из Прибалтики, и издания Народных фронтов республик оказали достаточно большое влияние на последующий ход событий в СССР.

В частности, газета Народного фронта Латвии «Атмода» освещала все события, связанные и с выборами, и со Съездом народных депутатов. «Подпись за Ельцина сыграла опре-

деленную роль в победе на выборах таких людей, как профессор Емельянов, Заславской, Крайко, в выходе во второй тур Станкевича» — писала газета в те дни. Нам интересен автор этой статьи — будущий национал-большевик, известный как Абель, а в те годы независимый журналист В. Линдерман. Далее автор пишет: «Вообще надо сказать, что если в Балтии национальная проблематика основательно потеснила вопрос о спецпайках и спецбольницах, то в Москве просто нельзя не почувствовать клокочущие антиноменклатурные настроения, чем, видимо, в значительной степени и объясняется феномен Ельцина».

Нужно сказать, что не все бывшие неформалы были едины в поддержке избирательной кампании и активно в ней участвовали. В частности, одна из наиболее известных организаций периода перестройки — партия «Демократический союз» — объявила выборам бойкот. А главный редактор другого правозащитного бюллетеня «Экспресс-хроника» А. Подрабинек писал: «Выборы бывают только свободные. Сегодня мы в нашей стране их не имеем».

Общественное движение 1989 г. наполовину вышедшее из недавних неформалов, наполовину из присоединившихся к ним на волне выборов активистов, в том числе и случайных людей, было разнородным, сказывалось отсутствие общей программы, и, пожалуй, единственное что объединяло всех, — «антиноменклатурные настроения».

Газета «Атмода» напечатала репортаж о встрече А.Д.Сахарова с депутатами Прибалтики перед началом съезда, на которой участники так сформулировали проблемы, решения которых ждут от съезда: «Первый круг — экономика, экология социальные проблемы, второе — национальные. Третье — вопрос о доверии власти».

Именно доверие людей к власти в этот момент было утрачено, и в обществе преобладающими стали «антиноменклатурные настроения», а не стремление к демократическим преобразованиям.

В.А. Медведев,

член-корреспондент РАН, советник Президента СССР

Мы сейчас с Роем Александровичем сидим рядом — так же, как на заседаниях Съезда народных депутатов. Вначале места для «руководителей партии и правительства» были определены в первом ряду зала, но потом по требованию депутатов и под давлением общественности нас всех разместили по алфавиту в зале. Помню, как кто-то, проходя мимо нас, заметил: «О, Медведевых целый рой!». Этот рой и сегодня не убывает.

Я подготовил довольно пространное выступление. Но чувствую, что от него придется отказаться. Ограничусь отдельными соображениями и замечаниями с учетом того обсуждения, которое здесь развернулось.

Согласен, конечно, с самой высокой оценкой исторической роли Первого съезда народных депутатов. Это действительно было поворотное событие в развитии страны, проведенное с беспрецедентной гласностью и приковавшее к себе огромное внимание в стране и международном сообществе. И он оправдал вызванные в обществе ожидания, приняв высшее государственное решение о коренной перестройке общественно-политических порядков в стране.

Статья 6 Конституции тогда затронута не была, но основным документ съезда — Декларация (я был председателем Редакционной комиссии съезда и докладывал этот документ съезду) начиналась следующими словами: «Съезд народных депутатов берет на себя всю полноту государственной власти в стране». Эта фраза, так же, как и Декларация в целом, не была заранее заготовлена: она родилась в стенах самого съезда, отвечала на те вопросы, которые прямо или косвенно звучали в дискуссии на съезде. В своем заключительном выступлении академик Сахаров предложил принять специальную декларацию о переходе всей власти в руки съезда. Но в этом не было никакой необходимости, ибо она содержалась в уже принятом основном документе.

Нельзя не подчеркнуть, что принятие власти съездом не было пустой декларацией. Оно подтверждено всей работой съезда, горячей дискуссией по коренным вопросам внутренней и внешней политики. Напомню о том, что съезд сформир-

ровал политическое руководство страны: образовал Верховный Совет СССР, альтернативным голосованием избрал Председателя Верховного Совета, назначил Председателя Совета Министров, а Верховный Совет персональным голосованием утвердил состав правительства, причем трое из кандидатур министров, рекомендованных в ЦК КПСС, были отвергнуты.

Все это говорит о выдающемся историческом значении съезда. Но вместе с тем я хотел бы подчеркнуть, что Первый съезд не был «громом среди ясного неба» или «лучом света в абсолютной темноте». Его следует рассматривать в общем историческом контексте перестройки и демократизации, глубоких перемен в советском обществе — его экономике, духовно-идеологической сфере, внешней политике. Что касается модели политического переустройства общества, то она за год до этого была рассмотрена и одобрена XIX партийной конференцией.

Мне привелось участвовать в ее подготовке. Не могу не возразить тем выступавшим сегодня ораторам, которые утверждали, что автором модели Съезда народных депутатов был Лукьянов. Она взята из нашего исторического опыта. Уж если кто и автор, так это Ленин, увидевший в Советах зародыш революционной власти и провозгласивший советскую власть на Втором съезде Советов. Восстановить ленинскую традицию съездов Советов с учетом новых условий и предложил Горбачев. При чем тут Лукьянов? Откровенно говоря, я не был уверен в правильности такого решения и высказывался за парламентскую или президентскую республику. Но потом убедился, что эта модель отвечала переживаемому моменту. Ведь, помните, тогда речь шла о том, что перестройка — это революция, которая всколыхнула народ. Нужен какой-то формат для народовластия. Потому и обратились к опыту съездов Советов, рожденному российской революцией.

Перестройка политической системы началась почти на год раньше с ее ядра — партии, с освобождения ее от властных функций, непосредственного управления политическими, экономическими и социально-культурными процессами. В Центральном Комитете, например, были упразднены все отраслевые отделы, кроме аграрного, а их число сократилось с

20 до 8-ми. (а что такое отдел ЦК, я думаю, многие хорошо представляют).

Секретариат перестал вмешиваться в текущую деятельность госорганов, регулярно заседать и устраивать разносы их руководителям. Были созданы пять комиссий ЦК во главе с членами Политбюро по основным направлениям политики партии — из членов ЦК и кандидатов в члены ЦК.

Перестройка политической системы, находившаяся в центре внимания Первого съезда народных депутатов, не может рассматриваться и вне связи с изменениями в других сферах жизни общества. К этому времени глубокие перемены развернулись в сфере общественного сознания, идеологии и культуры. Знаковыми событиями здесь стали:

- публикация ранее запрещенных книг, показ фильмов, лежавших на полках;
- переоценка исторических событий последних десятилетий в стране;
- массовая реабилитация жертв сталинско-бериевских репрессий;
- возвращение из ссылки Сахарова;
- появление в СМИ критически настроенных изданий, программ ТВ, журналистов и публицистов;
- фактическое свертывание цензуры, существовавшей под ширмой охраны государственных тайн в СМИ.

Я вспоминаю, что одной из первых моих акций в качестве Секретаря ЦК по идеологии было предложение в Политбюро об отмене Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Конечно, такая отмена носила символический характер — ведь что было, то было: слова из песни не выкинешь. Но все же пошли на такое решение, чтобы отмежеваться от тоталитарного прошлого.

В целом же, я думаю, перемены в духовно-идеологической сфере были наиболее адекватны перестройке политической системы, или, наоборот, политическая реформа наиболее созвучна обновляемой идеологии. Вместе с тем этого нельзя сказать об изменениях в экономической системе. Программа кардинальной экономической реформы была одобрена почти за два года до Первого съезда народных депутатов — на ап-

рельском Пленуме ЦК КПСС 1987 года. Она предусматривала переход от сверхцентрализованной, командной экономики к планово-рыночной, превращение госпредприятий в реальные субъекты рыночных отношений, развитие аренды, кооперации индивидуальной трудовой деятельности.

Как участник ее разработки могу засвидетельствовать, что она протекала в острой полемике с руководством правительства и Госплана, с попытками с их стороны под новыми терминами сохранить старую систему. Отсюда — компромиссность, непоследовательность некоторых решений.

Реформа 1987 года дала определенный положительный эффект. 1988 год оказался в экономическом отношении лучшим, чем все предыдущие и последующие годы перестройки. Национальный доход вырос на 4,4%, а производство потребительских благ и услуг — на 5,5% против 1–2% в предшествовавшие годы, не говоря о последующих.

Но в то же время после пленума со стороны хозяйственных органов разного уровня постепенно, но неуклонно, стала нарастать тактика сопротивления и проволочек в реализации экономической реформы. Это и навязывание контрольных цифр, спускаемых сверху как обязательных, и стремление втиснуть в госзаказ максимум выпускаемой продукции, сохранить систему материально-технического снабжения вместо расширения свободной купли-продажи средств производства. И, пожалуй, самое главное — оттягивание реформы цен и ценообразования, без которой переход к новому хозяйственному механизму был немислим.

И получилось так: старые инструменты экономического регулирования отпали или ослабли, а новые не заработали. Это относится к таким важным для стабильности рынка проблемам, как соотношение роста производительности труда и зарплаты, а также перетока безналичного оборота денег в наличный. В результате с конца 1988 — начала 1989 годов на потребительском рынке стала нарастать разбалансированность. При рекордном в 1988 году приросте потребления товаров и услуг на душу населения в 4,3% денежные доходы выросли на 9,2%. А в 1989 году эти цифры составили уже 5 и 13,1%¹.

¹ Народное хозяйство СССР в 1989 г. М. «Финансы и статистика», 1990 г., с. 8.

Как шутили тогда остряки: полки магазинов пустые, а домашние холодильники забиты продуктами. Возникли перебои в торговле мясом и маслом. Периодически исчезали с прилавков то колготки, то стиральный порошок.

Мне иногда удавалось возвращаться с работы домой пешком по старому Арбату. Смысл одной из частушек уличных певцов был такой: «Где мыло, стиральные порошки? — Все они ушли на отмывание КПСС».

М.С. Горбачев

Ты сказал: было выпущено много денег. Но ведь не так просто с бухты-барахты — взяли и выпустили. А на самом деле ты главного не сказал, и мне приходится добавлять: 6 млрд. пошло на повышение зарплаты учителям, 5 млрд. — медикам. И, наконец, — пенсионная реформа. У нас же не было нормальных пенсий. Как Бог на душу положит — так и платили. Впервые приняли Закон о пенсиях. Он стоил нам 45 миллиардов рублей. У нас был разрыв между товарной массой и денежной массой и до того — где-то 70 млрд. да плюс еще эти 70. И началось.

В.А. Медведев

Михаил Сергеевич, я говорил не о социальных расходах, а о доходах работающих в экономике и связи их с производительностью труда. За это должно было отвечать правительство и, прежде всего, его глава.

М.С. Горбачев

Правительством у нас было Политбюро. И ты был его членом. А я, между прочим, руководил этим Политбюро. Вот и все.

В.А. Медведев

Я и не снимаю с себя ответственности. Но перед Политбюро каждый, прежде всего, отвечал за свое...

Конечно, справедливости ради, нельзя не сказать и об объективных причинах нарастающих финансово-экономичес-

ких трудностей страны. В немалой степени они порождены трехкратным снижением мировых цен на нефть в первой половине 80-ых годов. Потери от него до поры до времени в какой-то мере компенсировались увеличением добычи нефти. Ее пик приходится также на 1988 год, после чего кривая пошла вниз. Но это уже тема для другого разговора.

Одно можно сказать: усложнение экономической обстановки, какими бы причинами оно ни вызывалось, не могло не отразиться на атмосфере, в которой происходил съезд. По моему мнению, и в дальнейшем при всей взаимосвязи различных сторон и факторов общественной жизни наибольшее негативное влияние на развитие ситуации в нашем обществе и на судьбы перестройки оказали социально-экономические проблемы.

А.В. Яблоков,

эколог, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

После многих емких выступлений выступать, с одной стороны, трудно, а с другой стороны, хорошо, потому что многие оценки Съезда, точные и яркие сравнения уже сделаны, они созвучны моим представлениям и нет смысла их повторять.

Съезд, конечно, был результатом целого ряда процессов. Это были процессы, которые начались, как мне видится, примерно с 1987 года, и привели к невероятно быстрому развитию СССР и всей «советской империи» не по линии строительства коммунизма, скажем так.

Причин для такого быстрого развития страны было немало, о них уже говорилось — это и социально-экономические, и идеологические проблемы. Я вижу еще одну причину — Чернобыль. Через работы по минимизации Чернобыльской катастрофы прошел почти миллион человек. В СССР вся Белоруссия, половина Украины, 19 областей и республик России, Молдова, Латвия, Литва и Эстония были поражены радиоактивными осадками. Сильно загрязненными оказались части Восточной Германии, Польши, Болгарии, в меньшей степени — Чехословакии и Румынии. Жизнь 5–6% взрослого населения СССР оказалась разделенной на «до» и «после» Чернобы-

ля. По масштабу это сопоставимо с периодом сталинского террора и войной 1941–1945 гг. Стихийно и повсеместно возникшие общественные объединения ликвидаторов, не сознавая того, стали огромной политической силой, выпадающей из (и объективно действующей против) официальной идеологии. Технологически Чернобыль был не случайным — атомная промышленность шла к этому, и рано или поздно подобное должно было состояться. Чернобыль напряг и без того находившуюся в катастрофическом состоянии экономику. Михаил Сергеевич в одном из выступлений сказал: с Чернобыля начался развал Советского Союза. И я с этим согласен. После Чернобыля Советский Союз было невозможно сохранить! Считать, что СССР погубили три человека в Беловежской Пуще, — несерьезно. Я считаю, что крест на СССР был поставлен референдумом на Украине («нет» сохранению Украины в составе Советского Союза). А главным лозунгом украинского референдума был: «Не хотим жить с москалями, которые сделали нам Чернобыль».

М.С. Горбачев

И еще потому, что «они забирают у нас всю колбасу».

А.В. Яблоков

В этом невероятно быстром политическом развитии СССР в 1987–1989 годах трудно преуменьшить личную роль Михаила Сергеевича Горбачева. Если бы на месте Михаила Сергеевича был любой другой член Политбюро — история пошла бы по другому. Могло бы быть, в том числе, море крови. И в этом мирном переходе СССР к демократическому обществу ключевую роль сыграл Съезд народных депутатов, гениально придуманный и проведенный (конечно, не только Горбачевым, но при его определяющем влиянии). В этом смысле съезд стал квинтэссенцией, важной для всего мира и, конечно, в первую очередь для СССР, исторической миссии Горбачева.

Для меня Съезд обозначил решение двух весьма разных проблем: утверждение демократии (об этом много сегодня говорилось) и осмысление экологических проблем. Почти все депутаты говорили об экологических проблемах. Даже Нико-

лай Иванович Рыжков, выступая при утверждении правительства, сказал: «Правительство должно позеленеть». Это был как лопнувший нарыв.

М.С. Горбачев

1300 предприятий, остановленных...

А.В. Яблоков

Остановленных, в том числе, по причине экологического неблагополучия, в отчаянной попытке модернизации. Кстати говоря, один из реальных результатов этого «позеленения» руководит этим заседанием — Михаил Сергеевич Горбачев. Он тоже стал «зеленым». Ведь в XXI веке имя Горбачева в мире (как великого политика XX века) связывается и со всемирной водной инициативой, и с Международным Зеленым Крестом, почетным Президентом которого он является.

То есть та линия позеленения...

М.С. Горбачев

Поэтому ты сейчас мягче обо мне уже говоришь, чем двадцать лет назад....

А.В. Яблоков

Что произошло после Съезда? Оба великих достижения Съезда, — демократия и осмысление экологических проблем, — рухнули. Сейчас анти-демократия и анти-экология. Историкам предстоит нелегкая задача разобраться, как вместо экологизации получилась де-экологизация, а вместо демократии — вертикаль власти.

Я согласен с Николаем Шмелевым, когда он сказал о вызовах или угрозах современному обществу. Но об одной из основных угроз он не сказал. В России под колесами автомобилей гибнет ежегодно 35–40 тыс. человек, от пьянства гибнет еще около 40–43 тыс., от наркотиков — около 90 тыс. человек в год. А по причине экологического неблагополучия, — по данным Всемирной организации здравоохранения— в 2004 году погибло 492 тысячи! Из 40 миллионов россиян, умерших за го-

ды после Съезда, по меньшей мере, 8 млн. человек могли бы жить и сейчас. Вот цена того, что новые реформаторы повели страну по пути дезэкологизации и, начиная с 1995 года, свернули с пути, четко обозначенного на съезде. После распада СССР российские депутаты приняли экологическую эстафету нашего съезда и сделали очень хорошие российские экологические законы. К настоящему времени все эти законы — без исключения! — опасно изменены.

Съезд народных депутатов СССР навсегда останется в истории как ярчайшее и кульминационное политическое событие. Я согласен с образной оценкой съезда, которую сегодня дал Федор Бурлацкий: «Съезд пропал недаром». И я согласен с тезисом, который сформулировал Михаил Сергеевич в начале нашей встречи: съезд показал, какие огромные потенциалы таятся в обществе, их только надо раскрыть.

В коротком выступлении нельзя детально обосновать высказываемые положения — прошу принять их как идеи, требующие дальнейшего научного обоснования (или опровержения) в детальной исторической работе.

Т.Е. Ворожейкина,
политолог, независимый исследователь

Немного поколебавшись, я тоже решила начать свое выступление с личной благодарности Михаилу Сергеевичу за то, что мне довелось пережить в конце 1980-х гг. Думаю, что в моей жизни такого уже не повторится. Но, признаться, я не вижу ничего особенно хорошего в том, что самые глубокие изменения, которые произошли в стране в конце XX века, были начаты сверху и, видимо, не могли начаться по-иному..

1989-й год и в особенности Первый съезд народных депутатов СССР (мне уже приходилось об этом говорить здесь в конце прошлого года) — это высшая и, к сожалению, переломная точка того процесса, который, как мне кажется, мог прервать бесконечное воспроизведение одного и того же типа отношений власти и общества и вывести страну за пределы зависимости от предшествующей траектории развития. Первый съезд народных депутатов был переломным во многих смыслах (здесь уже об этом говорилось). Я назову только два из них.

Во-первых, именно на съезде оформляется и больше никогда уже не преодолевается раскол между демократическим движением и реформаторской частью номенклатуры, которую возглавлял Михаил Сергеевич Горбачев.

Во-вторых, на съезде произошел, по-моему, очень важный психологический перелом. Мне это пришло в голову после съезда, в июле-августе 1989 г., когда начались шахтерские забастовки, когда Народные фронты прибалтийских республик начали открыто действовать на разрыв и выход из Советского Союза. До съезда было ощущение, хотя и смутное, какого-то общего движения к общей цели. После съезда страна пошла если не вразнос, то вразброд, началась жесткая борьба частных интересов. Такое развитие было, наверное, неизбежным. Но проявился этот перелом именно на съезде и сразу после него.

В этом и еще в некоторых других отношениях после Первого съезда начинается нисходящая тенденция, которая окончательно оформляется к 1991–1993 гг. После 1989 г. ускоренно накапливаются и нарастают проблемы, которые приводят к разрушению страны и все больше тормозят ее дальнейшее демократическое обновление.

Почему так произошло? Поскольку времени мало, я назову только самую общую причину и в общих словах. Мне кажется, что главная причина заключается (и здесь я не соглашусь с тем, о чем говорил глубоко мною уважаемый Юрий Николаевич Афанасьев) в том несоответствии глубины происходивших общественных, политических и культурных изменений, которые с 1987-го года приняли лавинообразный характер, и субъективного восприятия, субъектной роли тех, кто эти изменения осуществлял.

Я имею в виду, условно говоря, три группы людей и три силы. Это, во-первых, реформаторская номенклатура во главе с Михаилом Сергеевичем. Думаю, что Михаил Сергеевич не был готов (и в протоколах съезда это хорошо видно) воспринимать демократическое движение как самостоятельную силу, а не только как силу поддержки возглавляемой им перестройки.

Во-вторых, демократы и Межрегиональная депутатская группа и во время съезда, и после него явно переоценили свое влияние в стране, которая располагалась за пределами Москвы и Ленинграда. На мой взгляд, именно на съезде ими был сделан важный шаг на том пути, который, в конечном счете, привел нас туда, где мы находимся сейчас. На Первом съезде оформляется союз демократов с Ельциным, союз, в котором демократы занимают все более подчиненное положение по отношению к той части номенклатуры, которая пошла за Ельциным («третья сила»). Победа этой коалиции в августе 1991 г. в исторической перспективе оказывается пирровой: с 1991 г. начинается постепенное, а с 1993 все более ускоряющееся возвращение в наезженную историческую колею, о которой говорил Юрий Николаевич Афанасьев. В самом общем виде речь идет о традиционной российской структуре, где власть доминирует над обществом, а исполнительная власть — над всеми остальными ее ветвями. Задним числом очевидно, что в конфликте между Горбачевым и Ельциным подлинное, хотя и не реализованное, историческое обновление, разрыв с традиционной российской системой господства, олицетворял Горбачев, который стремился, по сути дела, к формированию институциональных механизмов разрешения конфликтов через политическую сферу. В то время как Ельцин и пошедшие за ним демократы выступили вполне в духе исторической традиции: не компромисса, а навязывания интересов тех сил, которые оказались в данный момент у власти, прежде всего через усиление ее исполнительной ветви. Как ни боролись уважаемые мною депутаты Румянцев и Шейнис за разделение властей в Российской Конституции, в ней с самого начала доминировала президентская, исполнительная власть. С этой точки зрения, новая Российская Конституция была вполне в русле не только советской, когда не было никакого разделения властей, но и вековой российской традиции, которая сформировалась с конца XV — начала XVI веков.

Мое несогласие с Юрием Николаевичем Афанасьевым заключается в следующем. То обстоятельство, что мы вновь в эту историческую колею вернулись, как он сказал, не отменяет того факта, что были «окна возможности» для выхода из этой исторической колеи. Я думаю, что в период 1987–1991 гг.

была предпринята важнейшая в современной истории России попытка выхода из этой колеи. И то, что эта попытка провалилась, — результат не исторического предопределения, а того, что мы не понимали смысла и характера возможностей, которые тогда открывались, и не действовали в соответствии с ними.

Поскольку я выступаю в секции, которая называется «Эволюция отношения общества к демократии и политическая система современной России», я хочу кратко сформулировать свою позицию и по этому вопросу. На мой взгляд, история периода с 1993–2009 гг. — это история деградации политических институтов и страны в целом в ее социальном и социокультурном облики.

Если говорить о политических институтах, то именно в этот период — с середины 1990-х гг. подспудно, а с конца 1990-х и в 2000-е явно — на месте государства формируется корпорация, открыто реализующая частные интересы узкого круга лиц и группировок, контролирурующих ключевые государственные посты. Происходит фактическая деинституционализация политической системы, особенно очевидная по сравнению с теми, хотя и робкими попытками институционального строительства, которые осуществлялись в конце 1980–1990-х гг.

В этом отношении нынешняя ситуация, как мне представляется, хуже, чем в советское время. Я позволю себе процитировать очень понравившийся мне отрывок из статьи Дмитрия Шушарина на сайте «Грани.ru». Он пишет: «Советская власть отличалась высокой степенью формального демократизма, даже во внутрипартийном устройстве. И абсолютным доминированием неформальных элементов управления. Сейчас же мы наблюдаем последовательную формализацию весьма одиозных и откровенных элементов кланового устройства. Открыто и без особых затей оформляется приватизация государства, ликвидируется разделение властей, свободные выборы, партийное устройство». Я думаю, что очередным, хотя, очевидно, не последним шагом на этом пути, является реформа Конституционного суда.

Здесь я хотела бы перейти к последней проблеме, которая до сих пор сегодня не затрагивалась, но которая для меня

лично является очень болезненной. Это проблема всеобщего ожидания очередной либерализации сверху. Как ни странно, исторический опыт перестройки и роль в ней Горбачева играют очень важную роль в формировании таких ожиданий. То обстоятельство, что предыдущий опыт демократизации был связан с политической фигурой, занимавшей высший государственный пост, укрепило в мозгах большинства российских интеллектуалов — либералов, демократов, социалистов — уверенность в том, что только так и могут начинаться демократические преобразования в России. Поэтому мы ждем «второго Горбачева».

Я имею в виду распространившийся с весны 2008 г. миф о том, что Дмитрий Медведев назначен президентом страны для того, чтобы осуществить в ней политическую либерализацию. Интересно, что вначале сам Медведев ничего особенного для распространения этого мифа не делал, но надежды были столь велики, что все дружно поверили в грядущую либерализацию. О реальном содержании этой либерализации свидетельствуют, на мой взгляд, три ключевых события медведевского года — война в Грузии, уже упомянутая мной реформа Конституционного суда и недавно созданная Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Последняя представляет собой попытку введения фактической цензуры по ключевому периоду советской истории — истории Великой отечественной войны, которую нынешняя власть использует как практически единственное средство собственной легитимации.

Этим реальным военным, политическим и идеологическим шагам противопоставляются демонстрационные акты, такие как интервью Медведева «Новой газете» или широко разрекламированная встреча в памфиловском совете. Я думаю, что дела, а не слова, свидетельствуют о том, что реальная политика президента Медведева представляет собой продолжение путинского курса постепенного и «выборочного» ужесточения авторитарного режима. Николай Шмелев назвал его режимом цезаристской демократии. На мой взгляд, это режим авторитарный, более того, он претендует (как свидетельствует создание Комиссии против фальсификации истории и по-

правки в Уголовный кодекс, вводящие уголовное наказание за такую фальсификацию) на идеологический контроль над умами людей, а не только полицейский контроль над их поведением.

Почему в этой ситуации мы продолжаем ждать «второго Горбачева» и почему он, как я считаю, не может появиться? Нынешняя система, на мой взгляд, существенно отличается от советской. Коррупция сегодня — это не отклонение от нормы, это важнейший системообразующий фактор, связанный с формированием частной корпорации под вывеской «Российское государство». Конечно, в советской системе коррупция также была очень высокой, но она была ограничена некоторыми формальными правилами, грубое нарушение которых могло привести к утере статуса. Одной из таких формальных институций был партбилет, которого можно было лишиться и уйти в политическое небытие. Нынешняя коррупция, как правильно отмечает Шушарин, не нуждается ни в каком прикрытии — люди уже ничего не стыдятся и практически не прячутся. Такая система в принципе не допускает появления наверху человека, не включенного в коррупционные связи и стремящегося их разрушить.

Иначе говоря, в такой системе «второму Горбачеву» неоткуда взяться. В том маловероятном случае, если такая фигура появится (или, скорее, будет назначена), она неизбежно будет носить имитационный, пародийный по отношению к «первому Горбачеву» характер, подобно тому, как Путин в некоторых отношениях представляет собой пародию на Сталина. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, исторические повторения неизбежно оборачиваются фарсом.

Кроме того, любая попытка демократизации сверху, не опирающаяся на социальные и политические движения снизу, будет снова обречена на провал и повторение пройденного. Я думаю, что опыт перестройки в этом отношении достаточно очевиден, коллега Шубин говорил здесь о неиспользованном потенциале низового демократического движения конца 1980-х — начала 1990-х гг.. Никакие институты политической демократии в современной России не могут быть устойчивы без демократизации социальных отношений, т.е., без осуще-

ствления коллективных действий, которые противостояли бы произволу частных структур, осуществляемому от имени государства на всех уровнях — от милиционера до национального лидера.

М.С. Горбачев

Выступление Татьяны Ворожейкиной мне показалось интересным и убедительным, хотя я не все в нем приемлю.

89-й год нанес сильнейший удар по всей политической системе, потому что люди поверили в свои силы. Но что интересно? — Среди избранных народных депутатов оказалось 84% коммунистов. Такого никогда не было среди депутатов — было 47–49%. Значит, речь шла не о том, коммунист ты или нет, а о том, что люди знали, кого стоит поддерживать, а кого — не стоит: 35 первых секретарей (в их числе — Первый секретарь Ленинградского горкома партии), имея в своем распоряжении все ресурсы, потеряли власть.

На следующий день после выборов в ЦК члены Политбюро собрались для обмена мнениями. Небывалое дело! — Я не мог усадить их за стол, остановить разговоры. Члены Политбюро были потрясены результатами голосования — тем, что 35 первых секретарей не были избраны.

Я сказал: «Послушайте, но ведь избрали 84% коммунистов — ничего подобного раньше не было: 84% коммунистов избраны без всякого составления списков в партийных комитетах, без проталкивания. Избраны на свободных выборах! Это же показатель поддержки. Поддержки перестройки». Вдруг раздается голос (по-моему, голос Лигачева или Вороникова): «Да что это за коммунисты?!»

Оказывается, вот в чем дело — в расколе между номенклатурой (реальной властью) и обществом. Политбюро было шокировано. Шок перерос в «выводы»: неспроста Августовский путч 91-го года организовали и возглавили люди из моего окружения, члены Политбюро.

После выборов Политбюро начало создавать сеть поддержки. Начали проводить сборы: в одном случае — встреча руководителей городов-побратимых, в другом случае — городов-героев и т.д. Начали кругами создавать эту сеть. А недо-

вольных было много, особенно среди первых секретарей: все испугались, потому что испытание демократией КПСС не выдержала — это было самое главное.

Основной раскол произошел между номенклатурой, КПСС и реформаторами. Номенклатура объединилась — хотели и Ельцина использовать. По сути дела, уже начала возникать параллельная партия. В апреле 91-го года было подготовлено все, чтобы избавиться от Горбачева: «не избавимся от Горбачева — нам не по плечу решение других задач».

Я все это знал. Думал, что мы их все-таки опередим, не дадим им перехватить историческую инициативу (и многое, по-моему, удалось). Но я не хотел действовать методами расправы, уничтожения. Лучше уйти, если не можешь действовать иным путем. Это мое убеждение, моя природная суть — демократичность и уважение к людям.

Меня часто спрашивали: потерпела ли Перестройка поражение? Моя точка зрения такая: Перестройка оборвалась. Ей был нанесен колоссальный удар. Я как политик, который возглавлял ее, конечно, проиграл. Но Перестройка победила. Потому что благодаря тактическим, политическим ходам нам удалось дойти до «пункта невозврата». Но надо постоянно наблюдать за тем, не происходит ли обратное движение. Скажем, то, как сейчас у нас действует партийная система, — это беда: мы опять оказываемся под властью одной партии, да еще представляющей собой плохую копию КПСС.

Меня беспокоит многое, и я открыто говорю об этом. Думаю, что, имея опыт, какой имеем мы (этот опыт — колоссальное богатство!), нужно открыто говорить о том, что мы поддерживаем и что отвергаем. Мы должны пытаться донести до общества понимание необходимости продолжения демократических процессов. Ленин говорил, что не надо бояться человека с ружьем. А нам не надо бояться, если говорят, что у нас ничего не получится. Когда мой отец попал на Курскую дугу, они 72 километра шли маршем — и прямо в окопы. Он оказался в том изгибе, куда был рассчитан удар. Бросали листовки: «вы в мешке, осталось его только завязать, сдавайтесь!» Но ведь не сдались! А потом дошли до Берлина. Значит, не надо паниковать.

Большинство выступлений, которые я слышал сегодня, — серьезные, аргументированные выступления. Благодарю вас за участие в сегодняшней дискуссии.

В.Л. Шейнис,

*экономист, политолог, народный депутат РСФСР/РФ
в 1990–1993 гг., депутат ГД в 1994–1999 гг.*

Как и Ю.Н.Афанасьев, выступавший одним из первых, я испытываю глубокое уважение и благодарность к Горбачеву. Не раз говорил и писал, что развязать в нашей стране те силы, которые покончили с коммунистическим тоталитаризмом в середине 80-х годов прошлого века, мог только он — и в том его величайшая историческая заслуга. Годы перестройки в моей жизни, как и в жизни многих близких мне людей, были, наверное, самым счастливым временем. В то же время в обмене мнениями по поводу нашего прошлого и упущенных возможностей, который сейчас состоялся между Михаил Сергеевичем и Татьяной Ворожейкиной, я на стороне моей молодой коллеги. Предмет разногласия — верное и ошибочное, возможное и невозможное в стратегии и тактике основных акторов политического процесса в 1989–1991 гг.

То были действительно переломные годы. Те, кто жил в то время, никогда не забудут демократическую весну 1989 г., подъем, эйфорию, с которыми наше общество приняло Первый съезд народных депутатов СССР, раскованную атмосферу съезда, выступления депутатов, многие из которых становились событиями дня. На съезде свободно обсуждались такие табуированные прежде вопросы, как советско-германские договоры 1939 г. и секретные к ним протоколы, афганская авантюра престарелых кремлевских вождей, апрельская бойня в Тбилиси, привилегии бюрократии. Был обозначен путь выхода из экономического и политического кризиса. В те дни никто, даже обмолвившись, не посмел бы сказать, что парламент — не место для дискуссий. В лице съезда народ увидел чуть ли не впервые проклюнувшийся на нашей почве парламент, хотя в строгом смысле парламентом это собрание депутатов еще не было. Под стать тому, что происходило в зале Кремлевского Дворца съездов, было и настроение в общест-

ве. Люди не работали — сидели у телевизоров, смотрели прямую трансляцию со съездовских заседаний. На улицах можно было увидеть людей с включенными радиоприемниками — современных портативных было еще мало, держали на плече громоздкие «Спидолы», я сам ходил с таким.

А теперь по контрасту вспомним последний, Пятый съезд два года спустя. Депутаты — не в полном сборе. Когда съезд открылся, места в президиуме заняли, помимо двух статистов — председателей Совета Союза и Совета Национальностей, хозяева положения — президенты союзных республик. Михаил Сергеевич Горбачев, к сожалению, не был вполне свободен в своих действиях. Эти руководители исполнительной власти, сами себя назначившие дирижерами представительного органа, продиктовали ему свои условия, которые не стали предметом содержательного обсуждения ни в этом зале, ни в обществе. Все время, отведенное для работы этого съезда, — всего лишь четыре дня, — меня не покидало ощущение, что для без малого двух тысяч союзных депутатов проложена узкая, огороженная с обеих сторон дорога в загон и предписано не только направление движения к коллапсу этого собрания, но и его темп. Не приходится удивляться, что в переходной общесоюзной государственной конструкции, просуществовавшей после путча четыре месяца, парламент оказался излишним, а съезд, как послушен он ни был, безжалостно перекроили.

Между 1989 и 1991 гг. Первый и Пятый съезды были лишь заметными, своего рода реперными точками. Политическое развитие вовсе не сводилось к тому, что происходило на съездах, на заседаниях Верховного Совета. Но, быть может, именно на этих съездах наиболее отчетливо высветилось то, что свершилось в эти переломные годы: как возникли, а затем угасли возможности принципиально иного развития. Хочу подчеркнуть: я вовсе не думаю, что все последовавшие события были предрешены крушением съезда. Вслед за невероятным взлетом народной активности и инициативы началось нисхождение вниз общества и государства. Удержаться на достигнутой высоте у общества не хватило сил и понимания про-

исходящего, а у тех, в чьи руки свалилась власть, — желания и мудрости.

Не считаю я и распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Событие это по своему значению и последствиям было неоднозначным, а катастрофы в этом ужасном веке — вспомним хотя бы предощущение Александра Блока в «Возмездии» — были и куда как более трагическими. Но если, как не устают повторять М.С. Горбачев, «Союз можно было сохранить» (хотя бы в усеченно виде: Прибалтика, никогда не забывавшая пакт Молотова–Риббентропа, еще какие-то малые республики ушли бы при любом развитии событий), то передача вопроса о судьбе Союза из ведения представительного органа на усмотрение узкой группы республиканских иерархов, отвоёвывавших у союзного центра на переговорах в Ново-Огареве одну позицию за другой, такой вариант заведомо исключала. Вопрос был предрешен не в Беловежской пуще в декабре, а в Москве в сентябре 1991 г.

Сокрушительный удар был нанесен и парламентаризму, только-только реанимированному в нашей стране после перерыва в три четверти века. Стенания по поводу «расстрела парламента» России Ельциным в октябре 1993 г. раздаются до сих пор. Но «защитники Белого дома», одни одобрительно, другие равнодушно восприняли аналогичную операцию, учиненную — пусть не столь брутальным способом — над Союзным съездом. И, вероятно, мало кому из них, наблюдавших и санкционировавших деструкцию союзного протопарламента, вспомнились слова Брехта, как оказалось, пророчившие и их собственную судьбу: «Шагают бараны в ряд. Гремят барабаны! Шкуру для них дают сами бараны». Еще раз подчеркну: в 1989–1991 гг. существовал шанс на иной разворот событий. Только шанс! И не слишком большой — в общем на той исторической развилке реализовался вариант, по-видимому, наиболее вероятный. Однако если в основе нашей концепции — парадигма не жесткой детерминированности, а альтернативности исторического процесса, исследование неосуществившейся альтернативы имеет право на существование.

Вопрос этот для историка принципиальный. Один из моих друзей, здесь присутствующий, как-то сказал: ни к чему увле-

каться размышлениями по поводу нереализовавшихся вариантов. Согласиться с этим не могу. Размышления такие важны не только для верного понимания прошлого, но и для ориентации на будущее. Конечно, история в точности никогда не повторяется. Но проблемы, которые стояли перед нами в годы перестройки и которые не были решены или решены не так, как это, на наш взгляд, соответствовало интересам страны и народа, никуда не ушли. Этот опыт, пусть отрицательный, отбрасывать нерасчетливо.

Менее всего мне хотелось бы сейчас заниматься апологией не оправдавшего надежды Съезда народных депутатов СССР. Никаких иллюзий по отношению к данному собранию у меня нет. Двухэтажная конструкция, придуманная конституционалистами из партийного аппарата, была заведомо неработоспособна. Большинство депутатов не были подготовлены для парламентской работы. Когда Гавриил Попов предложил в очень осторожной форме вещь для парламента элементарную — переструктурировать съезд, выделив в нем одну составляющую не на территориальной, как всегда прежде, а на межрегиональной (подразумевалось: политической) основе, это вызвало шок: товарищи, подумайте, на что вы замахнулись — хотите создать фракцию! Я уж не говорю о позорной обструкции, устроенной академику А.Д.Сахарову за его разоблачение афганской авантюры. Моей и моих друзей эмоциональной реакцией на это позорище было: депутаты, вскочившие с мест, приветствуя антисахаровский демарш, заслужили изгнания из политики. Но эмоциям поддаваться не надо.

Съезд был более или менее адекватной проекцией советского общества, каким оно было на заключительном этапе общего кризиса советской системы. Съезд, избранный на сравнительно свободных выборах, не мог быть другим, потому что таким был тогда советский народ. Склонения, настроения, поведение депутатов были изменчивы и управляемы. Но из этого вытекает только одно. Прямой переход к парламентаризму на базе данного съезда (т.е. при такой его конструкции и при таком персональном составе) был невозможен. Однако соотношение сил в политически активной части общества было не таким, как на съезде. И это давало шанс на серьезное (хотя,

конечно, не бесконфликтное) продвижение вперед, при котором данный съезд мог исполнить полезную роль.

Три политические составляющие — более или менее аморфные, с текучим составом, размытые на краях — сосуществовали на съезде. Первая — демократы, уже на Первом Съезде создавшие собственное подразделение — МДГ. Когорта «прорабов перестройки» со страниц освобождавшейся от цензуры печати, с митинговых трибун шагнула в номинально высший орган государственной власти. МДГ на подъеме объединяла 15–20% депутатов. В некоторых острых голосованиях по политическим вопросам, раскалывавшим съезд, ее предложения получали до 1/3 голосов. Для начала этого было немало. Но влияние МДГ определялось не только ее численностью. За демократическими депутатами стояло большинство избирателей столиц, всегда и везде играющих главную роль на исторических переломах, — Москвы и Ленинграда, других политических и культурных центров страны, Академия наук, творческие союзы, самые тиражные газеты и журналы, включая «Известия», главную государственную газету. В МДГ был сосредоточен основной интеллектуальный и креативный потенциал съезда. С его трибуны Сахаров, Попов, Шмелев, Емельянов, Афанасьев и другие лидеры демократов выступали с программой политических преобразований. В общих чертах были обрисованы меры, которые необходимо предпринять, чтобы предотвратить надвигавшийся экономический коллапс. К чести председателя, произвольно отбиравшего выступающих, он предоставил слово всем выдающимся ораторам МДГ.

Я не раз говорил Юрию Николаевичу Афанасьеву, что его броское, вошедшее в политический лексикон того времени обозначение той части депутатского корпуса, которая противостояла демократам, как «агрессивно-послушного большинства» не совсем точно отражало расстановку сил на съезде, ибо принимало во внимание только то, что объединяло «агрессивное» меньшинство и «послушное» большинство, но не учитывало немаловажные различия между ними.

Агрессивное меньшинство — это представительство той части партийно-государственной бюрократии, которая переходила — чем дальше, тем более явно — в оппозицию даль-

нейшим преобразованиям и самому курсу Горбачева. Вслед за демократами они создали свою политическую фракцию — «Союз», обозначив таким образом свое кредо — сохранение СССР любыми средствами. А следовательно, и той централизаторской, не останавливающейся перед силовыми, репрессивными действиями системы, в рамках которой они надеялись сохранить советское государство. По моей оценке, они насчитывали на первых съездах 20–30% депутатов. Свои кадры «союзовцы» рекрутировали не столько из «партийной сотни» депутатов от КПСС, сбалансированный список которой был составлен Горбачевым, сколько из «партийной тысячи» — аппаратчиков, избранных в провинции, в безальтернативных округах. А также среди военных, «красных директоров» и колхозно-совхозного лобби, избранных национального меньшинства в республиках Прибалтики и др.

На съезде они выражали взгляды и предпочтения консервативной части избирателей. У них не было ни сколько-нибудь внятной реалистической программы, ни популярного лидера, но было более чем достаточно злости и агрессии. В отличие от демократов они — во всяком случае, вначале — не вели собственной игры, если не могли рассчитывать на поддержку официальных руководителей съезда. Потенциально это была заметная сила, но на СНД их голос звучал значительно слабее, чем на партийном съезде и пленумах ЦК КПСС. Со временем их поведение становилось все более наглым. Георгий Шахназаров не зря уподоблял их стае «хищников, готовых наброситься на своего дрессировщика и растерзать его, но сдерживаемых увещеваниями и звонкими ударами хлыста». Шумные спектакли, которые они устраивали, привлекали внимание, но действительно опасная «гробовая змея» таилась не здесь.

Наконец, послушное большинство, та часть депутатского корпуса, которую со времен Великой французской революции принято называть «болотом». Оно в высокой степени управляемо. В отличие от СНД России, где «болото» составляло меньшинство и где борьбу за него вели фланги — изначально организовавшиеся во Фракции «ДемРоссия» и «Коммунисты России», на Союзном съезде поведение этой колеблющейся, студенистой массы определяла дирижерская палочка предсе-

дателя. Оно бы, конечно, повиновалось и другому дирижеру, если бы палочка перешла в иные руки, скажем, ГКЧП. Но в послушании большинства реформатору заключена была возможность известного продвижения вперед, пока он оставался главной, если не решающей силой на съезде.

И не только на съезде. Здесь я подхожу к главному. Наш протопарламент, было сказано, — зеркальное отражение общества в целом, но не политизированной его части, где действовали тоже три несколько иные силы: демократы, опиравшиеся на митинговую активность улицы и поддержку наиболее популярных СМИ; консерваторы, в рядах которых стал вызревать план государственного переворота; реформатор, пытавшийся объединить тех и других на базе неустойчивых компромиссов. И потому то и дело менявший галс — в чем, на мой взгляд, и заключалась его главная ошибка. Между тем весь дальнейший ход событий в решающей, по-моему, мере зависел от того, где пройдет главная линия размежевания — левее или правее Горбачева. Отсутствие же четкого выбора с его стороны дезориентировало и демократов, и консерваторов-государственников.

Горбачев поступил предусмотрительно, внося существенные изменения в организацию государственной власти в СССР. Во-первых, введя пост президента. Теперь его нельзя было сместить голосованием простого большинства на съезде. Я, в отличие от многих аналитиков, не придаю серьезного значения тому, что его избрание состоялось на съезде. Конечно, легитимность приобретенного им статуса была ниже, чем если бы она проистекала из всенародного голосования. Но правовые соображения играли не столь уж большую роль в развернувшейся острой политической борьбе. Само по себе всенародное избрание мало что могло бы изменить в известном нам последующем развороте событий. Во-вторых, перенеся центр тяжести своих властных полномочий и из партийных, и из парламентских структур в самостоятельный институт исполнительной власти — президентство. То же самое сделает чуть позже Ельцин с гораздо большим эффектом, потому что под свой выбор он сумеет подвести соответствующую комбинацию парламентских и непарламентских сил.

На Союзном съезде не могли вырабатываться основные политические решения. В лучшем случае он мог лишь их одобрять или отвергать. Главное, что мог в идеале сделать этот съезд для перехода к демократии, к парламентаризму, — ввести в жизнь страны публичную политику, никогда в ней не бывавшую. Он мог стать — и в известной мере становился — форумом для представительства разных политических и социальных интересов, где открыто и нестесненно сопоставляются и выносятся на обозрение общества разные позиции, подходы, мнения. Становление парламентаризма — это и постепенное обретение представительным органом своей роли в системе разделения властей, и — что не менее важно — политическое взросление, просвещение общества. Все это начало пробиваться в годы перестройки и постперестройки и было фатально утрачено впоследствии. Съезд, избранный в 1989 г., не мог взять на себя, как предлагали межрегионалы, всю полноту государственной власти. Если перестройка — демократическая, антибюрократическая революция в стране, которую десятки лет отучали от гражданской инициативы, то выход следовало искать не в механическом сложении разнородных сил, бушевавших на съезде, не в конструировании некоей равнодействующей, а в создании коалиции демократов и реформаторов, продвигающей демократическое преобразование экономики и общества.

Михаил Сергеевич сказал здесь, что главной своей ошибкой он считает то, что своевременно не ушел с поста Генерального секретаря, не расколол партию. Главное же, на мой взгляд, заключается в том, что он недооценил неизбежность прямой схватки с реакционной бюрократией и переоценил возможность самостоятельно устоять на стремнине бурного потока: не волнуйся, я все контролирую, — говорил он Александру Яковлеву незадолго до путча. Не готов он был, как сказала Татьяна Ворожейкина, и воспринять демократов как самостоятельную силу, как союзника. Это надо было делать до выборов в республиканские органы власти весной 1990 г., до Первого съезда народных депутатов РСФСР, когда актив демократического движения переориентировался на Ельцина. Попытки лавирования между непримиримыми противниками («страна правее — должны праветь и мы») не дали и не могли

дать ничего, кроме потери времени. А это само уже было исключительно опасно, потому что когда проводятся глубокие преобразования, будь то революционные или реформистские, время начинает работать против тех, кто их осуществляет, и реализовать политическую консолидацию, включая «правых» и «левых», невозможно.

Немало сил положил Горбачев на реформирование КПСС, пытаясь привить ей «почти социал-демократическую» программу. В относительно спокойной ситуации раскол по программным положениям помог бы отсечь от власти гангренозные участки партийно-государственной системы. Но в обострявшейся со дня на день обстановке теоретические, программные вопросы мало кого волновали. И вообще баталиям в КПСС не следовало придавать излишнее значение. Живые силы партию покидали, отток нарастал. А собственно партийный аппарат, деморализованный поражениями на выборах, лишившийся подпорки в лице репрессивных органов, годами отучаемый от какой бы то ни было собственной инициативы, уже не мог оказывать серьезное влияние на ход событий. Понятно, он саботировал реформаторскую активность Генерального секретаря. Но и тогда, когда ГКЧП, казалось, дал ему шанс восстановить свое место в системе управления государством, — «толпа безликих малоизвестных бюрократов», как назвал Отто Лацис лиц, выдвинутых на руководящие партийные посты уже в годы перестройки, оказалась неспособной даже толком поддержать переворот. КПСС и КП РСФСР как организованная сила практически прекратили существование еще до того, как были распущены указом Ельцина.

Рычаги реальной власти были передвинуты в правительство, в Президентский совет, в администрацию президента. В сложившейся обстановке это был верный шаг. Все зависело теперь от того, какие импульсы будут поступать из невралгического центра власти и кто займет в нем ключевые позиции. Но здесь действия Горбачева, реформатора и инициатора перестройки, становились все более трудно объяснимыми. Он не захотел или не смог дать адекватный ответ на «разведку боем», которую «силовики» стали проводить в Грузии, в Нагорном Карабахе и Звартноце, не оценил январские события 1991

г. в Вильнюсе и Риге как репетицию госпереворота. Переформатировав свое окружение, он заполнил ключевые государственные посты лицами, которые вскоре, вступив в сговор, стали готовить переворот. В июне 1991 г. не внял последнему предупреждению, когда ведущие министры в Верховном Совете открыто потребовали передела власти в свою пользу, а американский посол Мэтлок, получив от Гавриила Попова сверхсекретную информацию о заговоре, сообщил об этом президенту. И отверг разумные кадровые инициативы, предложения о совместных действиях, которые исходили от межрегионалов, хотя, как засвидетельствовал Г. Шахназаров, такие предложения делались, и переговоры проводились.

Тогда-то, на мой взгляд, и был упущен последний шанс — создание блока реформаторов и демократов, который надо было не только открыто заявить, но и укрепить удалением с ключевых постов в исполнительной власти ГКЧПистов и назначением на них людей из демократического актива, резким размежеванием с теми, кто тормозил реформы, и публичным отмежеванием от провокаторов. Возможно, колебания Горбачева, нежелание сменить негодную команду, сформированную им к началу 1991 г., объяснялось тем, что с реваншистами его объединяло, а с демократами разъединяло упрямое стремление сохранить Союзное государство, предотвратить выход из него даже тех республик, где он стал неизбежным. Этот порог политику, сформировавшемуся в Советской стране, особенно трудно было преодолеть.

Конечно, возлагать всю вину за несостоявшийся союз на Горбачева несправедливо. Не меньшая ответственность за это лежит на самих демократах, в конце 1989 г. призвавших к всеобщей политической забастовке (организовать которую они так и не смогли), а в следующем году поддержавших атаку Ельцина на Горбачева. Стремясь немедленно добиться перелома ситуации, покончить с проволочками в продвижении реформ, российские демократы пошли на союз с той частью номенклатуры, которая до перестройки обреталась во вторых-третьих ее рядах.

Лозунг республиканского суверенитета повсеместно был поставлен в порядок дня. В республиках Прибалтики он консо-

лидировал общество в борьбе против переживших Гитлера советско-германских секретных протоколов о разделе сфер влияния в Восточной Европе, за пересмотр пресловутых «итогов Второй мировой войны». Российские демократы подхватили его как способ освобождения от власти союзных партийно-государственных структур, тормозивших перестройку, обступивших Горбачева и, в конечном счете, выдвинувших ГКЧП. А номенклатура в РСФСР и большинстве других республик использовала его как мощный таран для собственного прорыва к власти.

Ельцин, харизма которого обеспечивала широкую общественную поддержку, некоторое время воплощал союз части российской бюрократии и демократов, казался (и до известной степени, и до известного времени — был!) лидером демократической революции против реваншистов и реакционеров. Он сыграл выдающуюся роль в сокрушении путча, грозившего политическим разворотом уже в начале 90-х годов. Но вскоре его аппаратное происхождение и обретенные там навыки, личностные черты, его доминирующее положение в системе новой власти, общее соотношение сил в стране предопределили инволюцию государственного развития, которая не оставила места ни парламентаризму, ни беспрепятственному развитию институтов гражданского общества. В реставрированной государственной системе российским демократам было отведено незавидное место. Они заслужили это безоглядной поддержкой Ельцина против Горбачева, а затем — «хождением во власть» на довольно унижительных и, как в конечном счете оказалось, саморазрушительных и дискредитирующих условиях.

В этом я согласен с Ворожейкиной: демократы, избрав союз с Ельциным и пошедшей с ним номенклатурой (в известной мере сформированной им, в том числе из части самих демократов), сделали опрометчивый выбор. Ибо подлинное обновление в конфликте двух лидеров символизировал, при всех колебаниях и ошибках, Горбачев. С исторической дистанции отчетливо видно: именно Горбачев дал обществу (без особых его собственных в том заслуг) свободу, приступив к демонтажу коммунистической системы, а Ельцин (при всех его

заслугах, оспаривать которые нечестно и неблагородно) после всех побед столкнул Россию, особенно выбором наследника, в наезженную историческую колею. Иное дело — что понять все это было непросто в условиях грозно накатывавшихся событий и не имея необходимого исторического опыта.

К сожалению, суть тех событий мы не осознали до сих пор. Трагический парадокс заключался в том, что Горбачев и демократы, объединение усилий которых могло (хотя, повторю, не гарантировало) перевести дальнейшее развитие России в европейскую колею, субъективно того не желая, подталкивали друг друга на ошибочные действия. Горбачев демократов — зигзагами своего курса — на жесткую оппозицию и поиск сомнительных вариантов действий и сомнительного лидера. Демократы Горбачева — нарастающим давлением и ассоциацией с его политическим и личным антагонистом — на чрезмерно осторожный курс, на запаздывание, на попытки найти контрбалансирсы с другой стороны. В августе 1991 г. поражение потерпели оба актора. Но к этому времени те возможности, которые в дни Первого съезда казались осуществимыми, были утрачены. Правда, примерно так — при других обстоятельствах, с другими действующими лицами, но с аналогичным исходом и последствиями — уже бывало в нашей истории. Научится ли когда-нибудь российское общество извлекать уроки из собственного опыта?

Н.Б. Иванова,

заместитель главного редактора журнала «Знамя»

Попробую сформулировать несколько тезисов по поводу того, чем закончил свое выступление Михаил Сергеевич. Он ответил на вопрос о том, кто проиграл. Он сам считает, что он проиграл, а Перестройка выиграла. Но я-то считаю, что проиграли все: Михаил Сергеевич, депутаты, съезд, общество, страна.

При этом свою историческую миссию и Михаил Сергеевич, и съезд, безусловно, выполнили. И роль Горбачева как в организации Перестройки, так и в организации съезда, конечно, огромна. Мы все — свидетели того, что было невозможно

и стало возможным после того, как началось то, что началось в 85-м году.

1989 год — во многом благодаря гласности (прямая трансляция по радио и телевидению) съезда — стал особым, исторически поворотным в жизни страны и государства. Благодаря *гласности* к дискуссиям, идущим на съезде, подключалось мгновенно все общество. От каждого острого, задевавшего выступления — или даже реплики — шли круги расширяющихся обсуждений. Страна стала площадкой для открытых дискуссий, обозначивших болезненные точки истории и современности.

Я наблюдала выступления на съезде по телевидению. Здесь назвали это «грандиозным шоу». Это не было «грандиозным шоу». Это было абсолютно реальным содержанием жизни людей, всех нас, всего нашего общества. Но 9 апреля 1989 года в Тбилиси случилось то, что случилось. И это тоже повлияло на сознание многих — и на судьбу государства.

Мог ли быть сохранен Советский Союз в том или ином виде? Я тогда работала в журнале «Дружба народов» (отработала там с 86-го по 91-й годы). Может быть, нам изнутри было видно, что сохранить Союз нельзя, что это абсолютная утопия, романтика.

И многие выступавшие сегодня мне показались романтиками, историческими романтиками. Но период романтизма закончился. Осталась романтика в ощущениях, в эмоциях, в размышлениях. На самом деле, романтика редко приводит к положительным, реальным позитивным результатам.

Но сказать, что вся эта энергия Перестройки, съезда пропала даром, тоже нельзя. Нет, это было недаром. Но сколько потеряно одновременно!

Я буду говорить не о тех, кто умер реально, а о тех, кто умер или скончался духовно за это время, последние 15 лет. Их, «мертвых душ», гораздо больше...

Если говорить о том, сколько потеряно, и исчислять от количества живых взрослых нормальных людей, то мы остались с 1/250-ой частью от того общества, которое у нас было (если у нас действительно есть сейчас гражданское общество). Откуда я взяла эти цифры? — Это цифры востребованности сло-

ва — художественной литературы, публицистики например. Публикаций, которые читались миллионами людей.

Я просмотрела двенадцатые номера толстых литературных журналов за 89-й год, увидела, что там было напечатано, и какие были тиражи. Я обнаружила там статью Игоря Клямкина, размышления Николая Петровича Шмелева, «Архипелаг ГУЛАГ». И в чудесном сне я бы никогда не подумала, что буду участвовать в обсуждении, посвященном съезду 1989 года рядом с Вадимом Медведевым, который был чуть ли не последним оплотом того, чтобы в стране не напечатали «Архипелаг ГУЛАГ». Может быть, он мне возразит, но я это помню, потому что была напечатана обложка журнала «Новый мир» в 88-м году, которая объявляла «Архипелаг ГУЛАГ», и по требованию Политбюро обложка журнала была уничтожена. Но, тем не менее, в 89-м году все было напечатано.

«Жанром» 1989-го был жанр спора, дискуссии, полемики. Развернутых не столько для понимания друг друга (спорящими, собеседниками), сколько для утверждения собственной точки зрения как единственно верной — и опровержения, если не компрометации, точки зрения другой. Этот вспыхнувший пожар идеологического противостояния не на шутку встревожил партийное (и государственное) начальство. Сегодня мы можем сказать, что правильно встревожил: собственно, именно этот литературный пожар затем разгорелся настоящим огнем в августе 1991-го (вспомните публикацию накануне путча «Слова к народу»), в октябре 1993-го и так далее — вплоть до зюгановско-ампиловского — с одной стороны и гайдаровско-ельцинского — с другой — противостояния. Именно тогда было положено ему начало — впрочем, неизбежное. С таким же успехом, с каким Горбачев мог бы бороться с каким-нибудь из природных, не зависящих от человека, явлений, он усаживал за стол противоборствующие стороны, дабы «бороться за культуру дискуссий».

6 января 1989 г. в ЦК КПСС состоялась очередная встреча с «деятелями науки и искусства» (из ряда традиционных встреч власти с интеллигенцией — встреч, на которые интеллигенция, считающая себя все еще влиятельной, возлагала особые надежды: просвещения и воспитания генсека, а также

изменения генеральной линии в нужном направлении). На ней Горбачев высказался особо по поводу дискуссий: «...мы приветствуем их, мы за дискуссии... За плодотворные дискуссии» и твердил — вслед за известной статьей в «Правде», — что «у нас еще не овладели культурой дискуссии». Б. Олейник (позже — яростный недруг, а тогда — поддержка Горбачева) тему продолжил — покруче и пожестче Горбачева: «Надо с цеховыми распрями кончать». Всегда чрезвычайно чуткий к начальственной точки зрения С. Михалков, вроде бы вторя Горбачеву, на самом деле чуть «пододвинул» его к нуждам «заединщиков» с Комсомольского проспекта: «Перестройка требует консолидации всех сил общества», т.е. на самом деле в несколько завуалированной форме высказался за скорейшее закрытие всех дискуссий. Горбачев шутит: «Может, к нашим литераторам применить принцип одностороннего разоружения?», не подозревая о том, что в данном противостоянии и «дискуссии» отчасти и СССР рухнет (идею «независимой» от СССР России, идею «выйти из СССР» впервые выскажет открыто депутат Валентин Распутин в речи на Съезде народных депутатов).

В стенах ЦК КПСС шло аналогичное, по сути, сражение, но при этом противники, конечно же, клялись «любовью» к системе. В. Коротич: «У народа исподволь вызревает и формируется новое доверие к советской власти». Сказав ритуальную фразу, редактор горбачевского призыва (наряду с редакторами «Знамени» Г. Баклановым и «Нового мира» С. Залыгиным — смена руководства журналами была произведена за два с половиной года до этой встречи), ненавидимый «заединщиками», перешел в нападение и сформулировал истинную причину яростного неприятия гласности: «Целый ряд писателей... личную свою беду гибнущего собственного всевластия стремится представить как трагедию страны и системы».

По сходной модели выстроил свое выступление редактор «Молодой гвардии» Анатолий Иванов. Ритуальная «клятва верности» — «Гласность, демократия, перестройка нужны нам как воздух. Это очевидно» — сопровождалась незамедлительной оговоркой: «Но очевидно и то, что стоит где-то сместить оттенки, переставить акценты, а то, прикрываясь гласностью...» Тут же были названы поименно и обвинены в идеологической

диверсии те, кто «сместил» и «переставил» — пропагандирующие «мелкобуржуазные и буржуазные взгляды» органы печати «Огонек», «Московские новости», рижский «Родник».

Анатолию Иванову, в свою очередь, немедленный отпор дал Евгений Евтушенко, обозначив свою позицию как «достоинство интернационализма», а позицию противников — как «великодержавный национализм», впрочем, оговорившись, что «вместе с тем любые мелкие эгоистические национализмы» одинаково относятся «к низкой общественно-политической культуре».

Литература еще оставалась в общественно-политическом центре эпохи — кандидатами в народные депутаты от Союза писателей были выдвинуты В. Астефьев, В. Быков, Ю. Воронов, О. Гончар, С. Залыгин, Л. Леонов, Ю. Марцинкявичюс, В. Рапутин, В. Санги, О. Чиладзе, И. Чобану, А. Якубов...

Собственно, к словесности, где все решают тексты, поход писателей в депутаты непосредственного отношения не имел, но голос писателя для общества все еще оставался важным. Выборы кандидатов на пленуме СП СССР были обставлены как событие особой важности. И избранные в депутаты литераторы продолжали ощущать себя государственно значимыми фигурами.

Государственно значимая деятельность писателей, впрочем, в скором времени оборвется, как прекратятся и встречи с властью; место писателей вокруг трона займут эстрадники и артисты, но пока до этого еще далеко...

Но ведь романтиками были не только вы, уважаемые депутаты. Романтиками были все мы. Все сознательное общество.

Вопрос А как одна 250-ая часть получилась?

Н.Б. Иванова

По количеству востребованного тиража. Потому что я делю один миллион, два миллиона с половиной экземпляров «Нового мира» на то, что сегодня представляет из себя тираж журнала «Новый мир». Или один миллион журнала «Знамя».

Реплика Сегодня есть Интернет.

Н.Б. Иванова

Нет, в Интернете совсем не такие цифры. Я могу сказать, какие цифры востребованности в Интернете.

Вопрос Вы сопоставляете их?

Н.Б. Иванова

Сопоставляю, так же, как и содержание выступлений депутатов. Конечно, я сопоставляю. На самом деле эта невостребованность говорит не только о том, что сегодня не появляются лидеры общественного мнения, которые поведут за собой общество. Я пессимист, потому что вижу, что общественного мнения как значимой силы нет.

Я верю социологам. Верю опросам. Верю тому, о чем свидетельствуют многие опросы в Центре Левады, который здесь представляет Алексей Левинсон. Мне кажется, что в этой ситуации 20-летие, о котором мы говорим, может быть сравнимо с 20-летием, тоже историческим, — 1917–1937. Это было тоже всего лишь 20 лет. То, к чему пришла революция, пожирающая своих детей, своих лидеров, было намного страшнее (государственный террор). Но сегодня, даже если этот террор направлен против единиц, то он тоже устрашает общество.

Здесь говорили о том, что сегодня в обществе нет никакого страха. Не могу никак с этим согласиться. Есть страх. Появился. Я вижу, как люди осторожно разговаривают, как они выбирают слова. Собственно, нет цензуры, — а вы посмотрите, как осторожно выбирают слова люди даже в одной, двух, трех газетах, на радио, как в редакциях ищут противовесы, когда рядом с писателем-либералом потом на следующий день обязательно будет выступать «анти» — демократ.

На самом деле, это же авторы слова к народу. Это та сила, которая прервала то, что называется «перестройкой». И на самом деле, если говорить образно, то ситуация возвращается. Она уже возвратилась. И это не реставрация — это реванш. Страна сейчас находится, конечно, в другом историчес-

ком месте. Но в каком? Может быть, это место гораздо более опасное, чем предполагали еще восемь лет тому назад, когда оставалось еще много иллюзий.

Расставание с иллюзиями, как мне кажется, никуда не вышло. Юрий Афанасьев говорил о той сложнейшей ситуации, в которой мы сегодня оказались. Но еще в 89-м году, тогда, когда проходил съезд, было видно, что раскол существует в обществе. Раскол не исчез — только расклад цифр меняется: 42 и 48, 52 и 58 процентов — это расколы ответов на общественные и политически значимые вопросы.

Не знаю, что можно со всем этим делать. И можно ли делать свое небольшое дело, открывать новые общественные организации? Что они могут сделать снизу, когда сверху существует пресс? Когда нет никакой возможности восстановить избирательную систему, потому что существует парламент, который не для того, чтобы думать, и выборы — не для того, чтобы выбирать.

Поэтому я, может быть, мечтала бы оказаться сейчас на минуту в том времени, чтобы прощупать, были ли альтернативные возможности развития нашей истории. Сегодня, на этом Круглом столе, все мы пытаемся это сделать.

Жизнь всегда поворачивает как-то неожиданно. Ожидать параллелей я не могу и не могу думать, что появится «новый Горбачев». Нет, это уже наше прошлое.

Поэтому я думаю, что еще два-три поколения будут ждать того, чего советская страна и общество дождались в 86-м году. Между 1956-м и 1986-м — как раз тридцать лет. Тот, кто увидит общество и страну в 2016-ом, скажет, права ли я в своих предсказаниях.

В сравнении с 1989 годом страна утратила литературоцентризм. Можно сказать, что в 1989-м она была маниакально страной слова. Читала, обсуждала, устраивала конференции, в том числе и заочные, — слово очень много значило. (Для тех, кто говорил — и внимал.) И, казалось, слово способно перевернуть — если не мир, то страну. Очистить ее, оздоровить, вернуть к нормальной человеческой жизни, к общечеловеческим ценностям (тогда это выражение звучало сверхреволюционно).

Конечно, вера в силу слова была чрезмерной. Пока одни, прекраснодушные «романтики» говорили, — другие, «реалисты», дело делали, не оповещая об этом «романтиков».

Именно поэтому «романтики» чувствуют себя сегодня обманутыми — и правильно чувствуют, они и есть обманутые.

В этом смысле для меня смерть Алеся Адамовича была не только реальной, но и символической. Он скончался от сердечного приступа на суде за имущество, которое делил Союз писателей.

В конце концов, к финишу 90-х литература и читатель разъедутся по разным квартирам. Собственно говоря, информацию о себе самом общество начнет получать из средств массовой информации, что, конечно же, хорошо и правильно; но и за красотой или даже развлечениями оно будет все меньше обращаться к книге, все больше — к пестрящему экрану ТВ. Тогда в конце 80-х этот процесс отчуждения литературы от читателя еще только намечался, не нарушая общего праздника реабилитации ранее запретного и наслаждения. Но литераторы — народ чуткий — уже заметили это отчуждение и загрустили.

Но Бог с ним, с утраченным литературоцентризмом! Утрачен — в сравнении с 1989-м — гражданский темперамент, если не само гражданское общество, которое к 1989 году очень быстро росло и структурировалось.

А.Г. Левинсон,
социолог

О том, что происходило в дни, когда работал Съезд народных депутатов, об этом могу рассказать по данным, которые собрал тогда Всесоюзный центр изучения общественного мнения. Хочу только сказать, что сама служба, сам социальный институт изучения общественного мнения в нашей стране появился (что вполне закономерно) практически одновременно с институтом электоральной демократии. И роль в появлении и того, и другого Михаила Сергеевича чрезвычайно велика. Он просто, что называется, стоял у истоков.

Хочу вам напомнить: Горбачев в свое время имел примерно тот же уровень поддержки, какой имеют наши нынешние

лидеры, (но только имеют как хронический рейтинг). У Горбачева тоже были когда-то свои 80 процентов.

Но к моменту, когда заработал съезд, пик популярности Горбачева был пройден. У Горбачева с российским обществом назрели достаточно серьезные расхождения.

Но не только между обществом и Горбачевым начались расхождения, они начались им между обществом, с одной стороны, и Съездом народных депутатов не как институции, а как собранием лиц — с другой.

Это стало видно из результатов тех экспресс-опросов, которые проводил ВЦИОМ в дни съезда. Мне довелось быть прямым участником этих событий. В частности, я был свидетелем того, как наш директор Татьяна Ивановна Заславская, которая была народным депутатом, предъявляла Михаилу Горбачеву результаты нашего опроса. Из них следовало, что пресловутое агрессивно-послушное большинство на съезде поддерживается меньшинством в обществе. А меньшинство депутатов, на тот момент вставшее в оппозицию Горбачеву, напротив, пользуется поддержкой большинства в обществе.

Что делает большую честь Горбачеву? — То, что он не только создал ВЦИОМ, судя по всему, для поддержки своих политических задач. Но когда ВЦИОМ не стал выполнять эту роль, а стал выполнять роль просто объективного зеркала, которое показывает, что происходит, Горбачев всего лишь отвернулся от него.

И все. Он охладил отношения с Заславской и перестал пользоваться нашими данными и оглашать их с трибуны и т.д.. Больше не произошло ничего. А ведь мы в это время находились на государственном содержании. Достаточно было полслова главы государства, чтобы мы государственного бюджетного финансирования лишились. Но этого не было сделано никогда!

Это, повторяю, делает честь Горбачеву. При этом, я должен с сожалением сказать, что опросы нашего центра или любого другого центра показывают, что популярность Михаила Горбачева в нынешнем обществе ничтожна. Точнее сказать, есть ощутимая отрицательная популярность у него, как и у Ельцина, до смерти Ельцина.

Как гражданин я считаю, что это величайшая несправедливость со стороны сограждан. Думаю, что она будет исправлена, но, к сожалению, она начнет исправляться только тогда, когда его не станет. При этом обращаю ваше внимание на то, что на так называемом Западе, в Европе — это один из самых уважаемых исторических деятелей.

Действительно, то, что сделано при участии Горбачева в глобальном масштабе, — это неимоверно много. В этом смысле там ему удалось столько, сколько и десятой доли не удалось здесь в стране, потому что здесь произошел в значительной степени откат. Все об этом говорят. А там точка невозврата была пройдена. И тем, что мир сейчас имеет (прежде всего, Евросоюз), он, в общем, обязан Михаилу Горбачеву. Или, по крайней мере, это не без его участия произошло.

И разница между тем, как относится европейское сообщество и наше к одной и той же политической фигуре, и показывает, какие разные векторы развития сейчас там и здесь.

Я считаю своим долгом сообщить, что думает, понимает и знает современное российское общество по поводу этого события, юбилей которого мы отмечаем: позитивная оценка, историческая оценка того, чем был этот съезд, и негативная имеют равный вес в нашем обществе.

И та и другая имеют вес не очень большой. Большой вес имеет ответ — «затрудняюсь ответить». То есть, в обществе нет мнения по поводу этого события. Причем, если посмотреть, у кого нет этого мнения, — это просто приводит в отчаяние. Потому что среди людей, которым сейчас будет исполняться 25 лет, и моложе, 60 процентов не знают, что сказать про этот съезд. Шестьдесят процентов!

Все другие суждения — одобрительные или, наоборот, неодобрительные — это по 10 процентов. Это социологическое ничто. Среди людей с высшим образованием ровно паритет одобрительных и неодобрительных оценок. При этом 20 процентов говорят, что Съезд оказал значительное влияние на развитие событий, и 21 процент говорит, что не столь значительное, как казалось тогда. И по 12 процентов — «решающее, переломное событие» или, напротив, вообще «не оказал зна-

чительного влияния». И даже среди людей с высшим образованием около трети не знают, что сказать.

Вот так работает механизм исторического забвения — не историческая память, а «забывательный» механизм. По нашим данным, собранным за последующие годы, видно, как исчезли следы этого съезда. Последнее, что оставалось в народной памяти, еще до начала 90-х, — это выступление Сахарова.

Почему? Потому что оно было связано с войной в Афганистане. Сахаров — это пример человека, второй, кроме Горбачева, который как бы личным участием запечатлел нечто в народном сознании. Сахаров первым назвал войну в Афганистане несправедливой. И хотя выступление Сахарова не вспоминают, сама эта оценка сохраняется до сих пор.

Никакой ура-патриотизм, который сейчас одерживает одну победу за другой, не может пока стереть этого отношения к войне в Афганистане. Как производное от него долгое время действовала негативная оценка Первой чеченской войны. Продолжала бодрствовать совесть нации, пробужденная усилиями Сахарова.

Я позволю себе сказать еще два слова о том, о чем здесь говорили многие, в том числе Татьяна Евгеньевна Ворожейкина. Я добавлю то, что говорят мои коллеги и в нашем центре. Почему мы совершили такой удивительный дрейф? По сути дела, его не совершила ни одна страна с похожей судьбой, с похожим дебютом, придя за эти 20 лет туда, куда мы пришли.

По всей видимости, к тем причинам, которые уже назывались выступавшими, надо добавить еще вот что. На что оперлся Горбачев, совершая крутой поворот?

Событиями и процессами 85–91-го годов был подготовлен некий класс, так сказать, кадровый резерв потенциальных политических деятелей, а также запас идей для них. Этим политическим ресурсом воспользовался именно Горбачев или те, кто шел с Горбачевым. Ресурс был подготовлен предыдущим периодом, начиная с диссидентского движения и до эпохи гласности.

Этот период имел свои институциональные инструменты в лице литературы, в лице толстых журналов, прежде всего. И подготовленный таким образом ресурс был предоставлен ин-

теллигенцией прежде всего в распоряжение всего общества. И им воспользовались сполна.

Когда возникла необходимость делать следующие шаги, оказалось, что в нашей стране просто ни у кого нет идей, что делать дальше.

Я хочу сказать, что этот кризис, кризис позитивных идей, привел к тому, что пошли в употребление исторически отработанные идеи государственничества, шовинизма и так далее.

И они оказались, на горе нам, институционально закреплены к сегодняшнему дню. А институционального закрепления идей либерального характера мы так и не увидели.

Д.С. Секиринский,
историк

Хотел бы вернуться к той очень важной проблеме, которую затронул Юрий Николаевич Афанасьев, ставя вопрос о том, не преувеличиваем ли мы значение Первого съезда?

Национальная история, как правило, очень избирательна. В качестве одного из наиболее ярких примеров этой избирательности можно привести отражение в историографии личности Александра Невского, фигуры малоинтересной для западных исследователей (да и современников тоже, о чем свидетельствует незначительное количество упоминаний о князе Александре в европейских хрониках), но в буквальном смысле символической и даже сакральной для национальной истории России. (Именно в таком качестве Александр Невский вызывает прежде всего интерес и на Западе, о чем свидетельствует появление в 2004 г. монографии немецкого историка Ф.Б. Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти: святой правитель, национальный герой (1263–2000)». В русском переводе книга вышла в 2007 г.)

Рассмотрение некоторых явлений отечественной истории через увеличительное стекло идеологических или политических пристрастий зачастую приводит к мифологизации исторической памяти, искажению исторической действительности. Чтобы избежать этого, полезно взглянуть на событие глазами иностранных современников: действительно ли рассма-

триваемое событие явилось столь значимым не только для нас, но и наших соседей?

Источники дают утвердительный ответ на этот вопрос. В силу известной близости Первого съезда народных депутатов СССР, как новообразования советской политической культуры, традициям западного парламентаризма, освещение этого события в американской печати и восприятие его общественным мнением США были особенно заинтересованными, а динамика процессов освещения и восприятия съезда в США отразила широкий спектр оценок, соотношение пессимизма и оптимизма в отношении всего реформаторского курса М.С. Горбачева и потенциала гражданского общества в СССР.

Первый съезд народных депутатов СССР, включая и период *концептуально-политической* (XIX Всесоюзная партконференция, июнь 1988 г.), законодательной (конституционная реформа 1 декабря 1988 г.) и организационной подготовки к введению этого института высшей государственной власти, образует сложный и противоречивый **феномен** социально-политической жизни, в котором старые советские традиции декоративной представительной демократии были заметно потеснены новыми перестроечными явлениями, зачатками парламентаризма.

Съезд народных депутатов СССР, начиная со времени подготовки конституционной реформы, стал своеобразным зеркалом динамики развития всего комплекса трансформационных процессов, обозначаемых именем Перестройки. На съезде не только обсуждалась самая жгучая проблематика в области социальной, экономической, межнациональной политики, международных отношений и т.д., но и происходило становление новой парламентской культуры, новых лидеров и т.п.

Выборы депутатов поначалу не воспринимались американскими наблюдателями как нечто новое, идущее наперекор традиционной «советской демократии». Куриальная система выборов дала основание некоторым обозревателям сравнивать съезд с «органом сословного представительства средневекового образца». Дэвид Ремник, корреспондент московского бюро «Вашингтон пост», наблюдавший за процедурой выдвижения и утверждения кандидатов, пришел к выводу, что

«общество еще не созрело» и «никто не был готов к [политическому] сопротивлению».

Вопрос, которым задавалось большинство наблюдателей из США, заключался в том, станет ли сСъезд представительством действительно «народных депутатов», или же он окажется очередной ассамблеей КПСС?

Однако результаты выборов, несмотря на то, что больше 80% избранных депутатов были членами КПСС, вызвали настоящий восторг в американской прессе. Причиной тому стали громкие проигрыши крупных партийных боссов. Ежедневник «Ю.С. Ньюс энд уорлд рипорт», оценивая результаты весенних выборов, писал: «Михаил Горбачев призвал своих соотечественников строить социализм нового качества на прошедших выборах. Избиратели так и сделали, однако, похоже, что в новом здании социализма Коммунистической партии они отвели очень маленькую комнатку». В общем и целом, результаты выборов обнадеживали тех, кто рассчитывал на установление демократии в Советском Союзе. По выражению российского историка В.В. Согрина, выборы на Съезд народных депутатов «стали началом мирной революции».

Первый Съезд стал своеобразным испытанием для М.С. Горбачева перед глазами американской общественности. Стремление Горбачева к демократизации советского общества вызывало у американских наблюдателей вопрос: «Стоит ли доверять Горбачеву? Ведь он вырос в этой [тоталитарной — Д.С.] среде, как он может понимать, что такое свобода?». Ежедневник «Newsweek» вообще полагал, что «демократия для Горбачева никогда не была самоцелью». Элвин А. Снайдер, бывший помощник президента Никсона, сотрудник ЮСИА (Информационное агентство Соединенных Штатов) писал, что политика гласности была призвана «воскресить марксизм-ленинизм с тем, чтобы придать ему легитимность на Западе и внести разлад в альянс демократических стран».

От того, какие позиции занял бы М.С. Горбачев на съезде, зависел и рейтинг его популярности в США. Американская печать обращала внимание на трудное положение М.С. Горбачева. «Лос-Анджелес Таймс» справедливо замечала, что Генеральный секретарь был подвержен критике как справа, так и

слева, и приходила к выводу, что он столкнется с противодействием обеих этих «сторон» на съезде. Сам съезд должен был стать ареной схватки между «консерваторами» и «либералами».

Американская пресса оценивала все происходящее на съезде сквозь призму противостояния «либеральных» и «консервативных» сил. В зависимости от того, в чью сторону склонялась чаша весов, менялся и характер оценок. При этом следует учитывать, что весы эти изначально имели дефект: у консерваторов был явный перевес. Поэтому в качестве успеха либералов рассматривалось скорее приближение их к относительному выравниванию политических весов.

Исходя из этого положения, можно наметить несколько реперных точек, в которых оценки американских наблюдателей претерпевали заметные изменения. Первой из них было открытие и первый день работы съезда. Именно в этот день прозвучали совершенно неожиданные и дерзкие заявления со стороны либерально настроенных депутатов. Статьи о первом дне работы съезда в американской прессе полны эпитетов «дерзкий», «невиданный», «смелый», «ошеломляющий» и т.п. «Лос-Анджелес Таймс» находила аналогии для сравнения «жизнедеятельности» съезда с миром фауны: «Если все законодательные органы власти, предшествовавшие съезду, были послушными домашними песиками, то новый парламент — настоящий Пит-Буль».

Однако когда стали известны результаты выборов в Верховный Совет, оказалось, что большинство либералов, таких как Ю.Н. Афанасьев, С.Б. Станкевич, Г.Х. Попов, были вычеркнуты из списков. Именно с этими лицами американские наблюдатели связывали дальнейшие шаги Советского Союза на пути к демократии. Кроме того, в Верховный Совет не попал Борис Ельцин — человек, которому оказали доверие более пяти миллионов избирателей. Этот эпизод стал второй реперной точкой. Характер оценок съезда в американской прессе изменился, стали чувствоваться нотки разочарования.

Третьей реперной точкой стал сюжет, связанный с самовыводом А. Казанника. Благодаря ему Б. Ельцин попал в ВС, а

съезд сумел реабилитировать себя в глазах американской прессы.

Четвертой реперной точкой стал эпизод, связанный с реакцией депутатов на выступление А.Д. Сахарова. После этого оценки съезда в американской прессе вновь качественно изменились. Наблюдатели из США не могли простить М.С. Горбачеву его пассивности, бездеятельности в этом эпизоде. Дж. Мэтлок, посол США, считал, что это был тот случай, «когда съезд чуть не дискредитировал себя». Кроме того, они были поражены «дикостью» основной массы депутатов. Именно эпизод, выявивший отношение большинства депутатов к А.Д. Сахарову, во многом predetermined общие оценки съезда американскими наблюдателями.

В последние дни работы съезда ряд обозревателей стал сомневаться в способности М.С. Горбачева сохранить целостность Союза. По мнению некоторых из них, распад СССР — неминуемый факт, а «Лос-Анджелес Таймс» даже полагала, что это может произойти в течение нескольких месяцев.

Первый съезд стал переломным для образа Михаила Сергеевича в США. Несмотря на то, что американская пресса продолжала видеть в Горбачеве единственно возможного лидера СССР, его яркий реформаторский образ, распространенный прежде в американской прессе, заметно потускнел.

Оценки, данные прессой США итогам двухнедельной сессии Первого съезда народных депутатов, были неоднозначны. С одной стороны, в них чувствуется разочарование: после столь многообещающего и непредсказуемого начала американские наблюдатели, по-видимому, ожидали не менее яркого и обнадеживающего завершения съезда. Однако, как заметил Билл Келлер, обозреватель «Нью-Йорк Таймс», «смесь неожиданных заявлений и предсказуемых дел» стала главной отличительной чертой съезда. С ним соглашался еженедельник «Ю.С. Ньюс энд уорлд рипорт»: «Что бы ни говорили про шокирующую демократию [на Съезде], результаты мало отличаются от советской политической традиции». По мнению «Лос-Анджелес Таймс», съезд не решил «глобальных» проблем, «переложив их на Верховный Совет». К числу «глобальных» проблем, автор, статьи относил установление свободных рыночных от-

ношений и введение многопартийной системы. «Ю.С. Нью энд уорлд рипорт» резюмировала итоги съезда следующим образом: «Несмотря на то, что съезд поднял много пыли и грязи, ему еще очень далеко до идей демократии в западном понимании этого слова». «Нью-Йорк Таймс» с сожалением замечала, что все ключевые государственные должности заняли старые лица.

В то же время «Лос-Анджелес Таймс» писала, что это только «начало развития парламентаризма», которое «современные нации переживали десятки, если не сотни лет». По ее мнению, съезд стал «эпохальным событием» на трудном «пути к демократии». Люди впервые получили возможность «говорить открыто, зная, что они будут не только услышаны», но и смогут «произвести определенный эффект» на публику. Ведь критике была подвергнута сама природа советской политической системы, что вызвало «шок у консервативного крыла» Коммунистической партии. Обозреватель «Ньюсуик» Фред Коулмэн, сравнивая съезд с предыдущими представительными и законодательными органами Советского Союза, приходил к выводу, что он «стал настоящей парламентской революцией». Такого же мнения придерживался Дэвид Ремник из «Вашингтон пост», охарактеризовавший работу Первого съезда как «говорливую революцию» (talking revolution). Главное достижение работы съезда, по единодушному мнению большинства американских газет и журналов, — это «политическое пробуждение» советских граждан.

Несколько слов об уроках съезда. В выступлении Т.Е. Ворожейкиной прозвучал тезис об ошибочном сравнении Д.А. Медведева с М.С. Горбачевым. Я полностью согласен с Татьяной Евгеньевной: подобные сравнения не имеют значительных оснований.

Тем не менее между годом 1989-м и годом 2009-м можно найти некоторые аналогии. Выборы 26 марта 1989 г. в крупных городах выявили яркую тенденцию: чем упорней администрация противилась выдвижению того или иного альтернативного кандидата, тем больше сочувствия у избирателей он вызывал, и чем активнее КПСС поддерживала того или иного кандидата, тем с большим треском он выборы проигрывал. А теперь об-

ратите внимание на региональные выборы весны 2009 г.: мы видим с вами похожую картину. Часть кандидатов от «Единой России» предпочитали не афишировать свою принадлежность к правящей партии, старались строить свою предвыборную кампанию вне устоявшейся за последние годы формулы успеха «Путин-Партия-Местный кандидат». Более того, некоторые кандидаты накануне выборов заявили о своем выходе из партии. Конечно, подобные аналогии носят скорее частный, чем системный характер.

Закончить мне бы хотелось словами Майкла Паркса, корреспондента «Лос-Анджелес Таймс», который подвел весьма оптимистичный итог работы Первого съезда народных депутатов СССР: «Все в руках советских граждан. Им решать, кем им быть».

С.А. Ковалев,
правозащитник

Несколько реплик, которые я не стану доказывать. Первая — это прискорбное, довольно распространенное заблуждение, — будто произошла серьезная политическая эволюция нашей страны. Нет, было отклонение от общего курса — мы все его помним. А теперь мы опять в Советском Союзе, только не в горбачевском и, к счастью, не в сталинском, а в усовершенствованном брежневском. Доказывать это даже не нужно.

Теперь относительно страха. Я совершенно не согласен с Николаем Петровичем Шмелевым, что страх ушел. Он есть. Он некоторое время уменьшался. А теперь есть очень серьезный страх. Я бы сказал, что общество теперь делится на традиционно трусливое русское общество и героев.

Я назову тех и других. И это связано с нашими выборами, например, это очень характерная вещь. Я в конце 2007 года много ездил по стране в связи с выборами и тысячу раз сталкивался со следующим. Некто рассказывает о давлении тех, кто осуществляет административный ресурс. Я говорю: «Нну, хорошо, давайте опубликуем это». Ответ: «Дда ты что? Ты-то уедешь, а мне-то здесь жить. Нет, ни в коем случае».

А кто же герои? Герои — это люди, которые осуществляют электоральную процедуру. Заметьте, между прочим, если по-

считать избирательные комиссии, то на разных уровнях набирался минимум полмиллиона человек. А если еще прибавить сюда тех, кто осуществляет административный ресурс, то их в совокупности куда больше миллиона. Вот они герои. Они не боятся совершать тяжкое преступление. Не боятся наказания за это преступление. Они боятся не совершить это преступление, если будет предложено. Вот это бесстрашие.

У них страх не перед законом, в котором записаны санкции за нарушение избирательного законодательства, а страх перед теми, кто приносит им контрольные цифры. Те самые контрольные цифры, которые дали в Чечне 99,5% явку избирателей и 99,4% за «Единую Россию». Значит, на остальные 10 партий — ровно 0,1 процента.

Теперь достаточно часто многие, и я в том числе, вспоминают четыре имени (на самом деле таких имен гораздо больше). Эти имена: Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Андрей Сахаров, Михаил Горбачев. Это те люди, которые очень энергично говорили о необходимости глобальных перемен, о необходимости нового политического мышления. Каждый из них и еще из многих других, кто тоже за это ратовал, понимают это чуть по-своему — вообще никто не формализовал этих понятий. Но на самом деле, ясно, что это призыв к отказу от традиционной политики, блестяще описанной Макиавелли. И это серьезное отношение к тому, что называют универсальными ценностями. К несчастью, сдвигов в этом направлении нет.

Последний мой тезис относится к неким фантазиям. Что такое Перестройка, как она начиналась и осуществлялась? Ведь это был безумный шаг. Где мог осуществлять реформы новый хозяин страны — новый Генеральный секретарь? — Конечно, через свою партию, Политбюро. И он не хотел лишать эту партию власти, он хотел укрепить ее. Он хотел реформировать КПСС. Вспомним: Генеральному секретарю, а тогда уже кажется президенту, не удалось дозвониться из Вильнюса, где бесчинствовали советские танки. Знаменитые саперные лопатки в Тбилиси. Таких эпизодов можно набрать достаточно много.

Моя фантазия состоит в следующем: провозгласить новое мышление просто, а работать-то в рамках реал-политик,

традиционной политики надо было в этом Политбюро, в отчаянной и злобной атмосфере, и Горбачев был вынужден действовать в рамках реал-политик.

Думаю, что наша советская поначалу, потом русская мирная революция сверху могла состоять в разрешении глобальных проблем, в нашем вкладе в преодоление глобального политического кризиса. На это был нацелен Сахаров и, полагаю, Михаил Сергеевич Горбачев довольно многое в это внес, многое сделал. Вот, увы, партнерство Сахарова и Горбачева не состоялось.

Хотя когда говорят о партнерстве реформаторов и демократов, то у меня всегда возникает вопрос: а кто это такие демократы? Я не взялся бы определить как демократов тех, кто самоназвался этим именем.

В.Б. Кувалдин,
политолог

Не играя в прятки, начну с двух риторических вопросов. Первый. Можно ли было осуществить те преобразования, которые начал Михаил Сергеевич без насилия и крови? Для меня сегодня ответ очевиден: нет, нельзя. Это просто невозможно. Государство, власть для этого и существуют. Это орудие легитимного (подчеркиваю) насилия. И кровь бы пролилась неизбежно. И не 20 повешенных в Сумгаите, а гораздо больше, если бы Горбачев был готов человеческими жизнями оплатить успех начатых им преобразований.

И второй, тоже достаточно риторический вопрос. Что важнее: сохранение государства или развитие демократии? Для меня ответ очевиден: сохранение государства. Нет государства — негде развивать демократию. Опять же, создание нового государства поглощает жизненную энергию, необходимую для развития демократии.

А сейчас позвольте вернуться на 20 лет назад и вспомнить то удивительное время. Чем для меня был и стал впоследствии Первый съезд народных депутатов СССР? Я готов подписаться под каждым добрым словом, сказанным здесь в его адрес. Это всё правда. Только это не вся правда.

Сегодня в моем сознании Первый съезд все больше предстает цистерной бензина, вылитой в разгорающийся костер, после чего процессы, называемые перестройкой, все более приобретали неуправляемый характер. Почему? Давайте вспомним. К этому моменту экономическая реформа явно пробуксовала, положение в стране ухудшалось. Это не моя оценка; откройте документы Политбюро. Это оценка Михаила Сергеевича, данная в те дни. Он прямо говорит: «Положение у нас сейчас хуже, чем в 85-м году». Тогда спрашивается: зачем начинали перестройку, если людям в 89-м году хуже, чем было в 85-м?

Здесь было сказано и, по-моему, справедливо, что надвигалась экономическая катастрофа. Со своей стороны могу добавить, что надвигалась и политическая катастрофа. Прошло более года, как взорвался Карабах. За полтора месяца до съезда — трупы в Тбилиси. Из Средней Азии изгоняют турок-месхетинцев. Прибалтика движется к выходу из Союза. Союзное государство начинает трещать по швам, и на федеральное руководство надвигаются очень неприятные вопросы: мы что, возвращаемся назад, за линию Кавказских гор? Если да, то что будет с Северным Кавказом? Ответы и решения могут быть разными, но от этих проклятых вопросов не уйти.

Еще один вопрос того же порядка: что делать с Прибалтикой. Если мы не уходим, то, значит, используем силу, внутренне готовы к крови и смерти. Здесь тоже возможны варианты и нет ясного ответа. Такова первая линия напряжения.

Есть и вторая. То, о чем здесь говорил Михаил Сергеевич. Именно в результате выборов на съезде произошел раскол лидера с правящим классом. Я не считаю, что он был неизбежным. Партийная, хозяйственная, советская номенклатура, по крайней мере ее наиболее продвинутая или наиболее циничная часть, могла пойти достаточно далеко. Как далеко она могла бы уйти, мы увидели после 1991 года. Но раскол советской элиты произошел в критический момент перестройки. И, естественно, стал еще одним гвоздем, вбитым в ее гроб.

Третий элемент напряжения порожден самим съездом. Быстро углубляется раскол в стране. Раскол на обновленцев и традиционалистов. Сильно огрубляя, можно сказать, что две

столицы и мегаполисы против российской глубинки. И это тоже выбивало почву из-под ног перестроечного руководства. Столицы радикализируются, в провинции еще крепок традиционализм, а реформаторы повисают в воздухе.

И четвертое. Здесь это тоже упоминалось: была создана в сущности неработающая модель политического управления страной. Мы переходили от очень жесткой тоталитарно-авторитарной системы к новым формам политической организации. На этом крутом повороте нас сразу бросило даже не в президентскую, а в парламентско-президентскую республику сомнительного качества, что, конечно, было предельно опасно в условиях столь радикальных перемен.

Следует ли из этого, что в период Первого съезда выхода не было? Мы были обречены. Кстати говоря, Виктор Леонидович, я считаю, что Пятый съезд был политическим трупом еще до того, как он собрался. Он стал политическим трупом после 21 августа. Поэтому Пятый съезд был просто ритуальным действием.

Но означает ли это, что все было проиграно еще на Первом съезде? Нет, конечно. Но цена успеха горбачевской реформации после Первого съезда резко возросла. И эту цену надо было платить самой дорогой политической валютой — насилием, кровью, человеческими жизнями. Отныне иначе было не удержать перестроечный курс.

И, наконец, ещё два «предлагаемых обстоятельства», о которых мы тогда знать не могли, но которые проявились очень скоро. Это крах «реального социализма», постепенное осознание Горбачевым, что государственный социализм изжил себя, он бесперспективен, тупиковая ветвь развития. Ведь если вы прочитаете его выступления ещё весной 1989 года, и даже не выступления, а то, что он говорил на обсуждениях в Политбюро, то увидите, что он еще настроен на социалистическую волну. Он еще спасает социализм в СССР и в мире.

Подвожу итоги. Мне кажется, что они не так ужасны, не так печальны, как следует из некоторых выступлений. Я не согласен с теми, кто считает, что мы вернулись в советское время. Мы не слишком преуспели в становлении демократичес-

ких институтов. Но каким бы ни было наше общество со всеми его страхами и фобиями, сегодняшняя Россия — гораздо более свободная страна, чем она была до Горбачева, до 1985 года.

Что из этого следует? Вопрос о демократии очень важен, принципиально важен. В исторической перспективе это вопрос о сохранении страны. Он очень важен, но сегодня не главный. Главный вопрос о модернизации страны. Мы теряем население и скоро будем не в состоянии удержать доставшееся нам по наследству огромное пространство. У нас нет ни одной приличной дороги, ни одного современного аэропорта. У нас деградируют здравоохранение и образование. И здесь говорилось о том, что происходит с нашим промышленным потенциалом и с нашей наукой.

В глобальном обществе XXI века, в условиях жесткой конкуренции с нами цацкаться не будут. И нам наши сказочные богатства просто так не оставят. Можем ли мы успешно пройти путь модернизации? Можем и обязаны. Ведет ли к цели единственная дорога, через форсированное развитие демократических институтов? Нет, это не так. Например, восточные азиаты идут другим путем.

Из этого вовсе не следует, что я полагаю, что надо было попытаться повторить китайский опыт. СССР его повторить просто не мог. Надо искать свою дорогу. И проблему развития не надо превращать в самоцель. Основной критерий — сбережение и укрепление народа.

С этой точки зрения есть ли какая-то надежда на перемены к лучшему? Думаю, что есть. Власть, правящий режим, не надо их недооценивать. Для того чтобы удержаться и удержаться прочно, они должны следовать основному инстинкту страны. Сегодня основной инстинкт — это инстинкт частного человека, инстинкт потребителя, инстинкт собственника. Да, есть надежда на нефть и нефтедоллары. Но, как мы могли убедиться за прошедший год, эта надежда достаточно хлипкая. Если власть хочет чувствовать себя уверенно, она должна больше думать не о себе, а о других.

В.В. Игрунов,

политолог, депутат Государственной Думы РФ с 1994 по 2003 гг.

Я хотел бы продолжить в русле выступления Виктора Кувалдина, потому что согласен с ним едва ли не больше, чем с Татьяной Ворожейкиной, хотя их выступления были существенно отличны.

Многие говорили о том, что Съезд народных депутатов явился переломным пунктом, после которого политическое развитие приобрело существенно иной вектор. На мой взгляд, также то, что мы имеем сейчас, политическая и социальная реальность, которая никого из нас удовлетворить не может, является следствием эволюции, произошедшей в нашем обществе, вследствие Съезда народных депутатов. Это закономерный и естественный его результат. Однако я не могу считать съезд поворотным пунктом. И хотя можно согласиться с Виктором Кувалдиным, что это событие оказалось бочкой бензина, вброшенной в костер, но следует заметить: костер уже полыхал. Сам съезд был продолжением той логики, в которой развивалась страна в конце 80-х.

Так уж случилось, что сегодня случайно в этом зале я неожиданно встретил девушку, которая чуть больше 20-ти лет назад, в феврале 89-го года, помогала мне ориентироваться в массовой демонстрации и множестве мероприятий, приуроченных к празднованию независимости Литвы. Утром 16-го мы двигались, едва переставляя ноги, в невероятной толпе, опьяненной свободой. То, что я видел и слышал, потрясло меня. Я сказал себе: Советского Союза больше нет. Или здесь завтра будут танки, или СССР больше не существует. Вечером мы поехали в Каунас на заседание Сейма «Саюдиса», аранжированного в духе Сейма независимой Литвы. Танков не было.

Не знаю, что меня волновало больше — горечь от исчезновения Советского Союза (а я с этой минуты был уверен, что он исчезнет, и очень скоро), Советского Союза, который был моей Родиной, который остается моей Родиной (я и сейчас остаюсь советским человеком), или радость от того, что танков нет? Очень не хотелось танков.

Съезд народных депутатов уже формировался в логике распада, и я не думаю, что можно было что-то существенно изменить. Катастрофа случилась раньше. Она заключалась в выборе стиля трансформации в стране, к этой трансформации не готовой.

Я помню свое страшное беспокойство того времени. Было ощущение, что из-под советского мироздания вытащили фундамент, и оно рухнет на твоих глазах. Идя сюда, я достал из своего архива статью, заказанную мне «Веком XX-ым» в 1987 году. Главный вопрос, который там ставился, — сможем ли мы избежать катастрофы? Но эта статья так никогда не была опубликована — она вызывала раздражение у демократических деятелей, определявших тогда атмосферу в этом журнале, да и в других рупорах Перестройки. Я помню, как мой друг М.Я.Гефтер, прочтя предостережение о революции, сказал мне: «Посмотри в окно — где ты видишь революцию? Ничего не меняется!» И эта слепота поразила множество ярких и образованных людей, которым предстояло творить историю. Во время съезда слепота соединилась с экзальтацией. Было страшно наблюдать, куда движется страна. Я тогда работал над тем, чтобы сохранить то, что еще можно было спасти, но собственное бессилие было очевидно, и я оставил политическую деятельность на целых два года.

Но было бы ложью сказать, что Съезд народных депутатов приносил только огорчения или даже — главным образом огорчения. 89-й год и Съезд народных депутатов для меня — это и пик счастливого участия в общественном движении, в общественной жизни. Такого удовлетворения от своей активности я не испытывал ни до того, ни после того. Сознание, что ты, обыкновенный человек, дожил до событий исторического масштаба и можешь сам повлиять на их динамику, заставляло работать на пределе возможностей. Аналогичные чувства породили всплеск активности многих и многих людей, которой хватило еще на десятилетия.

Здесь Юрий Николаевич Афанасьев сказал, что есть две ипостаси происходивших тогда событий. Одна из них — это нравственная революция, некое нравственное очищение, которое происходило в связи со съездом. А вторая — это поли-

тическая логика, политическое развитие. Я не думаю, что можно противопоставлять две эти ипостаси. Личностное измерение — нравственная революция, возникновение веры в собственную субъектность — были составляющими той политической логики, которая вела к распаду государства и разрушению социальной ткани. Проблема заключается в том, что избранный путь трансформации был неадекватным реальностям страны, неадекватен возможностям общества. В стране не было политического класса, который бы понимал законы развития общества, законы функционирования реального государства. И чем активней включались в процесс перестройки лидеры общественного мнения, тем опасней становилась ситуация. Хочется вспомнить евангельское: «Они слепые поводыри слепых. Если же слепой поведет слепого, оба упадут в яму». А когда в процесс трансформации было вовлечено огромное число, общественное движение стало массовым, так сразу мы оказались на грани слома государства и упадка государственности. Я работал во время выборов с демократическими кандидатами и участвовал и в создании Межрегиональной депутатской группы. И я видел, как представители МДГ не были готовы к диалогу. Они точно так же не были готовы к диалогу, как не были готовы Михаил Сергеевич Горбачев, Лукьянов и другие политические лидеры.

Движение к разрушению государства было совершенно очевидно. С одной стороны, осознанный и неосознанный радикализм сторонников перемен не позволял входить в положение того человека, который должен руководить всеми этими целенаправленными процессами, которому приходилось сталкиваться со множеством проблем, о многих из которых радикалы даже не имели представления. Михаил Горбачев для Межрегиональной группы в какой-то момент стал чуть ли не врагом №1. Должен вам сказать, что эмоционально я тоже был вовлечен в это. Никогда так критически я не относился к Горбачеву, как в мае 1989 года. Потому что и Михаил Сергеевич Горбачев также не оказался на той высоте, которая позволила бы ему вступить в равноправный диалог со своими сторонниками. Он не видел в них партнеров. Он не нашел способа сохранить минимум согласия в элите. И это не его вина — нетерпение и вызванное им стремление к конфронтации были едва ли

не всеобщими, а преодоление стереотипов партийного руководства требовало времени.

Я много писал. Я пытался обращаться не только к Михаилу Сергеевичу Горбачеву (увы!, у меня, маленького человека, не было никаких шансов достучаться), но и к Межрегиональной депутатской группе — никто не хотел слышать критику. Люди, вовлеченные в политический процесс, в тот момент точно знали, что надо делать. Они были убеждены в своей истине. Это сейчас, 20 лет спустя, некоторые из них критикуют свою позицию, высказывают другие точки зрения. Но тогда они как ошалелые кони, рвались вперед к краю пропасти и не давали себе труда услышать останавливающих или осторожных возгласов, у них не было внутренних сомнений, они не задумывались над тем, что происходит. У них не было исторической мудрости, чтобы сделать правильные выводы, даже если бы они готовы были к рефлексии.

Увы, предыдущие десятилетия советской власти выкосили в стране тех, кто мог бы думать и поступать иначе. Они уничтожили интеллектуальную атмосферу и слой людей, которые могли бы быть адекватными беспрецедентному вызову. Ни с той, ни с другой стороны, а по большому счету, вообще в обществе не было никого, кто мог бы в открытом диалоге квалифицированно и ответственно решать проблемы страны. То, что произошло, было неосознанным, но естественным выбором советских людей. И другого выбора быть все равно не могло, потому что другой выбор, типа китайского, подготовленного Дэн Сяопином, означал бы только продление застоя: советская номенклатура не готова была к радикальным реформам, а потому консервативные инструменты обеспечили бы только оттягивание момента крушения системы. Крушения тем более устрашающего, чем дольше его пришлось бы ждать. Для китайского пути нужен Дэн Сяопин и та интеллектуальная государственническая элита, которая есть в Китае. В России ее не было. И этот путь был закрыт для Советского Союза. С Советским Союзом случилось то единственное, что и могло случиться. И Съезд народных депутатов в этом крушении неповинен. А многое из того, что было принесено в наше общество, благодаря съезду, обладает непреходящей ценно-

стью. Рано подводить итог этому грандиозному событию. Его масштаб станет понятнее на большем историческом расстоянии.

А.В. Рябов,
политолог

Трудно выступать после участников «круглого стола», которые были непосредственными акторами процессов создания новых политических институтов в годы перестройки. Поэтому я остановлюсь на несколько иных аспектах политических изменений как в нашей стране, так и за ее пределами, непосредственно связанных со съездом.

Очевидно, что Съезд народных депутатов СССР в 89-м году стал переломным пунктом в эволюции, в начале трансформации общественной системы, которая обычно называлась «советским блоком».

Очевидно, не случайно, что именно после Первого съезда через несколько месяцев пала Берлинская стена и произошли «бархатные» революции в странах Восточной Европы, которые кардинально обозначили совершенно иную модель трансформации по сравнению с той, что намечалась в Советском Союзе, — трансформации с иной идеологией, с другими институтами.

Съезд стал рубежом, после которого обозначились три возможных модели трансформации. Процесс их складывания, конечно, начался раньше, но после съезда можно уже было говорить о существовании разных моделей. Во-первых, это была «дальневосточная», если быть точными, китайско-вьетнамская модель трансформации. Она предполагала проведение глубоких, но одновременно постепенных, растянутых на длительный период социально-экономических реформ при отсутствии политических перемен, которые откладывались на далекое будущее. Во-вторых, это восточноевропейская модель. Она предусматривала сначала осуществление кардинальных изменений политической системы, а затем экономические реформы.

Съезд же народных депутатов обозначил старт формирования третьей модели. Она свелась к попытке одновременных

перемен, как политических, так и экономических. Так, после съезда началась политическая трансформация советской системы, осторожная, непоследовательная, но все-таки четко обозначившая дальнейший вектор развития. Экономические реформы, также противоречивые и непоследовательные, начались еще до съезда и продолжились после него.

Я знаю, что существует такая точка зрения, согласно которой, дескать, вообще никаких рыночных реформ в годы перестройки не было. Это не так. Формирование основ частной собственности, рыночных отношений, негосударственных экономических институтов, состоялось именно в тот период.

До сих пор специалисты по межсистемным трансформациям спорят о том, а какая же модель наиболее эффективна? Однозначного ответа на этот вопрос до сих пор нет, поскольку нет надежных инструментов верификации, научной проверки правильности той или иной версии. Ясно только одно, что та модель, которая стала формироваться после Первого съезда в плане реализации конечных целей, оказалась неудачной. Она была прервана из-за воздействия целого ряда неблагоприятных политических и экономических факторов еще на ранних стадиях демократизации. Так и не осуществленной оказалась социально-экономическая и технико-технологическая модернизация страны.

Каковы причины этой неудачи? Наверное, здесь целый комплекс причин. Некоторые из них уже затрагивались на сегодняшней конференции. И все же анализ этих причин требует большого самостоятельного и междисциплинарного исследования. А ныне же мы можем высказывать отдельные предположения, версии, поделиться наблюдениями по этому поводу.

По-видимому, было две группы причин неудачи трансформации в Советском Союзе. Первая группа — это институциональные причины. О них сегодня довольно много говорили. Я лишь добавлю несколько тезисов. Вторая группа причин была связана с деятельностной стороной политики — с формированием блоков и коалиций, что очень важно для трансформации.

Что касается институтов, то в аналитическом дискурсе широко представлена точка зрения, утверждающая, что реформаторами была выбрана ошибочная институциональная модель. Под этим имеется в виду, что съезд, как орган, работающий на непостоянной основе, был малоэффективным, напоминавшим некое новое издание народного вече, где каждый говорит о наболевшем, прежде всего, о собственных проблемах, но где невозможно конструктивное взаимодействие между разными группами. Такой орган не был приспособлен к планомерной систематической работе над созданием нового законодательства. А в тени съезда оказался профессиональный парламент — Верховный Совет, который так и не смог стать настоящим парламентом под давлением нависшей над ним громоздкой и малоэффективной конструкции. Сторонники такой точки зрения утверждают, что нужно было бы с самого начала строить подлинный профессиональный парламент. Мне же думается, что этот путь был реален для стран Восточной Европы, где имелся опыт парламентаризма, были живы еще носители этого парламентаризма, его политической культуры и многое-многое другое, необходимое для нормального функционирования парламентской модели.

В России же, в бывшем Советском Союзе ничего этого не было. Поэтому все попытки задействовать опыт и потенциал российского парламентаризма начала XX в. оказались безрезультатными. Это не случайно. За 70 лет Советской власти, историческая память о нем в народном сознании, его носители бесследно исчезли.

Поэтому, по-видимому, нельзя было обойтись без какой-то переходной конструкции. И я бы даже не со всей уверенностью сказал, что в эту переходную конструкцию был задействован лишь советский опыт. Да, формально идея Съезда народных депутатов была позаимствована из старых советских конституций 1918-го и 1924-го годов.

Но если глубже покопаться в российской истории, то можно прийти к выводу о том, что нечто близкое предлагала в 1918 году партия эсеров. Я имею в виду Совета, всея Земли как «надпарламент», то есть такой орган, где не только представляются определенные позиции, имеющиеся у разных об-

ществующих групп, но и формируются, складываются в результате дискуссий и обмена мнениями стратегии власти в отношении основных направлений развития общества. В то же время такая концепция предполагала, что над законами работает профессиональный парламент.

По моему мнению, подобная переходная конструкция, олицетворением которой был съезд, на переходный период была вполне логичной для такого типа общества, которое сложилось в Советском Союзе к концу 80-х гг. прошлого века.

Но есть и иной взгляд на причины неудачи политической трансформации в СССР. Согласно этой позиции, институциональная схема перемен, в центре которой был съезд, в целом была приемлемой. Но вот последовательность политических реформ была неверной. Надо было сначала реформировать низовые, базовые институты, самоуправление, потом местную власть, затем республиканскую и лишь в финале процесса — союзную. Но поскольку это было не сделано, на практике получился перманентный конфликт интересов между всеми этими уровнями, и, в конечном итоге, наступил полный паралич власти.

Однако если мы трезво и объективно посмотрим на состояние советской экономики и советского общества в тот период, то без особого труда придем к малоутешительному выводу о том, что едва ли бы существовавшая государственная машина позволила на этом низовом уровне закрепиться и успешно развиваться институтам демократии. Без поддержки, даже моральной, со стороны реформ наверху, попытки преобразований внизу просто захлебнулись бы.

Поэтому выбор Горбачева и его команды был правильным — начать политические реформы с самого верха, чтобы придать определенную устойчивость и динамику переменам.

Я не буду оригинальным, сказав, что главная институциональная причина неудачи политической трансформации в СССР состояла в том, что реформирование главного института советской политической системы — КПСС началось слишком поздно и явно отстало от реформирования государственных институтов. Это произошло тогда, когда спасти прежнюю систему от коллапса уже было не возможно.

По-видимому, реформа институтов государственной власти должна была осуществляться параллельно с реформой партии, о которой Михаил Сергеевич говорил уже применительно к 91-му году, когда этот вопрос был уже разработан и стоял на повестке дня Пленума ЦК, назначенного на август этого года. Скорее всего, если говорить об институциональной причине неудачи политической трансформации в бывшем СССР, то искать ее надо здесь.

Что же касается политики блоков и коалиций, очень важной для успеха трансформации, то я считаю, что окно возможности для такой политики было. Поскольку сегодня в дискуссии был сформулирован тезис о том, что для успеха политических реформ не хватило коалиции между демократическим движением и реформаторской частью номенклатуры, я считаю целесообразным уточнить этот термин. На мой взгляд, он неточен, или имеет слишком общее звучание. Реформаторская часть номенклатуры на самом деле, разделалась на два совершенно разных течения. Одно было связано идеологически с мощным интеллектуальным освободительным движением 60-х годов, которое реально нацеливалось на некие общенациональные цели трансформации — строительство гуманного социализма «с человеческим лицом». Можно бесконечно спорить, насколько оправданной была постановка таких целей в конце 80-х гг. Но этот вопрос — за пределами нынешней дискуссии. Вторая же часть реформаторской номенклатуры — это та самая, которая была гениально предсказана, а затем и описана некоторыми философами и социологами. Последним в их ряду был Лев Троцкий с его книгой «Куда идет СССР?» («Преданная революция»). Эта часть номенклатуры не ставила перед собой каких-то общенациональных гуманистических целей. Она мечтала о быстрой конвертации в результате реформ своей власти в частную собственность и превращении в новый правящий класс собственников. Однако реальный процесс оказался другим, по сравнению с тем, о чем писал Троцкий. Они и собственность получили, и власть сохранили, сделав ее фактически несменяемой, без помощи КПСС и ее институтов.

Этот «диссонанс» между институтами, конфликты между разными интересами в многосоставном обществе, которым был Советский Союз, позволил этой части номенклатуры, которую ошибочно и демократы, и настоящие реформаторы внутри КПСС в течение долгого периода принимали за «своих», за сторонников преобразований, реально перехватить не только политическую инициативу, но со временем захватить и ключевые политические, экономические и административные ресурсы страны, обеспечив себе полное доминирование в российской политике вплоть до нынешнего периода.

Один из главных уроков периода конца 80-х (их, безусловно, много) заключается в том, что для России до сих пор актуальна задача создания эффективных институтов. Сильные и стабильные институты не удалось создать тогда. Их нет и до сих пор. В нынешней политической системе прописан конституционно только один институт — институт президента. Все остальное — это некие фантомы, которые в зависимости от конъюнктуры, от влияния личностного фактора могут быть сильными и слабыми или вообще декоративными.

Проблема состоит не в том, что институты сложно придумать, а в том, что та самая часть номенклатуры, которая получила и власть, и собственность, и ее союзники из новых социальных групп, фактически составившие новую коалицию победителей, не заинтересованы в сильных институтах.

Нынешняя система, при которой наверху находится Верховный арбитр и в ручном управлении решает, как нужно поступать, кому отдать собственность, как разрешить тот или иной верхушечный конфликт, вполне соответствует интересам этой коалиции. Следовательно, запрос на сильные институты может прийти только со стороны общества. И это будет неразрывно связано с утверждением власти закона, права, процедуры, то есть сущностей, которые обычно отождествляют с понятием правового государства.

В завершение, еще один тезис. Мне кажется, что еще одна причина неудач конца реформ 80-х гг заключалась в том, что в позднем Советском Союзе возникло очень развитое потребительское общество, по крайней мере, в крупных городах. Но не гражданское. Потребительское общество, очень

скоро реализовав в ходе реформ те или иные цели или безуспешно попытавшись реализовать их, быстро отошло от активного участия в политике. И вполне, как показало дальнейшее развитие событий, вписалось в новые, в том числе и сегодняшние, реалии. Поэтому для осуществления поступательных перемен нужно рождение нового общества, которое, оставаясь потребительским, в то же время стало бы сильным гражданским обществом.

1989–2009: ПУТИ ЕВРОПЫ

Вступление

Ольга Здравомыслова,
Горбачев-Фонд

Во всем мире и, конечно, в первую очередь, в Европе проходят сейчас многочисленные мероприятия, посвященные 89-му году. Их организуют и в них участвуют официальные власти и гражданское общество. 89-й год — история и современность, одновременно. Два прошедших десятилетия вместили в себя события, которые резко изменили общественное устройство стран Центральной, Восточной Европы, России и затронули самые глубокие пласты повседневной жизни людей, их ценности, нормы поведения, жизненные стратегии.

Если имеет смысл подводить промежуточные итоги, то, в первую очередь, надо сказать о том, что перемены, начавшиеся в 89-м, раздвинули исторические горизонты: «старые» и «новые» европейские страны, и Россия оказались перед выбором своего пути. Конечно, это налагает большую ответственность на политиков, интеллигенцию, гражданское общество — на все силы, действующие в сегодняшней Европе, определяющие ее настоящее и будущее

Этот Круглый стол проекта «Горбачевские чтения» организован нами совместно с Международным обществом «Мемориал» и Фондом имени Генриха Бёлля, отметившим 10-летие своей успешной работы в России.

Александр Даниэль,
Международное общество «Мемориал»

Каждая эпоха формируется всеми предшествующими ей годами. И наша современность — не исключение. Каждый из

прошедших годов имеет свой вес и вносит свой вклад в создание мира, в котором мы живем сегодня. В этом «рейтинге» 1989 год занимает — причем с большим отрывом — первое место. Можно даже сказать, что в каком-то смысле мы живем в эпоху, созданную 89-м. Вот почему так важно понять, чем был проект-89 для Европы и мира? Состоялся ли этот проект и если состоялся — то в каком виде?

Хотел бы особо подчеркнуть, что среди участников сегодняшней дискуссии — те, кого без преувеличения можно назвать «творцами 89-го года», а значит, и творцами нашей современности.

Дискуссия

Михаил Горбачев,
Президент СССР

В последнее время мне пришлось участвовать во многих европейских дискуссиях. В Страсбурге, где Совет Европы отмечал свое 60-летие, в центре внимания стояли события 89-го года и их последствия. В Женеве в Европейском отделении ООН обсуждалась проблема ядерной безопасности. В Амстердаме на Ассамблее Римского клуба обсуждались экологические проблемы. В Берлине состоялись многочисленные мероприятия, встречи с прессой, на телевидении, в том числе моя встреча с президентом Дж. Бушем-старшим, Г. Колам и общественностью в связи с 20-летием падения Берлинской стены.

1989 год сейчас, действительно, находится в центре общественного внимания. Это и понятно: 1989-й — уникальное событие истории. Я с волнением вспоминаю сейчас предшествующие ему годы и, конечно, сам 89-й. То, что произошло тогда, не упало на нас неизвестно откуда, и не было кем-то к нам завезено. Надо иметь в виду, что к тому времени произошли очень важные перемены в Советском Союзе, в политике нашей страны, а главное — в обществе, в умах людей. Много из того, с чем связан 89-й год, не могло произойти, если бы не смена власти в СССР в 1985 году и приход к власти нового по-

коления. Всем нам — не только исследователям, но и политикам, и гражданам — надо об этом помнить.

Началом Перестройки мы считаем 1988 год: XIX партийная конференция и курс на политические реформы. Можно сказать, что до этого работала Гласность. Я уже не раз говорил и повторяю сейчас, что не было бы Гласности, свободы, которая развернулась тогда, не было бы Перестройки, и все оставалось по-прежнему: мы бы приспособились, получали хорошие зарплаты, стояли на трибунах и т.д. Именно Гласность показала: народу есть что сказать власти. Думаю, что сейчас Гласность нужна и демократам, и всему нашему обществу.

89-му году предшествовали встречи в Женеве, Рейкьявике, где устанавливались контакты, разворачивался диалог с западными странами и, прежде всего, происходила нормализация отношений с Соединенными Штатами Америки.

Наивно полагать, что Берлинская стена пала под аплодисменты тех, кто был решительно «против». Хотя сейчас по телевидению и радио можно услышать, что, в общем, ситуация созрела, и все должно было совершиться само собой, — а наше дело заключалось якобы только в одном: подстраховать, чтобы яблоко, упав, не разбилось об асфальт.

Нет, произошедшее тогда было результатом огромной работы, и падение Берлинской стены — синтезированный показатель того, что происходило с миром. Не только Советский Союз, но и весь мир подошли к 89-му году с изменившимся потенциалом, с новым видением прошлого, настоящего и будущего. Толчок многим процессам дали свободные, демократические, альтернативные выборы, состоявшиеся в СССР. Они имели большое значение не только для нас — вслед за ними начались перемены, которые были названы общим термином «бархатные революции». Конечно, не везде они были такими уж мягкими и бархатными.

Я не идеализирую выборы, но говорю о них опять и опять, потому что импульс выборов–89 имел большое значение не только для нашей страны. Первый съезд народных депутатов СССР, который работал после выборов, стал одновременно и трибуной для высказывания самых разных мнений, и колоссальным демократизатором власти и всей нашей жизни. Верховный Совет СССР оказался способным к реальному законотворчеству. Он интересно,

тоже по-новому формировал правительство: это делалось гласно и открыто, две или три недели утверждались кандидатуры министров — и некоторые кандидатуры не проходили.

Мы тогда признали, что нам необходима реформа ценообразования: это обсуждалось впервые, всенародно — и тоже имело большое значение.

В результате в 1989 г. мы, в целом, получили поддержку линии на то, чтобы через кооперативное движение, аренду, развитие инициативы людей выйти на рыночную социально ориентированную экономику. Для меня и сейчас остается аксиомой, что экономика должна быть социально ориентированной — скажем, как у немцев. Думаю, сейчас у них больше социализма — у нас же стесняются говорить о социализме.

На съезде сформировалась Межрегиональная депутатская группа (МДГ). Многие, и я в том числе, удивлялись: что это за явление такое? Теперь мы знаем, что МДГ была зародышем оппозиции. Мы рассчитывали тогда, что это будет ответственная оппозиция. В этом состояла заинтересованность и общества, и властей.

Проблема конструктивной, эффективной, работающей оппозиции остается нерешенной сейчас — двадцать лет спустя. Появилась даже информация со ссылкой на официальных историков, что отречение Николая II — это фикция: если так, то не значит ли это, что мы стоим уже перед «народной монархией»?.. (Кстати, подобные инициативы были, и они сохранились, пока был жив Борис Николаевич Ельцин.)

Нам нужно вернуться к вопросу об избирательной системе, которую до такой степени отредактировали, что остаются сплошные «назначенцы»: вроде бы нам уже демократия не нужна и без нее все решаем. Это заблуждение, серьезное заблуждение. Я уверен, что у России большое будущее — таков наш народ, история, наш опыт последних десятилетий.

Судя по опросам, которые проводит, например, Левада-Центр, большая часть общества (около 70 процентов) выступает за то, что оппозиция нужна. На это опирается идея, которую мы выдвинули сейчас — идея создания независимой политической партии.

Возвращаясь к событиям 89-го, хочу подчеркнуть, что в странах Восточной и Центральной Европы были тогда очень

разные, отнюдь не однотипные политические режимы. Но разделяя идеи социализма, мы считались братскими странами. Встретившись с руководителями этих стран, приехавшими на похороны Константина Устиновича Черненко, я высказал принципиальную позицию: вы самостоятельны, независимы и сами отвечаете за решения, которые принимаете — это ваша ответственность, мы вмешиваться не будем. Мы ни разу не вмешались. Я думаю, мы можем этим гордиться.

В 89-м году произошло то, к чему, в первую очередь, немцы стремились десятилетиями. Известно, что советские руководители были за то, чтобы после победы над фашизмом возникла единая, денацифицированная Германия. Поэтому в 1989 году никто ничего нового не изобретал — это было продолжением нашей линии. И еще, может быть, продолжением линии известного канцлера Бисмарка, который говорил: что бы ни происходило, надо, чтобы Германия и Россия были вместе. В то время как, например, Генрих Киссинджер в своих воспоминаниях советует американской администрации сделать все, чтобы не допустить сближения России и Германии.

Две столь крупные, способные на многое нации, как русские и немцы, могут сами разобраться в том, что им нужно. Во всяком случае, я горячо поддерживал обращение Шрёдера и Путина (тогда Путин был еще президентом) о необходимости сближения наших народов — и не только на уровне политическом, но и уровне человеческого общения. Не так давно в СМИ появилась информация, что приехавшие в Курск немецкие ветераны вместе с российскими и при участии властей открывали двадцатое по счету мемориальное захоронение немецких солдат, погибших во время войны.

Я вижу в этом огромный прогресс, огромные перемены в душах, сердцах людей. Это очень важно и делает нам честь.

Завершая этот краткий обзор (считаю его очень важным), вновь обращаюсь к событиям 89-го, когда история пришла в движение. В июне того года мы с Хельмутом Колем после переговоров отвечали на вопросы прессы. Нас спросили: обсуждали ли вы Германский вопрос, проблему объединения? Я ответил, что обсуждали и пришли к выводу: Германский вопрос порожден историей, и история подскажет, когда лучше всего

его решить — скорее всего, это будет проблема XXI века. А через три-четыре месяца, как известно, пала Берлинская стена.

Я присутствовал на 40-летию ГДР и видел, что происходит. Кажется, я многое знал (и все мы знали), что в руководстве ГДР неблагополучно. Мы близко принимали к сердцу то, что происходило в ГДР: даже говорили «наши немцы» (те, что жили в ГДР) и «не наши немцы» (те, что жили в ФРГ).

То, что мне пришлось увидеть на факельном шествии по случаю празднования 40-летия ГДР, потрясло меня, и не только меня ... Мы стояли на трибуне — Хонеккер, я, Ярузельский. Шло молодое поколение немцев, представлявших 28 округов — люди шли с хорошим настроением, пели. Но когда мы начали вчитываться в лозунги, и мне перевели, какие лозунги выкрикивают демонстранты, стало ясно: люди пришли, чтобы сказать нечто существенное. Это было требование, даже прямой вызов.

Говорят, Хонеккер сказал Кренцу, что тот специально устроил, чтобы состоялось это шествие. Не знаю, так ли это — это дело немцев. Тогда ко мне подошел бывший премьер-министр Польши Раковский и спросил: «Михаил Сергеевич, Вы понимаете немецкий язык?» Я ответил, что немного понимаю и понимаю многое, что написано на плакатах, и то, что выкрикивают демонстранты. Раковский сказал, что это конец, может быть, начало конца, но в любом случае, что-то очень серьезное.

Это побудило меня встретиться на следующий день с членами Политбюро СЕПГ, чтобы поговорить и послушать. У них было подавленное настроение. Эрих Хонеккер, по-моему, в последнее время был не вполне адекватен. Человек, преданный Германии, настоящий немец, боровшийся с фашизмом, он упустил момент. Среди стран Варшавского Договора ГДР была одним из самых развитых государств, но пришло время, когда реформы — особенно общественные, политические — были необходимы, они просто стучались в окно.

Через некоторое время пала Стена. До этого было много дискуссий, сотни тысяч немцев все время находились на площадях. Были очень большие споры. Глубоко не прав тот, кто думает, что все произошло само собой.

Ситуация в Германии была постоянным пункт повестки дня Политбюро ЦК КПСС. Франсуа Миттеран дважды или трижды

приезжал ко мне, чтобы поговорить на этот счет. Известно его отношение к объединению Германии, которое он выразил формулой: мы так любим немцев, что хотим, чтобы у них было две Германии. Маргарет Тэтчер открыто выступала против объединения. Она считала, что оно будет опасно для всей Европы, что нарушатся позитивные процессы, которые уже идут, что Хельсинкский процесс может дать сбой, и это вызовет много проблем, вплоть до того, что будет поставлен вопрос о пересмотре границ, и т.д. Словом, была открытая постановка принципиальных вопросов.

Все же эти люди участвовали в выработке документов по урегулированию внутренних проблем Германии и проблем, возникших в связи с объединением. Конечно, было много вопросов, но постановления были подготовлены, подписаны и одобрены.

Именно тогда стало возможным проведение в ноябре 90-го года Саммита всех европейских стран — не только «четверки», с участием Канады и Соединенных Штатов Америки. Та знаменитая Парижская конференция во весь голос заявила, что начинается новая эпоха для Европы и мира. Обе Мировые войны исходили из Европы — теперь отсюда начинали исходить другие сигналы, здесь начинались проекты, которые могут привести к большим переменам, к обновлению. Был принят знаменитый документ «Хартия для Европы» — основа создания надежной системы общеевропейской безопасности.

Как ни трудно было, мы работали, находили согласие и продвигались вперед. Мы начали уничтожать ядерное оружие, сокращать войска в Европе и решать многие другие вопросы. За короткий период были потушены, практически, все конфликты, за исключением ближневосточного и корейского.

Мне и сейчас задают вопрос: «Зачем отдал Польшу, Чехословакию?» Я уже отвечал на этот вопрос публично: во-первых, они мне не принадлежали. Во-вторых, если допустить, что принадлежали, то кому я их отдал? Польшу, например, — полякам. (Кстати, к этому все они приложили руку, в том числе такие люди, как наш друг Адам Михник. Нельзя не вспомнить здесь вклад «Солидарности», Леха Валенсы.)

Думаю, главные проблемы решаются в русле идеи, которую я тогда выдвинул (может быть, сформулировав ее сначала в публицистическом ключе), — идея создания Общеевропей-

ского дома. Я рад, что сейчас вновь возникает эта тема, и уверен, что надо создавать общеевропейские институты.

Хочу подчеркнуть: объединенная Европа не может формироваться только за счет разрастания ЕС. В этой связи вспоминаю Пассау. Мы с Хельмутом Колем выступали перед людьми, отвечали на вопросы. И Коль, и я подчеркивали, что объединенная Европа не может быть или антиамериканской, или антирусской. Тогда поднимается один парень и говорит: «Так давайте принимать Россию в ЕС». За все годы нашего сотрудничества я не видел более живого прыжка Хельмута Коля. Он буквально выскочил из-за стола с возгласом: «Да вы что несете!» Немцы сразу забеспокоились — а вдруг, в самом деле, Россию примут в ЕС. Это похоже на то, как Тэтчер беспокоилась: что если будет объединенная Германия — как мы с ней будем существовать? — Не надо беспокоиться. Мы обо всем договоримся. Надо верить. Мы уже очень многое пережили. У нас колоссальный опыт. Мы сможем.

Такие проблемы, как Общеевропейский дом, сотрудничество между странами, между ЕС, Россией и НАТО — крайне важны сейчас. После окончания холодной войны мы уже упустили много возможностей. Нельзя опять упустить время. Конечно, неверно было бы сказать, что двадцать лет прошли впустую: что-то происходит, и шансы еще есть. Но сейчас надо действовать. Очень важно также, чтобы гражданские институты, в том числе общественные фонды обсуждали все эти вопросы и вносили свои предложения.

Ральф Фюкс,

сопредседатель Фонда имени Генриха Бёлля

Партия зеленых, которой близок Фонд имени Генриха Бёлля, представляет антиавторитарную традицию. Времена культа личности — слава Богу! — прошли. Но, слушая Михаила Горбачева, чувствуешь, как твоего лица касается пола одежды самой истории.

Должен сказать, что Михаил Сергеевич Горбачев был политическим идиолом нашего времени. Его исторический вклад

уникален. Вспомним: в ГДР размещались 500 тысяч советских солдат; то, что произошло в 68-м году в Чехословакии, было еще довольно свежо в памяти, а то, что случилось в Пекине на площади Тяньаньмэнь, — произошло уже в 89-м. Люди, которые вышли на демонстрации в Лейпциге, Восточном Берлине, Варшаве, Праге, Будапеште, — об этом помнили и все-таки шли на демонстрации. Они не были уверены в том, что все закончится мирно, без крови. И то, что революция осталась «бархатной», безусловно, связано с дальновидностью, ответственностью руководства Советского Союза — страны, которая была очень сильна.

Мне понравилось, когда Михаил Горбачев напомнил нам, что история 89-го года началась не в 89-м, а раньше. Была довольно длинная предыстория, которая — что касается стран Центральной и Восточной Европы — простирается до 68-го года (я имею в виду различные попытки свободных профсоюзов). Но, конечно, решающую роль сыграла смена политического курса в Советском Союзе в середине 80-х годов. Прозвучали слова «перестройка» и «гласность». Таким образом, были открыты шлюзы для движения, которое началось снизу. Это воодушевило миллионы людей, и они решили повернуть колесо истории.

Хотел бы напомнить известную цитату Ленина (надеюсь, мне это будет позволено сделать), который сказал: «Революции происходят, когда верхи не могут, а низы не хотят жить по-прежнему». Как раз так и случилось. Верхи и низы выступали единым фронтом — все это привело к колоссальным переменам 89–90-го годов.

В 1989 году произошла революция, современниками которой мы стали. Это были годы колоссальных политических изменений, политического подъема под девизом свободы и демократии. Но, как во всех революциях, перемены принесли с собой не только радости и выпустили на свет не только политические идеалы. То было время, когда был выпущен из клетки политический демон — агрессивный национализм, который привел к войне в самом центре Европы — на Балканах.

Сегодня, как мне кажется, европейская температура несколько изменилась. Разгона, взятого в 89-м, пока хватало для

расширения Европейского Союза: проделана уже большая часть работы по интеграции Европы. Сегодня в ЕС входят 27 стран, но это все еще не вся Европа.

Как мне кажется, и в России тоже произошла смена температур. Страстное желание свободы и демократии, которые стояли на переднем плане в годы, о которых мы сегодня вспоминаем, сменились другими ценностями: стабильность, порядок, безопасность. Возможно, даже наступило время реставрации.

Нужно опять взять разгон, чтобы продолжить строительство «нашего общего дома Европа». Мы имеем в виду оба направления — европейское объединение и демократия. «Наш общий дом Европа» не должен быть просто внешней оболочкой, «футляром» — он должен быть домом, в котором народы и нации, населяющие Европу, живут по принципам демократии. Поэтому мы должны работать в обоих направлениях.

Хотел бы добавить, что этот Европейский дом должен сохранить свой трансатлантический фундамент. Вопрос не в том, кого должен выбрать ЕС — Америку или Россию. Наша идея — вовлечение России в евроатлантическое сотрудничество, базирующееся на идеалах свободы, демократии и общей безопасности. При этом уже существующие институты — Европейский Союз, НАТО — должны будут измениться. Надо искать пути, как расширить эти институты, как изменить их так, чтобы не только Россия, но Украина, Белоруссия, Молдавия, народы, населяющие Южный Кавказ, могли найти свое место в Общеευропейском доме.

Адам Михник,

главный редактор «Газеты Выборча» (Варшава), участник событий 1989 года

Я плохо говорю по-русски, но люблю говорить по-русски. Я научился этому языку благодаря русским демократам, когда мы — еще в подполье — издавали книги русского самиздата. Поэтому для меня русский стал языком свободы.

Я был среди тех, кто видел в политике Михаила Сергеевича Горбачева великую надежду. До конца жизни буду повторять, что благодаря Горбачеву — его храбрости, магнетизму, которым он обладал, и его решимости — сегодня мы живем как свободные люди. Вспоминаю, как в Польше очень многие, в том числе диссиденты, не верили, что генсек советской компартии говорит про свободу всерьез. Наши генсеки и генералы тоже не верили, что такое возможно — что «старший брат» говорит на языке свободы.

Хочу сказать еще об одном человеке. В 1977 году я имел счастье познакомиться с Генрихом Бёллем. Это было в Германии, в Кёльне. Бёлль очень сильно поддерживал меня и моих друзей. Я помню, он послал мне открытку, когда я сидел в тюрьме. Генрих Бёлль — это символ Германии, которую я люблю и уважаю.

Проект 89-го года — это, во-первых, демократия, свобода. Во-вторых, это правда о нашей истории и современности — о том, где и как мы живем. В-третьих, это рыночная экономика. Скажу откровенно: я не люблю капитализм, но не нахожу ничего лучшего, чем рыночная экономика.

Польский парадокс состоял в том, что опорой нашей оппозиции были крупные заводы, крупные предприятия. Они были крепостями «Солидарности», а ее силой были забастовки. Интеллектуалы обладали моральной силой, а физической силой были рабочие. Они выиграли полякам свободу, и они же стали первыми жертвами своей победы — жертвами капитализма. Говорят даже, что в Польше рабочий класс проиграл в «классическом» смысле.

В чем состоял наш невероятный успех? В том, что благодаря политике Михаила Сергеевича Горбачева реформаторы в польской компартии получили возможность найти компромисс с оппозицией. Во времена Брежнева это было просто невозможно, поэтому для поляков эпоха Брежнева — это военное положение. Эпоха Горбачева — это компромисс поляков между собой.

Какие проблемы для Европы я вижу сегодня? Во-первых, коррупция как элемент политического строя во всех посткоммунистических странах — но думаю, что и в западноевропей-

ских. Во-вторых, авторитарные тенденции. Кажется, Россия — своего рода модель, поэтому в России эти тенденции острее, чем в других странах.

Полагаю, например, что суверенная демократия — идея не одного только бывшего президента России. Суверенная демократия означает, что можно «суверенно» сажать в тюрьму своих оппонентов, и никто ни в Брюсселе, ни в Страсбурге не скажет ни слова. Во времена Михаила Сергеевича Горбачева не было такой «суверенной» демократии — оппонентов не сажали в тюрьмы, а выпускали. Об этом не надо забывать.

У нас в Польше были у власти Лех и Ярослав Качиньски — «суверенные демократы», которые хотели сажать в тюрьму тех, кого не любили. В конце концов (и это моя национальная гордость), через два года мы их сместили.

Сегодня я вижу еще одну опасность — опасность взрыва дикого этнического национализма. Балканы — самый главный пример. Но можно посмотреть на Испанию, на Францию, где тоже существуют серьезные национальные проблемы. Все конфликты последнего времени, например, словацко-венгерский или польско-литовский, — абсурдны. Националистические эмоции разжигают не друзья-демократы, а те, которые, называя себя патриотами, любят родину настолько сильно, что готовы ее уничтожить.

Демократия — это самое важное. Размышляя, почему Гитлер выиграл в Германии, я пришел к выводу: потому что тогда никто не хотел защищать республику — все, включая коммунистов, были против республики. Сегодня надо защищать республику, защищать демократию. Если в наших странах победит демократия, то победит мир и мы все.

Вернер Шульц,

депутат Европарламента от Партии зеленых, участник событий 1989 года

В XX веке Россия дала Европе два импульса: деструктивный и конструктивный. Деструктивный импульс — отказ Ленина выступить в поддержку единой Европы и возникновение те-

орий о построения социализма в одной стране. Это способствовало расколу Европы.

Конструктивный импульс — 1989 год, когда перестал существовать социалистический лагерь. Михаил Горбачев, конечно, не имел в виду его ликвидацию, а хотел сделать его более свободным. Выступая в Берлине на праздновании 20-летия падения Берлинской стены, Горбачев совершенно правильно сказал, что не руководители стран, а народы стремились к тому, что, в конце концов, произошло.

Для меня 1989 год — это год самоосвобождения активного поколения, которое хотело свободы и демократии. И высокая заслуга Михаила Горбачева состоит в том, что он это допустил. Думаю, что это было также ответом на кризис, который переживал Советский Союз.

Мы преодолели тоталитарный век. Британский историк Тимоти Гартон Эш как-то сказал, что «век тоже проигрывает на выборах». До сих пор многие аналитики ломают голову над тем, как случилось, что прорыв все-таки удался. Думаю, главным была воля населения, то, что в ГДР оппозиция объединилась с теми, кто стремился покинуть ГДР. Это вылилось в демонстрации, на которые вышли десятки тысяч людей, и впервые государственная власть лишилась возможности действовать. Советские танки не выехали на улицы, как это произошло в 53-м и 68-м годах, потому что руководство Советского Союза признало то, что стало ясно после вывода советских войск из Афганистана: военная акция имеет свои пределы. Но в 89-м году наше поколение помнило о 68-м годе — цифра «68» в перевернутом виде была на плакатах, которые мы несли на демонстрации, напоминая тем самым о связи между событиями этих лет.

Я не готов судить удалось ли нам построить Европейский дом так, как мы хотели. В 1975 году был принят Заключительный акт Хельсинки. Его опубликовали и в газете «Neues Deutschland», и в газете «Правда». Это стало началом движения правозащитников в Восточной Европе, которое тоже пыталось каким-то образом собрать Общеευропейский дом.

Ни в Германии, ни вообще в Европе никто не был готов к событиям, которые произошли в 89-м, и шанс, который тогда

появился, не был полностью использован. Очевидно, что по сей день европейцы пытаются создать дееспособную структуру и обеспечить необходимые условия для существования Общеввропейского дома. Конституцию принять не удалось, но был принят Лиссабонский договор, который заложил фундамент Общеввропейского дома.

Уже сейчас видно, что страны, которые находятся ближе всего к ЕС, лучше развивались и быстрее двигались в направлении демократии и рыночной экономики. Вместе с тем сомневаюсь, что надо строить огромный Общеввропейский дом, подобный, например, колоссальным московским высоткам. Может быть, имеет смысл построить небольшой дом на пару семей, то есть ЕС, и — если бы удалось, — то СНГ. Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что это требует решения задач огромной сложности.

Алексей Симонов,
президент Фонда Защиты Гласности

68 и 89 — зеркальное изображение, и это чрезвычайно любопытно, потому что для России 89-й год, как отражение 68-го (скажу только об этом аспекте), имел намного меньшее значение, чем 68-й. Он значительно меньше повлиял на наш менталитет, как бы ни хотелось по этому поводу рассуждать и теоретизировать.

68-й год был рубежным. Он определил судьбу поколения, которое в 89-м году, собственно говоря, и создавало российскую демократию. В 68-м году это было поколение «шестидесятников», которые пришли к власти в середине 80-х. В 89-м они принимали решения, которые созрели в них с 68-го — года нашего национального и человеческого позора, когда на всю страну восемь человек защищали ее честь ровно пять минут на Красной площади. Благодаря этим пяти минутам они вошли в историю.

Примерить 89-й на современную российскую историю почти невозможно. Адам Михник сказал, что посыл 89-го года — демократия, правда об истории и современности и рыноч-

ная экономика. Посмотрите, что есть в России сегодня, после 89-го года? Демократией, мягко говоря, не пахнет. Мы уже собираем комиссии по соблюдению «правд» об истории и современности. Что касается рыночной экономики, то, если мы прорвемся сквозь завесу коррупции, то, может быть, она окажется и рыночной, — но на сегодняшний день это довольно трудно определить.

Я призываю не преувеличивать значения 89-го года для России: то, что мы «набрали» в 68-м, мы реализовали в 89-м. А то, что набрали в 89-м, мы так и не реализовали до сих пор.

Вольфганг Айхведе,

директор Института исследований стран Восточной Европы, Бременский университет, Германия

В 89-м году я жил в Москве и мог непосредственно наблюдать происходящее. Не могу согласиться с Алексеем Симоновым в том, что 89-й год для России оказался якобы не очень важен. Напротив, этот год был потрясающим и невероятно важным. Нельзя не сказать и о том, что в конце 89-го года были уже заметны признаки надвигающейся катастрофы.

Я хорошо помнил прежний Советский Союз и поэтому вначале не доверял Горбачеву. Но тогда, в 89-м он удивлял меня с каждым днем все сильнее. Горбачев запустил процесс огромных изменений, Перестройку. Она в итоге пошла не совсем в том направлении, которое он поддерживал. Несмотря на это он не применил насилия — это был великий поступок.

89-й год в России связан еще с одним именем — академик Сахаров. В России люди, которые создали архитектуру этого года, — это, безусловно, Горбачев и Сахаров. Уроки 89-го, усвоенные впоследствии в странах Восточной и Центральной Европы, свидетельствуют о том, что произошла не только «бархатная» революция — произошла революция Просвещения.

Результатом ее стало то, что высвободились силы, которые смогли создать в Восточной и Центральной Европе новый мир, живущий по другим парадигмам, — мир организованный

совершенно иначе, чем до 89-го. Тем не менее, с точки зрения 89-го, этот мир тоже нуждается в критике. Потому что демократию удастся создать только в том случае, если одновременно с высвобождением новых интересов появляется и возможность критиковать сложившуюся ситуацию.

Общество западных немцев демократизировалось в условиях холодной войны и американской гегемонии. В Западной Германии произошел невероятный процесс: граждане, которые весьма консервативно подходили к своей истории, через опыт ответственности, опыт поражения во Второй мировой войне и под давлением мировой политической ситуации — после 45-го года европеизировались. В Западной Германии произошла мирная революция в образе мысли немцев. Одновременно с этим многие ценности пришли к нам с Востока Европы — я имею в виду русскую культуру и литературу, а также политическую философию, связанную с именами Адама Михника, Вацлава Гавела, Андрея Сахарова. Процессы 89-го года и процессы, запущенные после 89-го года, в значительной степени тогда предвосхищались или начинались. Но эти процессы и сейчас нельзя считать законченными.

Европа, возникшая после 89-го года, расширилась на Восток. Она основана на том, что европейские народы — 27 стран ЕС — готовы во благо Европейского дома отказаться от части собственного суверенитета и, несмотря на политику Качинского в Польше, на некоторые попытки, которые все еще предпринимаются в Германии, Венгрии, где-то еще, отказаться от националистического мышления.

Существует большой вопрос к России, которая, безусловно, является неотъемлемой частью Европы. Наблюдая процессы, происходящие в стране, хотел бы подчеркнуть, что россиянам, как и западным европейцам, также необходимо использовать масштабные перемены 89-го года. Уверен, что послание 89-го, его потенциал не исчерпаны и долго еще не будут исчерпаны. Это был год, когда процессы в Европе, России, Советском Союзе были теснейшим образом связаны — существовала глобальная связь исторических процессов.

Думаю, что к урокам, которые Европа извлекла из процессов 89-го, необходимо прибавить еще один: не стоит выдвигать

гать претензии быть новым глобальным игроком, используя традиции ядерного сдерживания в мире, обладающем ядерным оружием. Это вновь вопрос к России.

Россия нужна в Европейском доме. Однако образ мыслей в отношении 89-го года в России должен измениться: 89-й год был годом Просвещения, и оно будет необходимо нам в следующие двадцать лет.

Ирина Бусыгина,

доктор политических наук, МГИМО (У) МИД России

В 89-м году ясно обозначились два процесса — два «перехода» (оба они начались, конечно, несколько раньше), один из которых последовал за другим. Как выяснилось впоследствии, один процесс привел к распаду, разрыву, а другой стал транзитом, хотя, как теперь понятно, его нельзя назвать демократическим транзитом: необходимым условием последнего является политическая конкуренция, а следовательно, стремление и возможность поставить институт выборов в центр политического процесса.

Политическая конкуренция просуществовала в России вплоть до 93-го года, когда был реализован сценарий, по которому победитель получает все, а договариваться нет смысла, потому что это только ослабляет победителя. При этом у противоположной стороны нет никаких гарантий, что она хотя бы каким-то образом останется во власти, более того, неизвестно, что с ней будет после того, как сильнейший победит. Именно такой сценарий был осуществлен в 93-м году после силового противостояния.

С тех самых пор, как мне представляется, мы начали терять не только институт выборов, но и поле политической конкуренции. В настоящий момент мы потеряли оба условия осуществления демократического транзита.

Тем не менее после 93-го года и после чеченской кампании позиция Европейского Союза по отношению к России декларировалась следующим образом: мы имеем дело с неполной демократией, зачаточной демократией, становящейся де-

мократией — важно, что это есть движение к демократии. Думаю, что в действительности эта позиция основывалась на ожиданиях, а не на понимании процесса, который происходил в реальности. Как представляется, России это не принесло большой пользы.

Если в будущем, до которого мы доживаем, в России начнется процесс политической демократизации, какие опасности можно видеть, извлекая уроки из 89-го года?

Первый урок: начнется длительный и трудный переходный период. Второй урок: переходный период приведет к резкому усилению нестабильности, к необходимости принимать непопулярные меры, направленные на то, чтобы пережить период нестабильности, когда произойдет обострение всех существующих расколов. Третий урок связан с проблемой размеров и федеративного устройства страны: в условиях новой демократизации аргументы, с которыми федеральный Центр когда-то обращался к регионам — берите суверенитета, сколько хотите и т.д., — уже не будут работать и не вызовут доверия со стороны регионов. То есть способы, которые, возможно, интуитивно использовались тогда, уже невозможно будет использовать.

Очень важно подчеркнуть: двадцать лет назад существовала возможность конвертировать энтузиазм и высокие позитивные (даже чрезмерные) ожидания населения в кредит доверия реформаторам. В новой ситуации, если будут такие ожидания, то они, вероятнее всего, будут конвертированы в кредит доверия антиреформаторам, а не реформаторам.

Наконец, сегодняшние процессы происходят совершенно в других международных обстоятельствах — я имею в виду не все международные обстоятельства, а конкретно Европейский Союз и Европу в целом. Отношения с Европейским Союзом сейчас более чем прохладные. Политическое влияние Европейского Союза в России минимально. Вместе с тем любые попытки создания Общеввропейского дома, что бы мы под этим ни понимали, невозможны без политических реформ в России. При отсутствии этого невозможно создать значимые, гарантированные обязательства со стороны России, и европейцы на это не пойдут. То есть, если мы хотим создать некую

фикцию — о чем-то поговорить, что-то подписать, задекларировать и т.д., — то это можно начинать прямо сейчас. Если же речь идет о том, чтобы действительно создавать значимые общие структуры, то вне процесса политического реформирования в России движение в этом направлении не может даже начаться.

Виктор Кувалдин,

доктор исторических наук, Московская школа экономики

89-й год, безусловно, выделяется из всего прошедшего двадцатилетия. Причина этого, как мне представляется, очень проста: 89-й год — это год рождения глобального мира, год, когда процесс глобализации сумел перейти на качественно новую стадию. К этому шли долго и тяжело. Глобализационный проект — проект европейский. Он мог родиться только как проект промышленного капитализма, потому что именно промышленный капитализм создает проблемы, ответ на которые может дать только глобальный мир.

Это удалось сделать с третьего захода, потому что первый был не очень удачен: сто лет назад мир был, по существу, глобальным. Он был объединен под эгидой Европы, потому что существовала единая трансатлантическая экономика, а политически мир объединяли 10 европейских держав за счет своих колоний. Потом из-за внутреннего соперничества внутри Европы между Англией и Германией были расколоты и Европа, и глобальный мир.

Второй заход относится к середине XX века, когда были выдвинуты два альтернативных проекта — советский и американский. И были две глобализации, которые развивались и отрицали друг друга. Хочу подчеркнуть, что и та и другая страна — это все-таки продукты европейской цивилизации. Но продукты специфические, периферийные, настолько специфические, что среди ученых идут и будут идти споры о том, насколько вообще они входят в рамки европейской цивилизации.

Тем не менее эти два проекта удалось, избежав конфронтации (в этом, конечно, очень большая заслуга Перестройки), объединить в один — в единый проект глобального мира. Годом его рождения стал 89-й год.

Перестройка имела две исторические заслуги, которые признаны: она дала свободу советским людям и положила конец холодной войне. Мне кажется, что в тени осталась третья, не менее важная заслуга Перестройки. В ходе ее была сформирована альтернативная модель глобального мира — более стабильного, более гуманного и более перспективного.

К сожалению, на этой стадии он, как целостное порождение Запада и Востока, просуществовал всего два года. Эта стадия окончилась с крушением Советского Союза, с его разрушением изнутри. Началась другая стадия, когда проект глобального мира реализовывался снова как западный проект — но уже не европейский, а американский проект. Теперь в действие вступил Запад.

Мне кажется, что кризис положил конец этому этапу. Мы вступаем в новый период, когда глобальный мир будет развиваться, как мне представляется, при лидирующей роли Соединенных Штатов, но при подключении новых, очень сильных игроков. Что из этого следует для Европы? Я уже говорил о том, что это был ее проект, что она утратила лидерство по своей собственной вине и в этом смысле в середине XX века сошла как лидер с мировой сцены. Она его не вернула.

Сейчас возникает проблема даже уже не лидерства, а места и роли Европы в глобальном мире. Напомню один факт: в 1980 году европейцы составляли 24% населения мира (каждый четвертый). В 2020 году их окажется 16%. И эта цифра будет снижаться до середины XXI века, приближаясь к границе 10%. В какой-то степени европейцы в глобальном мире окажутся в том же положении, в каком оказались белые в Южно-Африканской Республике после крушения режима апартеида. Да, они выжили, сохранились и сохранили свои экономические позиции. Они сумели защитить, возвести и получить для себя определенные политические гарантии. Но, конечно, это совсем другое существование, чем прежде...

Я сознательно здесь привел этот жесткий пример, чтобы подчеркнуть, что Европе надо думать о будущем. В этом смысле для Европы, если она всерьез думает о том, какую роль будет играть в глобальном мире в середине XXI века, безусловно, есть только один стратегический ресурс — Россия, какая бы она ни была, в каком бы экономическом и политическом виде она ни находилась.

Мария Ферретти,
историк, профессор Римского университета, Италия

Хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями по поводу того, как повлиял 89-й год на внутреннее положение России и особенно на ситуацию с российской демократией.

Полностью согласна с профессором Айхведе в том, что для России это, действительно, был очень важный год. Я помню состояние эйфории, охватившее многих, и думаю, что 89-й был переломным в истории Перестройки. Если схематически представить это, то первая фаза (до 89-го года) — это «Перестройка сверху», потом начинается новая фаза — «Перестройка снизу».

Мне кажется, что исключительно важным моментом перелома были, конечно, Съезды народных депутатов, потому что они означали некую секуляризацию советской власти, реальное отделение партии от государства и создание структур, которые, действительно, давали новые возможности для демократизации и в целом для общества.

Но 89-й год, падение Берлинской стены и мирные революции в Восточной Европе оказались роковыми для тогдашних российских депутатов — для региональщиков, для «Московской трибуны» и т. д., которые, конечно, влияли на общественное мнение, играли большую и важную политическую роль. Мне кажется, что российские демократы как будто бы видели себя в зеркале Восточной Европы и считали, что надо просто сместить власть, — тогда все будет в порядке: будут и демократия, и рынок. Они как-то недооценивали одно очень важное обстоятельство — то, что в Праге, Варшаве была «экс-

портная» политическая система, и если бы не советские войска и советское давление, жизнь там могла идти иначе. Напротив, то, что было в России, родилось именно здесь — и с этим надо было обращаться совсем иначе. А российские демократы продолжали видеть себя и всю ситуацию в европейском зеркале.

Я хорошо помню парадокс того времени. В 89-м Горбачев для Европы, для всего мира, действительно, был самым важным, самым уважаемым политическим деятелем. Люди шли на улицы за Горбачева, который говорил то, что нам, живущим в Европе, было понятно: об идее нового Европейского дома и новом европейском порядке. В России, наоборот, в 89-м популярность Горбачева начинает падать. Конечно, можно найти много причин тому, но хотелось бы подчеркнуть: с момента, когда, заглянув в зеркало Европы, российские демократы решили, что не будет коммунистической власти — сразу начнутся демократия и свобода, — с этого момента Горбачев стал для них олицетворением старого коммунистического режима. Потом будет Ельцин. Несколько утрируя, можно сказать, что Ельцин будет восприниматься как представитель возрождения доброй России, а Горбачев — как олицетворение всего плохого, что было при Советской власти.

Мне кажется это очень важным объяснением того, почему 89-й стал переломным в истории Перестройки и в истории российской демократии.

Ральф Фюкс

Мы говорили о великих видениях, о метафоре Обще-европейского дома. Идея объединенной Европы на базе общих политических ценностных представлений содержит в себе опасность: эти слишком общие представления предполагают, будто следовало бы заново изобретать мир. Но в реальности придется исходить из уже существующих институтов европейского сотрудничества, европейской интеграции, которые нельзя отбросить для того, чтобы изобрести что-то совершенно другое. Это касается не только Европейского Союза,

но и таких учреждений, как ОБСЕ, которая имеет очень важную функцию, когда речь идет о мониторинге парламентских выборов.

Еще одно важное учреждение, которое тоже представляет собой общеевропейское объединение, — Совет Европы, который стоит на страже прав человека, защищая Европейскую декларацию прав человека. Большим прогрессом является создание Европейского суда по правам человека, в который могут обращаться и юрисдикции которого подчинили себя все члены Совета Европы. Это очень важный шаг в направлении интеграции, на котором могут основываться дальнейшие процессы.

Европейский Союз, являющийся в настоящее время объединением 27 стран, — это гораздо больше, чем просто межгосударственный союз. Это шаг к созданию наднациональных учреждений и механизмов принятия решений. Это означает, что Европейский Союз — качественный шаг, преодолевающий старую концепцию национального суверенитета.

Тем самым, конечно, встает вопрос о демократии. Он возникает на новом уровне: возможно ли нечто вроде транснациональной демократии со всеми принципами, которые мы связываем с демократией, — разделение властей, транспарентность, демократический контроль над исполнительной властью? В этом отношении Европейский Союз, безусловно, является лабораторией демократии. Мы ищем новые формы демократического волеизъявления на наднациональном уровне, которые должны развиваться и как-то гарантировать.

Не стоит демонизировать европейскую бюрократию: если представить объем этой бюрократии, то есть число европейских чиновников, то их вряд ли будет больше, чем в управлении крупного города. Вопрос, правда, в том, как эта бюрократия вовлечена в демократические процессы политического волеизъявления и принятия решений. Важно, чтобы бюрократия не становилась самостоятельным игроком в рамках Европейского Союза.

Возникает вопрос: достигла ли Россия той точки, где классический принцип национального суверенитета должен быть отринут в пользу хотя бы частичного разделения прав су-

веренитета и наднациональных институтов. Если проанализировать российскую политику в отношении стран Западной и Центральной Европы, то можно заметить очень серьезную тенденцию к двусторонним отношениям, то есть к отношениям с отдельными странами. Пока еще нет впечатления, что Россия и Европейский Союз работают как равноправные партнеры.

Конечно, членство России в Европейском Союзе — это не вопрос сегодняшнего дня. Михаил Горбачев уже рассказывал, как занервничал Хельмут Коль, когда прозвучал этот вопрос. Конечно, довольно трудно представить, каким образом ЕС сможет интегрировать Турцию, если вообще когда-нибудь Турция будет принята в ЕС. И, может быть, характер ЕС полностью изменится в случае вступления в него России. Но я думаю, что на протяжении достаточно длительного времени речь еще не будет идти об этом. Тем не менее речь идет о том, что кооперационные структуры, модели сотрудничества между ЕС и Россией должны быть усилены, включая создание совместных институтов, совместных органов.

Например, очень большую роль играет Договор о партнерстве и сотрудничестве, переговоры по которому, правда, продвигаются не очень быстро. Интересно, что в этом Договоре речь идет не о сотрудничестве в области, допустим, науки или экономики — то есть не только о понимании партнерства, сведенного, например, к одной лишь экономике. Речь уже идет о правовых понятиях, о стандартах демократии и правового государства. Речь идет о более интенсивном сотрудничестве гражданских обществ, партнерстве городов, программах молодежного обмена и т.д.

Иначе говоря, это довольно объемные рамки, довольно объемное пространство для интенсификации двусторонних отношений, для усиления доверия и связей друг с другом.

То же самое касается Европейской энергетической хартии. Она касается только определенной сферы, а именно сотрудничества в сфере энергетики между Россией и Европейским Союзом. Конечно, учитывая взаимные сырьевые интересы, этот вопрос имеет огромное значение. Энергетическая хартия сейчас застопорилась. Камнем преткновения стал во-

прос: должен ли доступ к рынкам быть адекватным для обеих стран, должен ли он быть взаимовыгодным для России и европейских предприятий? То есть насколько открываются эти рынки, насколько распускаются государственные монополии? И стоит ли еще сильнее разделить государство, экономику в сфере энергетики? Примут ли такое разделение? И, конечно, возникнет ли, таким образом, не только более интенсивная конкуренция, но и более интенсивное переплетение?

В заключение хотел бы коснуться пункта, который, наверное, является самым спорным (он уже, кстати, упоминался сегодня в дискуссии). Это вопрос сотрудничества в сфере политики безопасности. С конца 90-х годов существует не очень активное движение в направлении сотрудничества в сфере безопасности в рамках Совета Россия-НАТО.

Совет Россия-НАТО никогда, собственно, не просыпался для политической жизни, даже в лучшие времена. Насколько я могу судить, это всегда была техническая координационная комиссия со стороны военных. Но я думаю, что важная предпосылка и хорошее начинание — исходить не из того, что НАТО прекратит свое существование и распустится, а, наоборот, подумать о том, как можно открыть НАТО или расширить НАТО настолько, чтобы из этого, действительно, получилось партнерство с Россией во имя безопасности.

Я говорю это потому, что в Польше и в целом ряде других стран Центральной и Восточной Европы существует ярко выраженная боязнь новой оси Берлин-Москва, боязнь возникновения новой германо-российской гегемонии, и корни опасений лежат глубоко в истории нашего континента. Поэтому у этих государств, естественно, есть колоссальная заинтересованность в членстве в НАТО, поскольку НАТО — многосторонний институт безопасности. Историческим прогрессом стало то, что возникло многостороннее сотрудничество в рамках НАТО, которое предполагает и вовлечение объединенной Германии.

Более реалистичный и более разумный подход — задуматься о том, как нужно изменить НАТО, бывшую естественным компонентом холодной войны, потому что старое противостояние НАТО и России — это анахронизм.

Думаю, гораздо реалистичнее говорить о членстве России в НАТО в среднесрочной перспективе, чем о членстве России в Европейском Союзе, и работать над тем, чтобы партнерство России и НАТО было наполнено жизнью. На мой взгляд, это вполне перспективно. Мы вполне можем говорить о членстве в евроатлантическом партнерстве во имя безопасности, основанном на общих ценностях и идеалах.

Существует очень широкий консенсус о выборе Европейского Союза, направленный на то, чтобы вместе с Россией создавать и развивать структуры коллективной безопасности. Если выразить это в традиционной форме — надо создать структуры коллективной безопасности, которые основываются на представлении о наличии одинаковых и общих интересов безопасности, основанных на принципе взаимного отказа от применения силы.

Моя аргументация заключается в том, что такие структуры можно развивать, исходя из уже существующих структур безопасности в Европе и Атлантическом пространстве — НАТО, европейская политика безопасности и защиты в рамках ЕС и ОБСЕ. Сегодня нужно задаться вопросом о том, что необходимо сделать в форме политических и институциональных мероприятий, чтобы обеспечить реализацию отказа от применения силы в общеевропейском пространстве.

Если говорить об Общеввропейском доме, то не надо представлять его себе как дом с жесткими, устойчивыми стенами. Общеввропейский дом — это не какое-то здание, отгороженное от соседей. Более верно, на мой взгляд, представлять себе переменчивую архитектуру, в которой существуют различные сообщества, обсуждающие и решающие вопросы безопасности, экономики, интеграции, энергетики, совместной визовой политики, научного и культурного сотрудничества. Речь идет о системе концентрических кругов с разной степенью интенсивности интеграции, а не о жестко устроенном здании, в котором ты либо находишься — либо не находишься.

Поэтому вместо того, чтобы ставить глубоко экзистенциалистский вопрос: принадлежит Россия к Европе или не принадлежит, — будем говорить о переменной, изменчи-

вой архитектуре европейской интеграции. Думаю, что это облегчит по крайней мере достижение частичной интеграции с Россией.

Европейский Союз является и союзом государств, и союзом граждан. Как союз граждан он существует в совместных общих выборах и наличии общего парламента. Таким образом, есть учреждения европейских граждан, которые уже начинают образовывать европейское политическое сообщество, которое возникает по ту сторону старого политического сообщества национальных государств. Возникает и общеевропейская политическая общественность.

Мы находимся на этом пути. Но это уже несколько больше, чем только серия точечных мероприятий — таких как конференции и встречи. Здесь речь идет о необходимости создания совместных институтов.

Михаил Горбачев

Я отметил одно замечание Ральфа Фюкса о двусторонних отношениях, вступая в которые Россия пытается как бы замесить ими отношения по линии Россия — ЕС.

Нашим коллегам из ЕС надо бы глубже подумать на эту тему. По моему мнению, к двусторонним отношениям стремиться (и правильно это делается), потому что не клеятся дела с ЕС. Жизнь есть жизнь, поэтому появляются проблемы и вопросы, которые надо решать на основе сотрудничества. А двусторонние отношения возникали, возникают и будут возникать. Думаю, что правильно поступает и та и другая сторона — я имею в виду Россию и другие страны. Потому что есть проблемы, которые нельзя откладывать — они требуют решения.

Согласен, что проблема безопасности для нас, европейцев, — это ключевой вопрос. Я бы даже все начинал с безопасности. Но так не бывает. Надо, чтобы была основа человеческая, культурная, политическая, экономическая и прочее.

Ведь это был главный вопрос на Парижском саммите (1990 г.): саммит единодушно высказался за общеевропейскую архитектуру безопасности. Но никак не хотят даже выго-

варивать этого ЕС'овские страны, их представители, где бы они ни были.

Думаю, что-то произойдет. Нельзя же не реагировать на предложения президента России — надо реагировать. Предложения заинтересовали и Соединенные Штаты: речь идет об общеевропейской архитектуре, в которой были бы учтены интересы и Соединенных Штатов, и Канады. Эти идеи надо рассмотреть и надо создавать такие структуры, которые имели бы и механизмы, и права, чтобы принимать решения. Другие структуры никому не нужны: это расход денег, пустые траты.

Думаю, что вопрос о европейской безопасности не надо загонять в тупик. Об этом я говорил во всех интервью (их было около 30-ти), которые дал в Европе в дни празднования двадцатилетия падения Берлинской стены.

Александр Аузан,

доктор экономических наук, президент Института Национального Проекта «Общественный договор»

Несколько лет назад на Российском телевидении произошел короткий разговор, который занозой сидит у меня в памяти. Известный экономист Александр Привалов — человек достаточно консервативных взглядов — был в гостях у программ «Школа злословия». Ведущая программы Авдотья Смирнова задала провокационный вопрос: «Мне, Александр Николаевич, приснился сон, как будто все люди на улицах целуются, дарят друг другу цветы. Я спрашиваю: что случилось? Мне отвечают: наша власть решила вступить в Евросоюз. Я говорю: я все готова этой власти простить. Как Вы думаете. Александр Николаевич, что означает этот сон?» Александр Привалов ответил: «Вам просто очень хочется власти все простить за что-нибудь».

Вопрос об отношении к Европе — на самом деле вопрос очень глубокого культурно-психологического комплекса в России, связанного с отношением к власти и ожиданиями будущего. Я полагаю, что каждый раз, когда возникает вопрос о

модернизации в России, возникает вектор отношения к Европе.

Мне кажется, не случайно метафора Михаила Сергеевича Горбачева про «общий дом Европа» возникла не столько как формула внешней политики, сколько как выражение того, что страна меняла курс.

Нельзя не согласиться с тем, что вопрос о границах Европы — открытый вопрос. Я хочу напомнить, что года три тому назад Фонд им. Бёлля устраивал в Берлине дискуссию, где один из участников вспомнил формулу Токвиля: Америка и Россия как фланговые державы Европы. А ему ответил профессор Ханс-Хеннинг Шрёдер из Бременского университета, который сказал: «Вспомните хотя бы, что в начале XX века в нашей Германии был спор: Германия — это Европа или не Европа. Потому что Европа есть не что иное, как расширяющееся культурное явление. Первоначальной Европой являются, видимо, Нидерланды и Англия, может быть, Северная Италия. Все остальное — Европа благоприобретенная».

Поэтому вопрос о российской модернизации — это вопрос о том, появляются ли в России те признаки автономности, которые характеризуют модернизацию как социокультурный процесс и которые свойственны этой Европе как расширяющемуся явлению.

Мне кажется, что каждая российская модернизация предлагала свое решение вопроса о Европейском доме, и последствия — внутренние и внешние — были очень разнообразные. Петровская модернизация фактически представляла собой прямую попытку переместить нормы поведения из Голландии в Россию. Нельзя сказать, что это ничего не дало для модернизации страны. Но можно сказать, что и последствия были сложны и противоречивы, потому что через век после этого в России укрепилась иноговорящая элита, произошел раскол культурного поля. Великая русская культура, возникшая, несомненно, под воздействием европейской культуры, несла в себе очень противоречивые ценности.

Внешним выражением этого стал, в конце концов, первый механизм объединенной Европы. Я имею в виду Венский кон-

гресс и Священный союз монархий. Россия играла в них колоссальную, хотя и не уверен, что положительную, роль.

Вторая часто упоминаемая крупная попытка модернизации, а именно советская ленинско-сталинская модернизация, тоже была теснейшим образом связана с Европой. Потому что социализм представлял собой попытку внедрения альтернативной европейской идеологии. Безусловно, — и по работам Ленина, и по работам Троцкого — предполагалось участие европейского пролетариата в этом процессе. Идея Соединенных Штатов Европы была нормой для большевистских дискуссий времен Первой мировой войны.

Не будем говорить о противоречивых внутренних последствиях, но получилось, что возникла не объединенная, а разделенная Европа, не Соединенные Штаты Европы, а Стена.

Но были еще две российские модернизации, о которых почему-то говорят значительно меньше, — модернизация Александра II «50 лет великих реформ» и модернизация, начатая Михаилом Сергеевичем Горбачевым. На мой взгляд, по типу они похожи. Потому что, мне кажется, эти две модернизации предполагали достижение тех же признаков автономности, но другим путем — путем проращивания, а не заимствования институтов и постепенного приближения к этим большим признакам автономности в ходе долговременного процесса.

Я понимаю, что обе модернизации оборвались революциями. И надо ставить вопрос — почему. Но, с другой стороны, когда говорят о том, что нужно было создавать другой баланс институтов (не будем говорить об Александре II, лучше, скажем, о Михаиле Сергеевиче)... — я не убежден в этом. Например, баланс, который предлагает китайская модель, то есть стабильность политических институтов при попытке изменить экономические, дал бы хороший результат в 80–90-е годы по простой причине — в СССР уже проходили эту модель. Она называлась «новая экономическая политика» — НЭП — и давала не меньшие, чем Китай, темпы роста, самые высокие темпы роста экономики России за XX век. Это не тридцатые годы и не перед Первой мировой войной, это двадцатые годы, правда, после колоссального, самого большого в истории из зафиксированных статистикой спадов — 1920 года.

Китай — это совершенно другая фаза модернизации — с большой деревней, с первоначальной индустриализацией. Поэтому не думаю, что индустриально-интеллектуальная страна могла принять эту формулу в горбачевский период.

Что произошло после революции 91–93-го года? Чего достигла модернизация? Если смотреть по признакам, по которым сейчас проводятся кросс-культурные исследования по методикам Хофстеде, Инглехарта, Шварца, то автономность возросла, но лишь в некоторых сферах.

Фактически, говоря простым языком, произошла победа общества потребления. Люди свершили не либеральную революцию, а потребительскую революция, антидефицитную революцию — и получили результат, который, скорее, не ценностный, а утилитаристский. И поэтому верх утилитаризма — это отпуск. Нация ушла в отпуск, реализовав идеалы общества потребления.

Что же дальше? Снова поднимается вопрос о модернизации. Снова встает вопрос о Европе. Мне кажется, альтернатива нынешней модернизации и отношений с Европой выражена двумя возможными векторами. Вектор, который заявляется публично: нам нужен Запад как источник высоких технологий и как партнер по транснациональным проектам, которые не всегда удаются (трагедия: «Опель» не удалось купить — не продают).

Я не убежден, что это правильный путь модернизации. Потому что он исходит из того, что модернизация в России — это технологическое явление, что мы должны взять технологии, скопировать, симитировать и таким путем продвигаться.

Почему я в этом не убежден и почему не считаю драмой, что нам не дали купить «Опель»? — Потому что за XX век в России удалось создать космические, ядерные технологии, научиться делать конкурентоспособными гидротурбины. Но за сто лет автомобильной промышленности не удалось освоить массовых автомобильных технологий. И я полагаю, что пора уже делать выводы. На мой взгляд, если мы будем говорить о специфике культурного капитала в России, то здесь есть возможности для развития конкурентоспособных мелкосерийных, опытных производств и т.д.

Что у нас конкурентоспособно за последние десять лет? — Касперский — антивирусные программы. А «Ростехнологии» — нет. Означает ли это, что мы никогда не сможем делать качественный автомобиль, холодильник, а только уникальное медицинское или какое-нибудь космическое оборудование? — Нет, не означает. Но это означает, что пока в ценности развивающейся нации не входят технологические стандарты и закон как стандарт, пока отношение к законам не имеет силы национальной ценности, мы не получим качественного машиностроения с массовыми сериями. Это взаимосвязанные вещи.

Поэтому мне кажется, что основанием для отношений с Европой на новой волне российской модернизации являются не импорт и копирование технологий, и не транснациональные проекты. А все то, что способствует возведению в ценность закона (то есть любые институты, которые не позволяют переменить закон по прихоти кремлевского чиновника), и ценностно-культурные связи, которые не очень быстро, но результативно должны привести к трансляции ценностей автономности, а также закона как ценности, технологии как ценности. В этом состоит важнейший механизм успешной модернизации.

Мария Липман,

главный редактор журнала «Pro et Contra»

Ключевой вопрос нашей дискуссии: возможен ли «Наш общий дом Европа»? Что такое «общий дом» — еще куда ни шло, понятно. Это такой дом, где более или менее живут мирно. А если возникают конфликты, то есть и механизмы их разрешения. Причем эти механизмы признаются легитимными теми сторонами, между которыми конфликты возникают.

С Европой хуже. В каком-то смысле ответ на вопрос: возможен ли «Наш общий дом Европа», то есть мирный дом, возможен только после того, как мы определим, что это такое: географическое ли это пространство, культурное, политическое, какое-то другое, все сразу или несколько из них? Потому

что, как мы определим Европу и как проведем ее границы, так и будет ответ на вопрос: можем ли мы в ней мирно жить.

Это вопрос не пустой, потому что, может быть, надо говорить не об Общем европейском доме, а об общем доме просто, не настаивая на том, что для того, чтобы в нем жить мирно, нужно непременно быть европейцем. Европа, как ее ни определяй, — это понятие оценочное во всех странах, не исключая и России. Достаточно просто прислушаться к русскому языку. И как бы кто ни претендовал в России на какое-то евразийство, все-таки слово «азиатчина» звучит совсем не так, как «европейскость».

Говоря о границах этого «хорошего» пространства, я бы хотела привести конкретные примеры. Это пространство в разное время прочерчивалось совершенно по-разному, особенно до Второй мировой войны, когда пренебрежительно говорить о других народах не считалось предосудительным даже в хорошем обществе.

Например, австрийский канцлер Меттерних. Ему приписываются слова о том, что Азия начинается за Ландштрассе, то есть на востоке Вены. Французский граф Луи Филипп де Сегюр, который ехал послом в Петербург, в конце XVIII века описывал, как он «совершенно покинул Европу и перенесся на десять веков вспять» при пересечении границы Пруссии и Польши. И о той же границе американец, ехавший в обратном направлении, написал, что он пересек великий рубеж между азиатскими и европейскими манерами. *(Эти эпизоды упомянуты в статье российского историка Алексея Миллера «Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России», опубликованной в журнале НЛО).* Вспомним также маркиза де Кюстина, который объявил, что Европа кончается за Вислой.

Можно считать эти примеры историческим курьезом, который не имеет отношения к сегодняшнему дню. Но более свежий пример, из середины 90-х годов, — это Самуэль Хантингтон, который не только выделял славян, причем среди них еще отдельно православных, в отдельную цивилизацию, но и утверждал, что существует «культурная граница Европы, которая в Европе после «холодной войны» является также и поли-

тической и экономической границей Европы и Запада. Ее следует проводить по линии, веками отделявшей западные христианские народы от мусульман и православных».

К вопросу о мусульманах можно вспомнить Жискара д'Эстэна, который всего лишь семь лет назад, в 2002-м году, твердо заявил, что вхождение в Европу Турции было бы концом Европы. Его аргумент — столица Турции не в Европе, 95% ее населения живет не в Европе, это не европейская страна.

Причины для того, чтобы принять или не принять страну в качестве сожителя или соседа по Европейскому дому или даже рассмотреть ее кандидатуру, могут быть различными. И они совсем не всегда совпадают у тех, кто размышляет на эту тему: будь то люди, принимающие решения, или просто вольные мыслители.

Приведу еще один пример из собственного опыта, совсем недавнего — буквально месяц назад, — который тоже свидетельствует о том, что трактовка понятия Европы может быть очень вольной и не принимать в расчет ни географию, ни историю. Недавно я была на конференции в Вене, посвященной проблемам Юго-Восточной Европы. Участникам дарили подарки: набор документальных фильмов, сделанных одной международной неправительственной организацией, и назывался он «Возвращение в Европу». Каждый отдельный фильм был посвящен какой-нибудь одной стране юго-востока Европы. Он включал в себя сюжеты, посвященные не только Румынии и Болгарии, которые уже вроде как вернулись. Среди «возвращенцев» были также Сербия, Черногория, Албания, Босния с Герцеговиной, Македония и новообразованное Косово.

Более того, среди этих «блудных сыновей», которые возвращаются или вернулись в Европу, была названа также и Греция, которая вроде бы Европу никогда не покидала, а греческая античность составляет самую основу европейской цивилизации. Туда же попала и Турция, которая, отродясь, в Европу не входила и поэтому уж точно не может туда вернуться.

Таким образом, представления о Европе, действительно, могут быть чрезвычайно различны. И, наверное, можно говорить сегодня о том, что страны Центральной Европы ближе

всех подошли к собственной европейскости, к тому, чтобы быть Европой. Чем дальше, тем больше они отбрасывают слово «центральный» из названия своего региона.

Если этим странам удастся снивелировать различия между собой и Западной Европой, значит ли это, что и все остальные вернувшиеся и возвращающиеся должны постепенно выровняться по западноевропейскому образцу? Значит ли это, что расширение Европы, о котором говорил Александр Аузан, — это процесс бесконечный, и более или менее весь мир постепенно мог бы стать Европой?

Мне кажется, что сегодня разговоры о Европейском доме часто подразумевают именно это: мол, постепенно все подтянутся и на деле станут разделять западноевропейские ценности и жить по закону, строить политику на основе объединения групп интересов и т.д. — станут Европой.

Мне кажется, что трудности интеграции сильно недооцениваются. В наши дни об этом говорят многие, но я хочу процитировать человека, который предвидел это в первой половине 90-х. Это Майкл Доббс, американский журналист, автор книги, в которой документирован крах коммунизма по всему миру: «Берлинская стена была разрушена за один день. Но последствия неудачного эксперимента по строительству коммунистической утопии будут еще долго ощущаться в следующем столетии. Интеграция посткоммунистических обществ в современный мир — возможно, самое большое испытание, которое предстоит международному сообществу».

Признать гражданами ЕС жителей стран, которые вступают сегодня и, возможно, вступят в Европейский Союз в ближайшее время, еще не значит их интегрировать. Не все страны, которые недавно вступили в ЕС, действительно, соответствуют всем критериям. И среди тех, которые стоят сегодня в начале очереди, многие еще совсем недавно убивали друг друга. И сегодня их граждане иной раз, не скрываясь, говорят друг о друге с ненавистью. На этом довольно жестком национализме они строят свою национальную идентичность.

В обозримом будущем они едва ли станут «истинными» европейцами. Но, с другой стороны, присягая европейским ценностям хотя бы на словах, они едва ли станут и источником

серьезных проблем. Куда **большая** проблема с теми странами, которые хотят вступить в Европу, но которых Европа по разным причинам не хочет, и в первую очередь это, конечно, Турция, о которой говорил Ральф Фюкс. А поскольку в Турции есть ощущение, что к ней предъявляют несправедливые претензии и выдвигают требования и стандарты, которые другим не предъявляют, то с ней не так просто иметь дело. И более того, ее лояльности не всегда европейские. Получается порочный круг: оттого, что лояльность не европейская, труднее с ней иметь дело, и обратно: оттого, что трудно иметь дело, не хочется принимать такую страну в Европу.

Еще **большая** проблема с Россией, которая, на самом деле, не хочет в Европу и ее в Европе не хотят. И для России стимулов для лояльности по отношению к Европе, пожалуй, меньше, чем у Турции. Возникает вопрос: обязательно ли Россия должна стать европейской для того, чтобы выстраивание отношений с ней происходило более гладко и более конструктивно? Или можно представить себе иной подход к отношениям с Россией, который исходит из того, что Россия не станет европейской — в обозримое время, а то и никогда.

Мне представляется, что нужно больше думать о том, что происходит за пределами Европейского дома, чем об обустройстве Европейского дома как такового.

Я вернусь сейчас очень ненадолго в события совсем недавнего прошлого, о котором мы сегодня говорим. Нобелевская премия мира, присужденная Михаилу Сергеевичу Горбачеву, заслужена им, быть может, больше, чем какая бы то ни было другая Нобелевская премия мира. Если мы в качестве критерия выберем количество людей, которые — благодаря деятельности лауреата — почувствовали себя счастливее и свободнее. Чрезвычайно много людей в Европе благодарны Михаилу Сергеевичу за то, что тогда, 20 лет назад, он сделал их свободнее и счастливее, — но в нашей стране это совсем не так.

Для большей части стран Варшавского Договора сразу было понятно, что освобождение от коммунизма — это путь в Европу, это обретение новой идентичности, которая не требовала доказательств, которая ими сразу была осмыслена как

«возвращение в Европу». При этом было ли на самом деле это европейское прошлое счастливым, благополучным, справедливым, свободным, уже не имело значения. Оно было мифологизировано. Оно давало нации импульс к развитию, основу для единства и национальной идентичности. Потом за первой группой центральноевропейских стран подтянулись и другие, которые тоже стали ощущать европейскость как основу собственной идентичности.

В сущности, сегодня границы Европы и не-Европы проходят в большой степени по границам России. Россия не хочет и не может войти в Европу в том смысле, в котором уже сегодня являются членами европейского сообщества часть бывших советских сателлитов, или хотят — и могут (может быть, не сразу) — вступить в Европу другие страны бывшего соцлагеря.

В одной из последних статей, опубликованных в газете «Нью-Йорк Таймс» Горбачев пишет о том, что мировые процессы протекают не по воле политиков, а потому, что такова воля их сограждан. Речь в этой статье шла о крахе социалистической системы. Это очень верно. Действительно, как пишет сам Михаил Сергеевич, не он, не Рейган, не Папа Иоанн Павел разрушили коммунизм. Люди, — пишет Горбачев, — не хотели так жить.

Россия не хочет жить в Европе в том смысле, в котором хотят в ней жить и уже живут Польша, Чехия, Венгрия, а также те страны, которые стоят сейчас в очереди.

В конце я бы хотела привести еще одну цитату. Это слова британского историка, который уже цитировался сегодня, — Тимоти Гартон Эша. В недавно вышедшей статье он сказал: «89-й год — один из самых лучших в истории Европы. Трудно припомнить лучший. Весь мир смотрел на Европу. Мировая история вершилась в самом сердце старого континента. Двадцать лет спустя я не могу не думать, — пишет Эш, — что, возможно, это был последний случай, по крайней мере вперед на долгие, долгие годы, когда мировая история делалась в Европе. Сегодня она делается в других местах».

Я думаю, что это ощущение знакомо не только Тимоти Гартону Эшу. Это заставляет задуматься: не слишком ли мы

зацикливаемся на Европейском доме, когда думаем о том, как сделать отношения между странами более мирными и взаимодействие более рациональным. Может быть, Европейскому Союзу стоит проявить больше смирения и больше широты?

При этом Европа остается образцом цивилизованности, умения жить по закону — иногда даже по совести — и мирно разрешать конфликты. Но непременно ли нужно, чтобы для мира и безопасности все стали европейцами — в смысле получили пропуск в Европейский дом? Или возможен другой взгляд, другие идеологемы и другие слова для того, чтобы страны, соседствующие друг с другом в самой географической Европе, на ее границах или даже вдали от нее, могли разумно и мирно строить отношения?

В конце концов, мир — в обоих смыслах — не заканчивается на границах Европы. И как вообще строить мирные, конструктивные отношения, в первую очередь с теми странами, с которыми это пока не очень хорошо получается? Строить отношения независимо от того, добиваются ли они прописки в Европейском доме? Возможно, те, кто озабочен строительством мирного дома в Европе, должны задуматься над тем, может ли задача ставиться шире.

Александр Даниэль

Несколько слов по поводу границ Европы.

Вспоминаю замечание Дениса Драгунского, что идеальное включение в Европу для российского населения состояло бы в том, чтобы каждый отдельно взятый гражданин России стал гражданином Евросоюза и членом НАТО.

Думаю, что в этом парадоксе содержится довольно глубокий смысл. Границы Европы не географические. Они проходят не по странам — они проходят в людях. Европейцы есть и в Турции, а неевропейцы есть, наверное, в Германии, во Франции и в Голландии.

Европейскость — это вообще в основе своей не политическое, а индивидуальное, человеческое свойство. Я согласен с Михаилом Сергеевичем Горбачевым в том, что не воля пра-

вительств ведет к переменам. Конечно, не воля правительств ведет к настоящим переменам, но и не воля народов (здесь я с Михаилом Сергеевичем не согласен). К настоящим переменам ведет воля *людей*.

В России довольно много европейцев. Может быть, нет критической массы, но их много: и людей, и организаций, и структур. Мы сейчас находимся в помещении организации, которая, как мне кажется, одна из таких европейских организаций в России. Я тоже считаю себя принадлежащим к европейской организации в России. И таких немало.

Мне кажется, что главный урок 89-го года и шире — последнего двадцатилетия — состоит в том, что любой чисто политический проект европейской интеграции, включающий Восточную Европу и Россию, обречен на провал. Он все равно будет внешним.

Европейский Союз в настоящем понимании — в культурном смысле — все равно останется фикцией, пока не будет Союза Европейцев.

Тезисы доклада

«Европа и Россия. Вопрос о колонизации»

Валерий Подорога,
Институт философии РАН

1. Дискуссия вокруг 1989 года очень интересна и полезна, хотя в российском обществе эта дата отмечалась достаточно вяло. Согласен с тем, что 68-й год был годом начального импульса освобождения, который, в конце концов, сложился во что-то цельное и нанес свой удар в 89-м году. Однако если предыдущий период достаточно ясен, то последние два десятилетия еще не осмыслены как политически, так и с точки зрения нравственной гражданской позиции.

2. С падением Берлинской стены разрушилась самая западная из границ СССР. Распад советской империи внешне политически происходит почти мгновенно, прежние страны-сателлиты, члены так называемого социалистического лагеря разбегаются. После 89-го года Европа начинает формулировать глобальную стратегию единства. Именно с этого времени объединение Европы и становится возможным и даже необходимым. Наиболее влиятельные западные ученые начинают активно обсуждать идейные, юридические и политические аспекты будущего Европейского Союза (Ю.Хабермас, Ж.Деррида, Ж.-Л.Нанси и др.) В центр активного обсуждения попадает проблема европейской идентичности (вненациональной и поликультурной), что ставит проблему, могущую быть выраженной одним вопросом: а что такое НЕ-ЕВРОПА? Обратим внимание на то, как изменяется отношение к понятию **границы**. Вводятся все новые юридически-правовые, экономические, экологические и военные границы (западноевропейские «стандарты» цивилизованности). Центральноевропейские, «малые» государства образуют буферную зону вокруг России, а сама Россия становится зоной санитарного кордона. Вступая вольно или невольно на путь внешней колонизации и контроля за соподчиненными европейскому Разуму государственными образованиями, Европа лишается постепенно критериев, объясняющих природу и конечные цели ее внутренней колонизации (принцип «европейского объединения»). Отсылаю к книге 90-х годов (частью скандальной) Самуила Хантингтона, посвященной изучению взаимодействия цивилизационных процессов, идущих в современном мире (название «Столкновение цивилизаций»). Так, им приводится политико-географическая карта XVI, в которой намечена цивилизационная граница между Европой и Россией, она проходит между территориями влияния доминирующих религиозных конфессий (для Запада — это католическая вера, для России — православная). Линия этой границы идет начиная от Финляндии, спускается вниз, огибает Белоруссию, Молдавию, Болгарию, Сербию, Македонию и, наконец, утыкается в Албанию, далее вступает в соприкосновение с Турцией (последние две страны — мусульманские). Вот что пишет Хантингтон: «Это культурная граница Европы, и в мире после холодной войны она стала

также политической и экономической границей Европы и Запада. Таким образом, полицивилизационная модель дает четкий исчерпывающий ответ на вопрос, стоящий перед жителями Западной Европы: «Где заканчивается Европа?». Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие»¹. Актуальность этой «конфессиональной» граничной линии весьма сомнительна, поскольку в последние десятилетия такого рода границы перестали что-либо *раз-граничивать*. Но также потеряли свою актуальность и другие границы. После окончания холодной войны зоны прежних политических и военных разломов сгладились (хотя и не исчезли), в действие вступили новые границы, определяемые путями новоевропейской колонизации России.

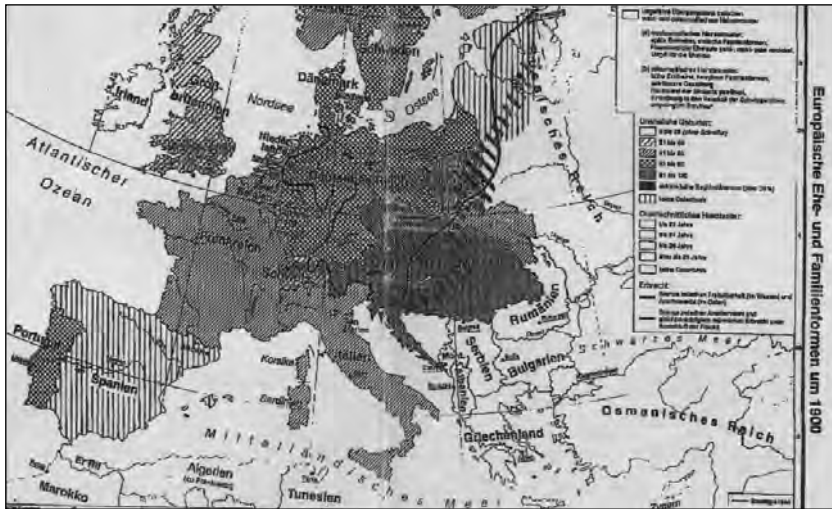

Линии Зука

Линия Хантингтона

¹ С.Хантингтон. Столкновение цивилизаций. Москва, «Аст», 2006, С. 243.

Линия Хайнала

Так Европа видела себя несколько столетий назад. Хотя все эти деления не имеют решающего значения для формирования европейской идентичности. Думаю, что европейская идентичность не может быть раз и навсегда определена, исторически она постоянно меняется².

3. Если обдумывать модель «Запад-Восток», прибегая к аргументам Н. Данилевского, О. Шпенглера или Л. Гумилева, то от нее сразу же следует отказаться как от заведомо устаревшей, исчерпавшей свои идейно-познавательные, идеологические и геополитические, прежде всего технологические, основания. Противостояние между Западом и Востоком сменяется совершенно новой формой взаимоотношения между двумя исторически извечными полюсами напряжения и противоборства: современная Россия и Европейский Союз (НАТО). На пороге нового тысячелетия наконец-то обозначились

² Проект европейской конституции обсуждается в таких позициях, например: «...деликатный вопрос о политической структуре общности: какую Европу мы хотим? Другой — это вопрос о географической идентичности: где проходят дефинитивные границы европейского союза?» (Ю.Хабермас. Расколотый Запад. Весь мир, Москва, 2008, С. 66).

четкие ориентиры: это *новоевропейская колонизация Востока*. Этот, на первый взгляд, слишком «сильный» тезис требует пояснения. Кто сказал, что эта ожидаемая колонизация (как иногда говорят: «вестернизация») нам в новинку. Российская империя постепенно, начиная с послепетровского времени, подвергалась все более сильному европейскому культурному влиянию и, тем не менее, оставалась сама собой, т.е. была не-европейской страной, но также и неазиатской. Почему? Да прежде всего потому, что это культурное влияние не только ограничивалось определенным кругом населения (высших, отчасти средних слоев), но никоим образом не могло нарушить этот тысячелетний, жуткий симбиоз имперской власти и пространства. Столь неопределенное в своих границах пространство требует сильной власти, чтобы это пространство удержать в достигнутых пределах (границах). Российская колонизация никогда не была культурной, в лучшем случае — политико-лингвистической и идеологической. И всегда была направлена на захват и удержание пространств. Имперскую колонизацию интересует не человек, живущий на земле, а, скорее, сама земля, причем понимаемая опять-таки лишь географически (без человека). То, что на эти большие пространства мало кто мог тогда претендовать, позволило осуществить широкую экспансию имперской географии на Восток.

4. Под колонизацией не следует понимать насильственный цивилизационный процесс, который с самого начала предполагает потерпевшую сторону, униженную и оскорбленную, якобы обреченную на потерю своих оригинальных и самобытных черт, места в мировой Истории и т.п. Грядущая колонизация, как мне представляется, будет длиться не одно десятилетие, будет достаточно «мягкой» (без милитарных эксцессов, или, во всяком случае, надеюсь, они будут минимизированы). И уж вовсе я не хочу сказать, что Европейский Союз (и страны НАТО) вынашивал свои «коварные» планы и вот теперь пришло время их претворения в жизнь. Эта колонизация настолько *вынужденная* для Запада, насколько, возможно, *необходимая* для территории России и населяющих ее граждан. Действительно, приведу наглядный пример. Другое дело, каковы ее будущие темпы, каковы будущие потери и приобрете-

ния? Наблюдая ранее за процессом упорядочивания очереди государств, желающих вступить в «Европу» и получить знаки европейской государственности («нормальности»), нельзя было не увидеть движение начавшегося колониационного процесса. Стремление быть принятым в семью демократических и цивилизованных народов отличает сегодня среднестатистического (электорального) эстонца, украинца, венгра, литовца, латыша, поляка, чеха от русского, для них всех тоталитарные ценности имперского сознания — не пустой звук. Ничто, даже желания не могут быть однозначными: иногда бывает и так, что желание быть колонизованным может покоиться на желании быть имперским (варварским). В любом случае движение Запада на Восток (Россия) вызвано резким нарушением процессов внутренней колонизации в самой России. «Если ты себя сам не колонизируешь, тебя колонизируют другие». Колонизация — необходимый цивилизационный процесс, который не может останавливаться. Сырьевая колонизация России сегодня налицо; а современные российские управленцы или, если угодно, топ-менеджеры — рекруты этой стратегической задачи, особенно учитывая, что все «свое» — ценности, деньги, семья — они предпочитают хранить на Западе.

5. Европейская цивилизация обладает мощным духовно-культурным ресурсом: идеологией суверенного (европейского) разума. Что же это за разум? «Европейский разум» — не столько европейский, сколько *Разум* как таковой. Это разум, предписывающий законы, в том числе и те, которые ограничивают его самого, но не его автономию и нейтральность. Не нужно быть геополитиком, чтобы увидеть, какую высокую ценность для европейского сознания всегда имел фактор границы, о-граничения и само-ограничения. Классическая немецкая философия (прежде всего в лице Канта) обозначила для критической мысли одну задачу: проводить одни границы, а внутри них или поверх утверждать другие и т.д. Мыслить — это утверждать границу, *раз-граничивать*. Мысль относится к сфере *чистого* разума, т.е. она должна быть безукоризненным инструментом разграничивания всего. Чем больше мы присматриваемся к историческому развитию западноевропейской модели разума, тем больше мы видим, насколько он связан с

проработкой идеи границы во всем многообразии ее качеств и функций. Естественно, что понятие границы не может быть сведено лишь к проблеме политико-государственного устройства той или иной национальной территории. Границу следует понимать как изначальное условие стратификации жизненного пространства в целом. Разграничивать — это наделять текущее, преходящее, временное чем-то устойчивым, т.е. пространством, ибо граница — основной принцип деления жизненного пространства. Единое европейское пространство (свободный, без-граничный обмен информацией, перемещения людей, товаров, услуг и т.п.) — это не отказ от границы в пользу некой аморфной безграничности всеобщего обмена. Напротив, это утверждение границы: территориальная, внутренняя граница лишается значения (хотя и не отменяется), в то время как внешняя становится все более жесткой, более того — экспансионистской, начинает свое движение... на «Восток». Новый европейский режим границ учреждается на наших глазах, но учреждается на все тех же основаниях посткантовского разума³.

6. Суверенность европейского Разума всегда определялась его способностью превращать человеческое усилие в исторически завершенную пространственную форму. Другими словами, европейская цивилизация, разделяя и ограничивая, исчисляя и измеряя время, добилась столь технологически значимых результатов (в течение последних веков), что время потеряло свою разрушительную и спонтанную силу. Любое социальное или «жизненное» время должно быть переводимо в пространственный эквивалент или стандарт. Вот здесь и открывается смысл европейского Разума как Истории, ибо ис-

³ В докладе профессора Венского университета, историка Михаэля Миттерауэра на международной конференции «Россия и Европа в поисках идентичности» (2000 г.) выделяются три структурных плана границ: *культурно-конфессиональная* (линия Хантингтона), *демографическая, модель семьи* (линия Хайнала (Hainal)) и *колониационная, пространство «из трех Европ»* (линия Зука (Szucs)). На мой взгляд, структурные границы нужно понимать как вполне условные, или просто как линии виртуальных разделов, так и не ставшие государственными или другими юридически признанными границами. (Мы приводим карты, взятые из доклада проф. Миттерауэра).

торическое чувство западного человека формировалось на основе лишь того, насколько он умело пользуется повседневным жизненным временем, как он его расходует, превращает, использует, перераспределяет, учитывает в своих повседневных планах и проектах. Проектирование времени в пространстве и есть универсальная черта европейского цивилизующегося сознания. Мировой технологический разум (сюда можно включить помимо США и европейские страны) теперь уже делает следующий и весьма решительный шаг к полному преодолению каких-либо гео-политик, и это очевидно настолько, что позволило П.Верилио попытаться набросать конспект новой военной стратегии Запада — *хроностратегии*⁴. Идея хронополитики есть не столько отрицание гео-политики, сколько отказ от использования самого пространства, определяемого антропоморфными границами. Ирак («Буря в пустыне» и последующие ограниченные ракетные удары), Косово, да и любые другие конфликты сегодня могут быть на более ранних стадиях остановлены «точным» применением силы.

7. Историю России можно рассматривать в терминах внутренней и внешней колонизации⁵. История России — это «история страны, которая колонизируется» (Ключевский)⁶. А это значит, что страна или значительные части ее населения находятся в *постоянном движении*. Оглянувшись чуть назад, понимаешь, насколько духовное усилие русской культуры XIX–XX

⁴ См.: P.Verilio. Speed und politics. New York, Columbia University, 1986.

⁵ Я полагаю, что в данном случае было бы уместнее использовать понятие колонизации в том старом геополитическом смысле, которое ему придавалось в конце XIX века. Но прежде обратим внимание на биосоциальное определение колонии. Не поленись посмотреть у Брокгауза-Ефрона: «В широком смысле слова К. можно называть всякое сочетание индивидов низшего порядка для образования индивида высшего; поэтому всякое многоклеточное животное можно считать колонией клеточек» (Энциклопедический словарь. С.-Петербург, 1895, том 15, с. 748). В своем общем направлении колонизация как геополитически, экономически или миссионерски направленная деятельность включает в себя выше определенную цель. Организацию (насильственную и ненасильственную) случайных элементов, «слабо организованных» или «организованных иначе» в единое новое органическое сообщество. Там, где утверждается идея лагеря, там же и реализуется некая скрытая цель будущей колонизации. Римская колонизация, греческая колонизация, немецкая колонизация.

⁶ В.О.Ключевский. Сочинения. Москва, Издательство политической литературы, 1956, С. 31.

века, все ее известное непосильное напряжение, трагедия так или иначе замыкались на проблеме пространства без-и-вне-границ. Не всегда и не во всем, но во многом кризис национальной идентичности своими глубинными корнями ускользал к этой неразрешимой проблеме. В русской культурном опыте сформировалось совершенно иное представление о границе. Можно сказать, что граница никогда не была синонимом разумного и необходимого ограничения, расчета, перевода временного усилия в пространственный эквивалент, «вещь», «образец». Не История, а только География могла стать королевской наукой империи. В дальнейшем, в эпоху сталинской «индустриальной революции» и после нее основным фактором освоения громадной территории стала внутренняя колонизация: ее малые и большие волны сменяли друг друга. Это движение соответствует непрерывно возобновляемому в обществе закону о чрезвычайном положении. Главной целью имперской государственности оставалось охранение внешних границ (географических) и продолжение экспансии, меняя ее направление, скорость, интенсивность и силу. Сама же государственная власть постепенно выродилась (со всем своим многочисленным аппаратом надзора, контроля и наказания) в некий придаток к целям «захвата пространства» — эксплуатации природных богатств, которые все, в конечном итоге, шли на воспроизводства средств захвата и удержания этого пространства. От «одного захвата к другому». Мегаломания чиновников сопутствовала этой странной и упорной войны с пространством (что стоит хотя бы недавний проект «Поворота рек»!). Все виды сообщения, технические средства коммуникации и обустройства территории не ориентировались на создание жизнеспособных инфраструктур. Если они и создавались, то только в качестве *временных сред человеческого обитания*, прилагаемых к добывающим или военно-промышленным комплексам. Рабский труд зэков поддерживал пафос романтических миграций комсомольской молодежи («Великие стройки», «Целина», «БАМ»). Я не говорю об «объективных» трудностях освоения такого обширного пространства, они очевидны. Я говорю об общей стратегии этого «освоения», о той *экономии жизни*, которую она полностью определяла.

8. Процесс *внутренней* колонизации является непрерывным и неотменяемым (в отличие от *внешней*, экспансионистской). Но вот то обостренное противоречие, можно сказать, трагическое, между внешней колонизацией и внутренней присуще российскому государственному устройству. Действительно, внешняя экспансия могла быть поддержана внутренними колонизациями (индустриализация, коллективизация или милитаризация хозяйственной жизни, что было отличительным клеймом империи СССР; сегодня — это капитализация и криминализация экономики). Внутренняя колонизация переживает критический период, ибо перед ней не поставлено никакой реально достижимой цели. Можно сказать, она остановлена в силу отсутствия и необходимых ресурсов. Что, как и в какое время, и в каком пространстве колонизовать? Да и она пока не может начаться. Проблема заключается в том, что необходимо заново колонизовать традиционно имперский гео-стратегический милитарный Разум, т.е. некое над-национальное *психическое и ментальное пространство*, то, что еще недавно представляло собой хотя бы по форме все качества советскости (или русской имперскости). Кем еще недавно был житель империи? Это прежде всего (в лучших человеческих типах): естествоиспытатель, географ, завоеватель и путешественник. Широта взгляда, готовность к риску, воля и энергия. Его над-национальная способность к видению собственной страны и населяющих ее народов определялась *общей территориальной картой* (1/6 часть света), он всегда мыслил *географически...* Типичный пример — утопия евразийства, одна из самых «образцовых» политико-географических утопий.

9. Сталинская колонизация опиралась на ГУЛаг, именно эта невидимая колонизация являлась главной направляющей силой *индустриализации и коллективизации*. Естественно, что этот способ колонизации или внутренней колонизации никак нельзя свести к европейски цивилизованному освоению новых пространств и территорий. Лагеря ГУЛага не создавали необходимой для освоения техно-социо-культурной инфраструктуры, да и она не требовалась, ибо всякое стратифицированное пространство опасно для политического режима, при-

водным ремнем которого всегда был миф о продуктивности *непрерывно применяемого насилия*. Громадная масса переселенных людей, «строителей коммунизма», постепенно потерявших всякую социальную опору, духовно-культурную память, полчища зомби — даже они не смогли освоить эти колоссальные пространства с суровым климатом. Сталинская колонизация Севера, Сибири и Дальнего Востока оставалась самоцелью государственного разума, расширяющего свои границы, т.е. определялась абстрактными стратегическими механизмами такого типа функционирования власти. Таким образом, тоталитарный государственный Разум непрерывно создавал для себя особые пространства, «чистые пространства», которые оставались невидимыми, даже несуществующими, но только с их помощью могли быть в любой момент перемещены народы, только с их помощью без остановки шел процесс изъятия национальных природных богатств. Ради чего? Ради защиты географической целостности территории (эксплуатируемой)? Ради улучшения жизни «трудящихся»? Ради «равенства, братства и свободы»? Конечно, нет! Российская империя, завершившая в «сталинскую эпоху» переход от внешней, «пространственно-географической» колонизации к *внутренней колонизации*, приобретала все более жесткие тоталитарные формы.

Ответы М.С. Горбачева на вопросы участников Круглого стола

Вопрос (Рафаэль Морено, журналист, Испания)

Михаил Сергеевич, скажите, пожалуйста, дух 89-го года актуален сейчас в России? Применим сейчас дух того времени?

М.С. Горбачев

За свою долгую политическую деятельность я наблюдал, как обстояло дело с тем или иным «духом»: например, был дух Женевы после встречи с Рейганом. Тогда было заявлено, что ядерная война недопустима, в ней не может быть победителей. К весне мы обнаружили, что этот дух почти улетучился. И на переговорах его следов нет и прогресса нет. Видимо, этот период был периодом узнавания, проверки: можно ли доверять или не нужно доверять?

По поводу 89-го скажу нечто другое: 89-й год — это рождение новых институтов, которые дали парламентаризм. Это конец холодной войны и уже новая структура отношений. Я не думаю, что ЕС пойдет захватывать Россию, или Россия придет к выводу, что надо преподнести ЕС какой-то урок. Нет, это все позади. Мы можем спорить, можем даже расходиться, наши отношения могут осложняться — я вижу, что это происходит. Тем не менее и в России, и в ЕС есть понимание, что мы очень нужны друг другу.

В России все больше понимания, что мы европейцы. Мы неотъемлемая часть Европы не только исторически, но и сейчас. Это не отменяет того, что Россия — огромная страна, которой надо строить отношения и по другим направлениям. Речь идет об Иране, Афганистане, Индии, Китае, о тысячах километров на пространстве СНГ.

Поэтому я думаю, что большинство созданных институтов, проектов будут развиваться, совершенствоваться, улучшаться. Это хороший результат и большая польза для нас.

Что касается демократии. Тогда это был поток — открылись все шлюзы. Всегда бывает так: бурное начало развития процесса, потом или его угасание, или замедление. Это сейчас происходит — но ведь изменилась и страна. В 89-м году все происходило еще в Советском Союзе, а теперь, как мы называем, на постсоветском пространстве.

Изменяясь, некоторые идеи и проекты отпадут, окажутся неоправданными. Все-таки то, что происходило в 89-м у нас, в Европе и в мире, — особый случай, мы все получили от того времени мощный импульс. Это сохраняется.

Вопрос (Рафаэль Морено)

Почему Вы тогда не настаивали на том, чтобы Объединенная Германия не была членом НАТО?

М.С. Горбачев

Нет, наоборот, я настаивал. Даже тогда, когда однажды позвонил Шеварднадзе и сказал, что кроме нас никто не выступает за то, чтобы будущая Объединенная Германия не вошла в НАТО. И тем не менее я зарезервировал возможность отстаивать свою позицию. Это было как раз накануне встречи в Вашингтоне в июне 90-го года. Тогда дискуссия на эту тему была острой. Нас спрашивали: «почему вы боитесь Германии?» Я отвечал, что мы не боимся ни вас, ни Германии, но, если послушать ваших теоретиков и политиков, складывается впечатление, что вы точно боитесь Германии: почему вы так настойчиво говорите о том, чтобы Германия была включена в НАТО?

Считали, что от Германии можно ожидать все, что угодно, то есть это были вариации тэтчеровской концепции. Можно было развязать этот узел только одним путем: мы объединяем Германию, она суверенная страна и в рамках полного суверенитета решает вопрос, где ей быть. Это было сформулировано совместно. Я сказал: с этим мы выйдем к прессе. Буш говорит: я добавлю, что мы приглашаем Германию, хотим видеть ее в НАТО. Как это понимать? Или это недоверие к Германии, или столь крепкие, дружеские объятия, которые могут и задуть...

В Германии очень много Друзей Соединенных Штатов Америки. Я их знаю хорошо. Некоторым из них я высказывал замечания, потому что они хотели усилить дружбу с Америкой за счет уменьшения сотрудничества, связей России и Германии.

Я не раз открыто говорил об этом в Германии. Не надо строить козни. А Европейский дом должен строиться: это не иллюзия — это идея. И надо еще много трудиться над тем, чтобы создать «общий дом Европа». Увидим, что из этого получится, но одно важно: мы европейцы. Нас должны объединять общеевропейские интересы, общеевропейская безопасность. У нас должны быть инструменты для того, чтобы решать эти проблемы.

Вопрос (Мария Ферретти, историк, Италия)

Какие были у Вас, Михаил Сергеевич, ожидания и опасения в отношении тогдашних (1989 г.) демократов, членов Межрегиональной группы?

М.С. Горбачев

У меня с МДГ сложились самые нормальные, самые хорошие отношения — даже лучшие, чем отношения с некоторыми другими секторами. (Например, объединение депутатов «Союз» было вроде бы тем, за что должен держаться Горбачев. Но это оказался такой трудный «Союз» и такие трудные соратники...)

Надо признать: было очень трудно и остро. Например, когда в 90-м году на Съезде народных депутатов Сажи Умалатова (я думаю, от объединения «Союз» это исходило — сама бы она до этого не додумалась) предложила внести в повестку дня вопрос об освобождении от должности президента Горбачева. Это принципиальный вопрос.

МДГ была на стороне Горбачева. Я поддерживал с ними контакт — и гласный (прямо в зале), и негласный (как говорится, шушукались). Члены МДГ присылали мне тогда протоколы своих заседаний, из которых следовало, что, откровенно говоря, они не могли понять, что им делать, и высказывали много всякой чуши.

Но МДГ, действительно, представляла собой зародыш оппозиции, которая должна была развиваться.

Я очень тесно был связан с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Однажды я работал в своем кабинете, готовился к следующему утреннему заседанию. Выхожу уже в 11 или в 12-м часу ночи. Сотрудники мне говорят: «Вас ждет Сахаров». Я спрашиваю: «Почему же мне не передали?» — «Сахаров сказал, что он подождет, когда Горбачев сам выйдет».

У нас с Андреем Дмитриевичем сложились доверительные отношения после того, как я позвонил ему в Горький, где он находился в ссылке. Потом было много разных встреч... Но интересно, с чем он пришел тогда, ночью и ждал.

Я спросил его: «Вам нравится, как съезд идет? По-моему, он на ходу взрослеет, начинает организовываться, понимать механизмы управления. И развивается содержание перестроечных дискуссий». «Да, — согласился Сахаров. Но у нас есть опасение...» (Думаю, это Татьяна Корягина запускала слухи о том, что Горбачев во время работы на Ставрополье участвовал в какой-то темной компании, которая на него может надавить и заставить...)

Я спрашиваю: «Вы из-за этого сидели и ждали?» — «Это же серьезно, Михаил Сергеевич», — отвечает академик. Говорю: «Андрей Дмитриевич, идите и спите спокойно — и я пошел спать». Так мы расстались.

У меня была постоянная связь с Гавриилом Поповым. С Борисом Николаевичем Ельциным практически мало общались, но тоже общались (у него же было, кажется, пять сопредседателей).

В общем, МДГ была молодой организацией, которая зародилась в недрах самого съезда. Сахаров сказал: «Мы не безоговорочно объявляем поддержку Горбачеву». Но Сахаров, кстати, больше всех защищал Горбачева. Например, Яблоков — тот критиковал.

Что я ожидал от демократов? Я не видел такой оппозиции, которая по-настоящему сложилась и способна на серьезные, резкие выступления. Нет, она была еще в стадии формирования. Но это была хорошая группа, хорошая инициатива. И ее надо было поддержать.

Их (членов МДГ) полностью сдал Борис Николаевич. Получил от них поддержку — его избрали президентом на уже российском съезде, — и они ему больше были не нужны. У него завязались совсем другие контакты.

Вот так и «повисло» это движение, не получив развития.

Вопрос (Мадлен Леруае, журналистка, Франция)

Что Вы почувствовали, когда узнали, что Берлинская стена, действительно, падает? О чем Вы думали в этот момент?

М.С. Горбачев

Вы же знаете (я только что рассказывал): еще во время факельного шествия на праздновании 40-летия ГДР мы поняли, что вопрос будет решаться в ближайшее время. Встретившись с членами СЕПГ, я почувствовал, что и они настроены на то, что ситуацию надо менять. Причем разговор между нами был товарищеский, дружеский. Я уехал с большим ожиданием перемен. Они начались.

Но думать о германском вопросе приходилось все время. Это вопрос, который (как я вам уже сказал) постоянно стоял в повестке дня Политбюро. Мы знали, что все пришло в движение.

9 ноября 1989 г. три миллиона жителей ГДР побывали в ФРГ — перешли границу. Это была уже революционная ситуация, которая и решается по-революционному. Мы тогда заняли позицию понимания немцев и пересмотрели нашу политику в интересах быстрейшего объединения Германии. Это было мудро и правильно. Благодаря этому нам удалось избежать чрезвычайных ситуаций.

Немцы ценят, что к ним было проявлено уважение. Я думаю, что они заслужили этого: они вытащили свою страну из развалин, морального поражения и восстановили ее. Немцы доказали, что заслуживают, чтобы им доверяли как народу, как нации.